

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2020'1

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:
И.Л. Прохоренко

Редакция:
А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
Е.М. Харитонов (зам. главного редактора)

Журнальная верстка:
ООО «Верди»

Верстка web-страниц:
Е.А. Ключева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:
С.В. Сафонов

Контакты редакции:
117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:
<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
"Analysis and Forecasting. IMEMO Journal"
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher
Federal State Budgetary Institution of Science
"Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)"

Editor-in-Chief:
Irina Prokhorenko

Editorial Staff:
Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Elena Kharitonova (Deputy Editor-in-Chief)

Layout and Design:
Ltd Verdi

Website Design:
Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:
Sergey Safonov

Contacts:
Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:
<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий Сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий Кафедрой государственной политики и государственного управления Факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Портной М.А., д.э.н., профессор, руководитель Центра внешнеэкономических исследований ИСКРАН

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий Сектором международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий Сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитонов Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник ОМП ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий Сектором социально-экономического развития и миграционных процессов Отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitlovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskiy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Mikhail Portnoy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of External Economic Studies of the Institute for the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN)

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuotong, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЮ

Представляем номер	10
--------------------------	----

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

Американоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты)

Королев И.С.	12
-------------------	----

Третий год Трампа в Белом доме: идейный раскол и международная конфликтность

Богаевская О.В., Борисова А.Р., Бунина А.А., Гудев П.А., Давыдов А.А., Десятски Е.А., Дмитриев С.С., Журавлева В.Ю., Кислицын С.В., Кириченко Э.В., Кулакова В.К., Мишин И.О., Чудинова К.О.	23
---	----

Факторы роста и тренды мировой торговли

Варнавский В.Г.	51
----------------------	----

Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления

Бордовских А.Н.	63
----------------------	----

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Политика Ирана в Сирии

Богачева А.С.	74
--------------------	----

Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций

Лазовский С.О.	81
---------------------	----

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В ИМЭМО

Изучение европейской интеграции в ИМЭМО РАН

Артеев С.П.	94
------------------	----

TO READERS

Presenting the Issue	10
-----------------------------------	----

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

**Americanocentrism and Multipolarity in the Global Economy
(Trade Policy and Financial Aspects)**

<i>Korolev I.S.</i>	12
---------------------------	----

Trump's Third Year: Ideological Polarization and International Conflicts

*Bogaevskaya O.V., Borisova A.R., Bunina A.A., Gudev P.A., Davydov A.A., Desiatsky E.A.,
Dmitriev S.S., Zhuravleva V.Ju., Kislitsyn S.V., Kirichenko E.V., Kulakova V.K., Mishin I.O.,
Chudinova K.O.*

23

Growth Factors and Trends of Global Trade

<i>Varnavskii V.G.</i>	51
------------------------------	----

Political Risks in the Era of Global Challenges to Traditional Governance Structures

<i>Bordovskikh A.N.</i>	63
-------------------------------	----

GLOBAL AND REGIONAL CHALLENGES

Iran's Policy in Syria

<i>Bogacheva A.S.</i>	74
-----------------------------	----

Iran's Economic Situation under US Sanctions

<i>Lazovskii S.O.</i>	81
-----------------------------	----

SCIENTIFIC SCHOOLS AT IMEMO

Studies of European Integration at IMEMO

<i>Arteev S.P.</i>	94
--------------------------	----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию пятый по счету и первый в 2020 г. выпуск журнала. Общий дизайн макета журнала остался прежний, изменился лишь цвет обложки и оформления текстов статей. Эта цветовая перемена будет отражена и в разделе “Архив номеров” в меню на сайте нашего издания – каждый год свой цвет.

Этот номер дался нам непросто. И дело здесь не столько в сложностях периода самоизоляции и трудностях дистанционной работы. Пандемия коронавируса заставила начать научные и экспертные дискуссии о “новой нормальности”, о невозврате к образу жизни прежних последних лет, о грядущих драматических переменах – глобальной рецессии и трансформациях миропорядка, прежде всего. Более того, общемировая ситуация и боязнь новой волны пандемии придали чрезвычайную эмоциональность этим дискуссиям. В итоге часть авторов статей первого номера решили дополнить свои тексты сюжетами о COVID-19, некоторые материалы второго номера редакция переставила в первый выпуск. В портфеле журнала на 2020 г. уже появились статьи, посвященные тем или иным проблемам пандемии и антикризисным пакетам действий в страновом разрезе, однако мы решили не стремиться действовать в оперативном режиме во что бы то ни стало, а дать возможность нашим авторам осмыслить предстоящие перемены к концу года, поскольку масштаб и синхронность воздействия пандемии на локальные, национальные, региональные и глобальные процессы чрезвычайно трудно оценить в настоящий момент, к тому же сделать это максимально беспристрастно.

В итоге в новом выпуске журнала три рубрики. Первую, **“Тренды и риски развития”**, открывают материалы, посвященные Соединенным Штатам Америки. Д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН Иван Сергеевич Королев в статье “Американоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты)” анализирует основные предпосылки и последствия сохранения единоличного лидерства США в мировой экономике. Автор доказывает, что тенденция в сторону многополярности, которая имеет стратегический характер, отнюдь не ослабляет американоцентризма. Наоборот, дробление центров экономической силы за пределами США еще более расширяет возможности внешнеэкономической политики американской администрации. Очевидна прогнозная значимость рассуждений и выводов автора для избежания возможных ошибок в оценке перемен в мире вследствие пандемии. Ведь сейчас, когда США оказались на первом месте по числу заболевших и умерших от коронавируса, в прессе и аналитике все чаще звучат мнения о неминуемом ослаблении Соединенных Штатов, а в Китае, как и во времена Мао Цзедунa, вновь заговорили об Америке как о “бумажном тигре”. Также в статье рассматриваются противоречия и перспективы экономических отношений, сложившиеся в треугольнике США–ЕС–Китай, роль новых быстро развивающихся экономик.

Аналогичную прогнозную важность представляет и коллективное исследование сотрудников Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН, который возглавляет к.полит.н. Виктория Юрьевна Журавлева, “Третий год Трампа в Белом доме: идейный раскол и международная конфликтность”. В большой по объему статье изучены основные тренды и тенденции, проявившие себя в 2019 г. во внутренней политике, экономике и внешней политике США. В центре внутривластной жизни страны в 2019 г. – растущий межпартийный раскол власти и общества, проявившийся в двух расследованиях деятельности президента со стороны американского Конгресса, одно из которых закончилось вынесением импичмента президенту Д. Трампу Палатой представителей. Конфликтность политического процесса проявлялась во внешнеполитической активности США: администрация Трампа в 2019 г. пересматривала отношения как с союзниками, так и с конкурентами на мировой арене. Учитывая особую субъектность США в мировой системе, редакция журнала надеется, что Центр североамериканских исследований не откажется и в дальнейшем ежегодно в первом номере давать глубокий комплексный компетентный анализ произошедшего в стране, которая обладает несомненными конкурентными преимуществами в борьбе за глобальное лидерство.

Также основой прогнозных исследований перемен в мире в связи с ситуацией с коронавирусом, несомненно, станет статья д.э.н., профессора Владимира Гавриловича Варнавского “Факторы роста и тренды мировой торговли”. Анализируя долгосрочные тенденции роста и тренды мировой торговли, автор дает характеристику ее динамики за

последние 30 лет, выделяет этапы ее развития, систематизирует и типологизирует влияющие на нее факторы. Особое внимание уделено спаду мировой торговли в 2015–2016 гг. и торговому противостоянию между США и Китаем. Сделан вывод о том, что мировая торговля постепенно выходит на темпы роста, примерно соответствующие динамике мирового ВВП.

Завершает рубрику статья нашей коллеги из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова к.полит.н., старшего научного сотрудника кафедры политического анализа Анастасии Николаевны Бордовских “Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления”. В связи с актуальностью роста политических рисков в сфере международного бизнеса автор ставит научную проблему соответствия классических теорий исследования политических рисков реальному содержанию феномена. Рассматриваются новые формы политических рисков сквозь призму трансформации характера политического взаимодействия, в котором происходит их формирование, и изменения целевой мотивации политических акторов на фоне усиления глобальных угроз. Определены ключевые характеристики этих новых форм – сетевые глобальные алгоритмы развития, актуальная география, особый пространственно-временной формат распространения. Раскрыто содержание гибридных экополитического и информационно-политического рисков.

В рубрике **“Глобальные и региональные вызовы”** статьи молодых сотрудников Лаборатории “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН, фокус исследования которых – Иран, одна из региональных держав Ближнего Востока, не только претендующая на лидерство в этом регионе, но и обладающая значительными ресурсами для проецирования своего влияния.

В статье Анастасии Сергеевны Богачевой “Политика Ирана в Сирии” сделан вывод о том, что тесное сближение между Сирией и Ираном началось в последние два десятилетия в связи с нараставшим давлением США на обе страны, а с началом сирийского кризиса в 2011 г. двусторонние отношения приобрели характер стратегических. Автор выделяет несколько этапов в политике, реализуемой иранским руководством в Сирийской Арабской Республике (САР) в соответствии с меняющейся обстановкой в регионе Ближнего и Среднего Востока. В статье рассматриваются военно-политические, экономические и территориальные интересы Ирана в Сирии и динамика иранского вмешательства в сирийский кризис. Поскольку в САР также присутствуют игроки, заинтересованные в уменьшении влияния Тегерана, Иран старается сочетать тесное взаимодействие с официальным Дамаском с укреплением своих позиций в ряде сирийских регионов, не контролируемых Б. Асадом, где местные жители и власти приветствуют иранское присутствие. Тем самым Исламская Республика Иран стремится гарантировать сохранение своего влияния в постконфликтной Сирии.

В статье Станислава Олеговича Лазовского “Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций” изучаются история антииранских санкций, в том числе со стороны Соединенных Штатов, начиная с 1979 г., после Исламской революции в Иране, и тот по-настоящему уникальный опыт, который страна приобрела в процессе многолетнего существования в условиях внешних ограничений. Этот опыт, предполагающий снижение внешней зависимости при одновременном развитии собственных ресурсов и возможностей, может в определенной степени оказаться востребованным в современном мире, страдающем от последствий пандемии и кризиса нефтяного рынка.

В этом номере журнала мы открыли и новую рубрику **“Научные школы в ИМЭМО”**, и первый материал в ней – статья к.полит.н., сотрудника ИМЭМО РАН Сергея Павловича Артеева “Изучение европейской интеграции в ИМЭМО РАН”. В статье рассматривается формирование и развитие научной школы изучения европейской интеграции в ИМЭМО РАН. Источниковая основа работы состоит из статей и монографий сотрудников ИМЭМО в данном предметном поле исследований, начиная с момента создания Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1956 г., а также материалы проведенных автором глубинных экспертных интервью с учеными, в сфере научных интересов которых европейская интеграция занимает важное место. На основе обобщения материалов источников и оценок, полученных в ходе интервью, автор доказывает, что изучение европейской интеграции в ИМЭМО развивалось как систематическое комплексное полидисциплинарное направление исследований.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

АМЕРИКАНОЦЕНТРИЗМ И МНОГОПОЛЯРНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТЫ)

© КОРОЛЕВ И.С., 2020

КОРОЛЕВ Иван Сергеевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра прогнозных исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (korolev@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9007-692X.

Королев И.С. Американоцентризм и многополярность в глобальной экономике
(торгово-политический и финансовый аспекты).

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс.12-22. DOI: 10.20542/afj-2020-1-12-22

DOI: 10.20542/afj-2020-1-12-22

УДК: 339.9+338.27:(73)+(510)+(4)

Статья поступила в редакцию 12.03.2020.

Проанализированы основные предпосылки и последствия сохранения единоличного лидерства США в мировой экономике. Показано, что движение в сторону многополярности не ослабляет американоцентризма. Наоборот, дробление центров экономической силы за пределами США расширяет возможности внешнеэкономической политики американской администрации. Рассмотрены противоречия и перспективы экономических отношений в треугольнике США–ЕС–Китай, роль новых быстро развивающихся экономик.

Ключевые слова: глобальная экономика, взаимозависимость, международная конкурентоспособность, санкции, роль доллара, G2, Брекзит, многостороннее регулирование торговли, прогнозные исследования.

Обострение в последние годы торговых противоречий между странами вызвано комплексом причин. Глобализация усилила конкуренцию на мировых рынках. Появились новые мощные игроки – Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, которые требуют больше учитывать их интересы при принятии правил, регулирующих международную торговлю. Наконец, сама система многостороннего регулирования международной торговли уже много лет дает сбои.

Но непосредственно инициатором торгово-политической турбулентности стали США. Администрация Трампа за неполный президентский срок успела выйти из уже подписанного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), приостановить переговоры с ЕС о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), пересмотреть условия соглашения о зоне свободной торговли с Мексикой и Канадой, начать торговую войну с Китаем, развернуть в беспрецедентных масштабах практику применения экстерриториальных санкций и протекционистских мер.

АМЕРИКАНОЦЕНТРИЗМ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Сохранение американского лидерства в процессах глобализации основывается на ряде взаимосвязанных предпосылок – экономических (включая лидерство в науке), военно-

политических, а также связанных с качеством человеческого капитала (культура, медицина, образование).

США заняли первое место в мире по производству товаров и услуг еще конце XIX в. и продолжают его сохранять до сих пор (24% в мировом ВВП в 2018 г.). Постепенное сокращение этого показателя в течение последних десятилетий не означает снижения американского влияния. Доля в мировом ВВП – важный, пока незаменимый, но во многом условный и даже виртуальный показатель. В наиболее развитых державах до 70–75% ВВП обеспечивают услуги, экспоненциально растут потоки цифровой информации. Таким образом, сопоставление по размеру ВВП, по-видимому, может считаться корректным только между странами с близким уровнем развития. В остальных случаях оно весьма условно.

В начале 70-х годов XX в. при большей доле в мировом ВВП международные экономические позиции США вряд ли были сильнее, чем сейчас. Доллар тогда находился под сильным давлением. Ощущались негативные последствия войны во Вьетнаме. Пространство для деятельности американских корпораций было ограничено, оно не распространялось на территорию государств – членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а также Китая. На долю СССР тогда приходилось 14% мирового ВВП, а вместе с другими странами СЭВ – почти 20% [1, с. 510]. США не имели возможности проводить экстерриториальную санкционную политику в таких масштабах, как в настоящее время. Например, не сумели затормозить сделку “газ–трубы” и строительство газопровода в Западную Европу, как недавно они сделали в отношении “Северного потока-2”.

Важнейший фактор американского лидерства в мировой экономике – зарубежные инвестиционные активы. В послевоенные десятилетия масштабный вывоз предпринимательского капитала создал ситуацию, когда в большинстве международных корпораций, базирующихся за пределами США, в той или иной степени присутствует американский бизнес.

Америка располагает доминирующей переговорной позицией в торговых спорах с любой страной мира (или группой стран). Во многом это следствие того, что экономическая зависимость США от внешнего мира существенно ниже, чем у других государств. Одновременно высока потребность в поставках американской передовой техники, военной продукции, в доступе к крупнейшему в мире финансовому рынку (фондовому и кредитному).

Американский потребительский рынок – самый емкий в мире. Расходы американских домохозяйств – почти треть от мирового уровня в 2017 г. (последний год, по которому есть данные) – превышают совокупный (!) объем личного потребления в Китае, Японии, Германии, Великобритании и Индии [2, р. 5]. Уровень потребления в Соединенных Штатах – важный фактор роста не только их собственного ВВП, но и мирового. Отсюда высокая заинтересованность компаний всех стран из самых различных отраслей в американском рынке как для прямого экспорта товаров и услуг, так и для продаж через создаваемые там филиалы. Высокий объем личного потребления делает США, наряду с другими причинами, привлекательными для приезда из-за рубежа специалистов самой высокой квалификации.

При президенте Д. Трампе использование накопленных преимуществ в отношениях с внешним миром стало более агрессивным, но в тоже время достаточно гибким и пока эффективным. Во внешнеэкономической политике акцент сместился в сторону двусторонних отношений, где США менее ограничены правилами многостороннего регулирования. Показатель особого положения США в глобальной экономике – возможность проводить одностороннюю санкционную политику. Речь идет как о политически мотивированных, так и сугубо экономических санкциях: торговых ограничениях и экстерриториальных регуляторных мерах.

В правовом отношении применение санкций основано на используемом в США принципе верховенства национального законодательства над международным. Экономически действие экстерриториального регулирования возможно, когда:

- в зарубежной компании присутствует американский капитал или она использует американские кредиты или патенты;

- компания имеет активы или осуществляет деятельность в США;
- акции компании обращаются на американских фондовых биржах.

Политически мотивированные санкции опираются на специально принимаемые законодательные акты, иногда по абсолютно надуманным поводам. Так, в случае “Северного потока-2” в качестве обоснования ограничительных мер Вашингтоном объявлена “забота” об энергетической безопасности Европы.

Большинство экстерриториальных регуляторных мер используется в отношении компаний из развитых стран, в том числе традиционных политических союзников США, в частности европейских. Американские регуляторы в одностороннем порядке по разным причинам систематически штрафуют на многомиллиардные суммы зарубежные автомобильные, металлургические, фармацевтические компании, авиаперевозчиков и банки, которые, по мнению американских властей, нарушают законодательство США.

Практически всегда компании и банки платят. В Соединенном Королевстве в свое время попытались защититься от вмешательства американских регуляторов с помощью страхования таких рисков с тем, чтобы впоследствии была возможность подать против США встречный иск. Однако эта идея, как не имеющая реальной юридической перспективы, не была реализована.

Американские экстерриториальные санкции отнюдь не преследуют, как часто утверждают, получение каких-либо экономических выгод. Дело обстоит гораздо хуже. Санкционная политика США отражает существовавшее десятилетиями политическое мессианство, искреннее убеждение американской нации в исключительности Америки. Такая убежденность вполне сочетается с вроде бы изоляционистским лозунгом президента Д. Трампа “*America First*”. Однако насколько сочетается политическое мессианство с законами экономики – большой вопрос.

РОЛЬ ДОЛЛАРА

В значительной мере сохранение американоцентризма в глобальной экономике связано с ролью доллара как глобальной валюты. В новейшей истории его сегодняшняя позиция уникальна. Такой доминирующей роли одной валюты не было ни до Первой мировой войны, в эпоху золотого стандарта, ни в межвоенный период, когда мир был разделен на валютные зоны.

За последние 25 лет количественные оценки присутствия доллара в международной валютной системе менялись незначительно как доля американской валюты в официальных резервах центральных банков или практически не менялись как удельный вес доллара в мировом валютном обороте – примерно 85%. Последний показатель наиболее важен для понимания возможностей влияния США на мировую экономику, в том числе введения экстерриториальных санкций и осуществления регуляторных мер против любой страны мира.

Глобальный спрос на доллары (пополнение международной ликвидности, транзакционный спрос стран, чьи внешние расчеты частично осуществляются в долларах, спрос на наличные доллары и др.) не сокращается. Его стимулируют, в частности, цифровая трансформация экономики и быстрый рост финансовых производных (деривативов). Ежедневный оборот только процентных деривативов, по данным Банка международных расчетов, приближается к 7 трлн долл. Три четверти операций с деривативами осуществляют американские банки. В долларах фиксируются мировые справочные цены на подавляющее большинство сырьевых товаров, таких как нефть, золото, цветные и черные металлы, удобрения, лес, сельхозпродукция и др. Политика ФРС оказывает сильное влияние на ситуацию на мировых финансовых рынках, на национальную денежно-кредитную политику других стран.

Роль доллара как главной международной валюты позволяет США выпускать в обращение (в основном в безналичной форме) гораздо большее количество долларов, чем требует национальная экономика, то есть получать своего рода сеньораж, а за счет этого длительное время сохранять значительный дефицит своего внешнеторгового баланса и тем самым поддерживать высокий уровень внутреннего потребления. Такое положение вещей

будет сохраняться, пока существует глобальный спрос на американскую валюту. Как долго продлится “господство” доллара – вопрос открытый.

После Второй мировой войны американская валюта под влиянием потребностей мирового рынка заменила фунт стерлингов в качестве главной международной валюты. В 1950 г. доля британского фунта в мировых официальных валютных резервах составляла немногим более 61%, то есть примерно как сейчас у доллара. Но уже через 25 лет картина кардинально изменилась. Доля фунта упала до 3.9%, а доллара повысилась до 79.4% [3, с. 61]. Столь разительные перемены за исторически короткий период¹ частично объяснялись распадом Британской империи и кризисом стерлинговой зоны, неспособностью Великобритании платить проценты по стерлинговым авуарам других стран [4]. Но, главное, возникла альтернатива фунту, появился высокий спрос на американскую валюту, “долларовый голод”. Сейчас ситуация совершенно иная. Несмотря на сокращение доли США в мировом ВВП и международной торговле замены доллару как главной международной валюты не видно. Этим США и пользуются. Глобальной экономике не нужна многополярная валютная система. Множественность используемых валют повышает транзакционные издержки и риски экономической турбулентности. Гипотетически кризис доллара может начаться с обвального падения его курса, как это было с британским фунтом в 1949 г., когда он был девальвирован на 40%. Однако до сих пор доллар на валютных торгах достаточно стабилен. Более того, при обострении ситуации в мировой экономике его курс к другим валютам, как правило, повышается. Поэтому страны остаются в долларовых резервах и расчетах, хотя США все чаще открыто злоупотребляют доминирующим положением своей национальной валюты и используют его в качестве инструмента санкционной политики в отношении практически всех без исключения стран мира.

Попытки создать наднациональную валюту предпринимались давно. Как известно, такая идея содержалась в плане Дж. Кейнса при подготовке Бреттон-Вудской конференции. В таком качестве определенные надежды возлагались на созданные в 1960-е годы в рамках МВФ так называемые специальные права заимствования (СДР). Но они не получили доверия ни на межгосударственном уровне, ни со стороны бизнеса, оставшись по сути чисто расчетной единицей в статистике и некоторых операциях МВФ. Несколько десятилетий в рамках ООН работает международная комиссия, исследующая перспективы создания взамен доллару нового резервного платежного средства. Но пока каких-либо практически значимых результатов ею не предъявлено.

Другие национальные валюты пока не способны конкурировать на равных с долларом. Евро остается прежде всего региональной валютой, хотя и достаточно прочной, поскольку ЕС – единственное в мире реально работающее интеграционное объединение. Доля евро и в резервах, и в международных расчетах примерно соответствует доле ЕС в мировом экономическом обмене.

Китайский юань занимает, по данным Банка международных расчетов, в глобальном валютном обороте скромное восьмое место. В 2019 г. на него приходилось порядка 4% из 200% всех сделок. При этом 95% всех валютно-обменных операций с юанем осуществляется с долларом США или через американский доллар. Использование юаня в международном обороте сдерживается достаточно жестким контролем китайских властей над финансовыми операциями. Как известно, КНР не ратифицировала ст. 8 Устава МВФ о либерализации движения капиталов (в частности, из-за опасения спекулятивных атак на юань). Тем не менее, китайская валюта с недавних пор вошла в корзину валют, используемых для расчета курса СДР. Данные Шанхайской фондовой биржи включаются в ряд ведущих международных фондовых индексов. Все это дано юаню как бы авансом с учетом лидирующего места Китая в международной торговле. Но пока нет оснований говорить о возможности существенного увеличения роли китайской валюты в обозримом будущем.

¹ Расширение международных функций доллара было заметно уже после Первой мировой войны. Увеличивался список биржевых товаров, мировые цены на которые публиковались в долларах. Американская валюта в ряде случаев стала служить своего рода точкой отсчета при исчислении курсовых изменений главных валют того времени. Например, в важном для международных валютно-финансовых отношений межвоенного периода так называемом Трехстороннем соглашении (*Tripartite Agreement*), подписанном в 1936 г. первоначально США, Британией и Францией, курсовые соотношения фунта стерлингов и французского франка, а затем японской иены и бельгийского франка определялись через курс к доллару.

Что касается криптовалют, которые уже признаются регуляторами ряда ведущих стран мира в качестве биржевого продукта, как инструмент международных платежей они вряд ли имеют реальные перспективы. В настоящее время в мировом валютном обороте национальных валют доля криптовалют микроскопична. Учитывая волатильность их курсов, непрозрачность условий выпуска в обращение и применения (высока доля криминальных сделок), они не могут служить надежным средством сбережения. Спекулятивные операции с ними возможны, но крайне рискованны. При каком-либо заметном увеличении объема использования токенов в платежах национальные регуляторы будут вводить в их отношении жесткие ограничительные меры. Так всегда было, когда нарушалась монополия государства в денежной сфере². Лежащие в основе цифровых валют блокчейн-технологии уже используются в суверенных платежных системах и будут все шире применяться в будущем, в том числе для усиления регуляторного контроля над платежами и денежными активами компаний и физических лиц.

БИПОЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА США–КИТАЙ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Идея американско-китайской экономической кооперации (G2) была впервые выдвинута американскими экспертами и поддержана З. Бжезинским в середине нулевых годов XXI в., когда экономический рост Китая еще не рассматривался ими как угроза глобальному доминированию США. Внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа, смысл которой – Америке не нужны равноправные партнеры в экономике – изменила ситуацию. Ныне идею создать институт типа G7, который представлял бы две крупнейшие экономики мира, обсуждают в основном китайские эксперты. “Для мирового роста необходимы сильная Америка и сильный Китай. Ослабление любого из них контрпродуктивно”, – заявил в феврале 2020 г. президент Центра Китая и глобализации, одного из ведущих мозговых центров КНР, в интервью британскому агентству *The Worldfolio* [5].

G2 означал бы признание меняющихся международных экономических позиций обеих стран. Для США это было бы понижением их нынешнего статуса. Для Китая – подтверждением достигнутого стратегического этапа в долговременном продвижении к лидерству. Однако в реальности все гораздо сложнее.

Проект G2 пока не выглядит реальным по многим экономическим и политическим причинам. Одна из них – сохраняющаяся разница в эффективности американской и китайской экономик. Производительность труда (выпуск на одного занятого) в обрабатывающей промышленности в США в семь раз (!) выше, чем в Китае. Согласно докладу Всемирного экономического форума *The Global Competitiveness Report* за 2019 г., хотя в глобальном рейтинге международной конкурентоспособности США пропустили на первое место Сингапур, они сохраняют лидирующие позиции по многим ее показателям (институты, развитие инфраструктуры, уровень образования, функционирование финансовой системы и др.) [6, pp. 7, 8].

Против проекта G2 выступают не только союзники США (Европа, Канада, Австралия, Япония), но и страны Индо-Тихоокеанского региона. Вряд ли этот проект в интересах России. Китайская модель не является слишком привлекательной в глазах мирового общественного мнения³, а события в Гонконге также не улучшают имидж КНР.

² В последние годы началось создание платежных схем, основанных на национальных криптовалютах с целью обойти американские санкции. Так, схемы с “нефтяными” криптовалютами внедряют Иран и Венесуэла. Но на участие в таких схемах должны дать согласие страны-покупатели. Риск – самим попасть на американские санкции.

³ С точки зрения привлекательности США намного опережают Китай. Опросы, проводимые в 25 странах мира, показывают, что большинство опрошенных (63%) предпочитает, чтобы глобальным лидером оставались США, а не КНР. В наибольшей степени такую точку зрения разделяют азиатские государства, в том числе соседи Китая – Япония, Южная Корея, Вьетнам, Филиппины. Среди включенных в опрос стран лишь в трех (Аргентина, Тунис и Россия) отдается предпочтение Китаю. В самих США за американское лидерство 88% опрошенных (см. Chart 9, график *Most Prefer U.S. As World Leader* в [7]). В Китае и, в частности, в Гонконге, опросы не проводились. При этом среди сторонников сохранения глобального лидерства США доверие к нынешней политике американской администрации ниже, чем было при президенте Б. Обаме.

На словах Китай – за экономическую глобализацию и многосторонность в торговле, но на деле проводит агрессивную внешнеэкономическую политику, широко используя методы двусторонней торговли, в частности, свопы в юанях. Китай действительно, как его в этом обвиняют, манкирует правилами ВТО в области интеллектуальной собственности, фактически сохраняет через госкомпании монополию внешней торговли в импорте основных сырьевых и продовольственных товаров, осуществляет жесткий контроль над стратегическими инвестициями своих компаний за рубежом и иностранными инвестициями в китайскую экономику, широко применяет практику принудительного трансфера технологий. Трудно найти более жесткого торгового переговорщика, чем Китай. Лишь в отношениях с Вашингтоном он проявляет крайнюю осторожность. Китайские компании скрупулезно выполняют американские экстерриториальные санкции, в том числе в отношении РФ.

В основе всплеска торговых противоречий между США и Китаем не столько экономические, сколько геополитические причины. Обе страны получили от глобализации значительные выгоды. Основой бенефициар – Китай. Экспорт из Китая стал и пока еще остается (несмотря на рост внутреннего потребления) главным фактором экономического роста. Становление современной китайской промышленности осуществлено благодаря иностранным инвестициям. По данным на 2015 г., компании с иностранным капиталом осуществляли 40% китайского экспорта, производили 87% электроники и 59% машинотехнической продукции [8]. Китайцы получили возможность активно участвовать в слияниях и поглощениях по всему миру, в том числе скупая доли в высокотехнологичных компаниях.

Для США Китай – третий экспортный рынок вслед за Канадой и Мексикой. Поставки на китайский рынок обеспечивают американцам более 1.1 млн рабочих мест в сфере услуг, сельском хозяйстве и машиностроении [9]. Дешевый импорт готовой продукции из КНР повысил покупательную способность американских домохозяйств. Китай – один из основных иностранных держателей неуклонно растущего внешнего долга США. Этот долг обусловлен прежде всего структурными особенностями американской экономики, сформировавшимися после Второй мировой войны, когда дефицит платежного баланса США служил основным источником поступления долларов в каналы международных расчетов. Дисбаланс внешней торговли практически со всеми странами делает возможным американской экономике функционировать при низкой норме накопления и высоком объеме потребления домашних хозяйств.

Экономическая взаимозависимость между США и КНР, казалось бы, должна способствовать урегулированию торговых противоречий. Но политику американских властей определяет прежде всего растущая обеспокоенность, даже паника, связанная с возможностью того, что Китай уже в обозримом будущем может лишиться Америки ее доминирующей роли в мире. Отсюда стратегическая цель – затормозить на длительную перспективу экономическое и научно-техническое развитие КНР. Поэтому, скорее всего, торговые конфликты между США и Китаем, несмотря на достигнутые в начале 2020 г. промежуточные компромиссы, будут сохраняться. Одновременно нельзя полностью исключать формирование в перспективе той или иной формы G2. Однако в таком случае ситуация в мире не будет похожа на биполярность времен холодной войны. Если говорить о тогдашнем экономическом контенте, то Советский Союз как игрок на мировых рынках никому не представлял экономической угрозы. Всемирное хозяйство и в теории, и на практике было разделено на две системы: капиталистическую и социалистическую. Инвестиционное сотрудничество между ними было ограниченным⁴. Совместные предприятия и компенсационные сделки появились лишь в 1970-е годы. Прямой выход советских предприятий на внешний рынок, осуществленный в конце перестройки, оказался недостаточно продуманным и принес больше потерь, чем выгод. Свободное передвижение людей отсутствовало даже внутри социалистического содружества. При этом международная конкурентоспособность СССР (если использовать такой показатель как доля машин и оборудования в экспорте), начиная со второй половины 1960-х годов неуклонно падала.

⁴ В дореволюционной России компании с иностранным капиталом (из Германии, Бельгии, Франции и США) выпускали 1/3 промышленной продукции.

Главное отличие внешнеэкономической политики СССР от современной китайской состояло в значительно меньшей ориентации на получение коммерческих выгод. Созданный в 1949 г. Совет экономической взаимопомощи отвечал политическим целям СССР, был встроен в систему централизованного планирования, имел достаточно отлаженный, во всяком случае по сравнению с ЕАЭС, механизм сотрудничества, но, в конечном счете, оказался невыгодным для стран-членов, прежде всего для СССР. И дело не только в системе ценообразования на товары взаимной торговли в переводных рублях⁵. Нежизнеспособной оказалась система централизованного планирования.

В экономических отношениях с развивающимися странами хозяйственная целесообразность также учитывалась недостаточно или вообще не принималась в расчет. Примером полного непонимания руководством страны значения “государственной коммерции” стало объединение в период перестройки Министерства внешней торговли и Государственного комитета по внешнеэкономическим связям (ГКЭС), чьи проекты строительства различных объектов за рубежом были в значительной мере политически мотивированными. Неудивительно, что в послевоенный период СССР не получил от внешней торговли тех ресурсов для развития, которые он мог бы приобрести.

Китай извлек уроки из ошибок Советского Союза, в том числе в торговой политике. В отличие от СССР он не тратит значительных ресурсов на содержание своих политических сателлитов (а их всего трое – КНДР, Бирма и условно Пакистан). У Пекина прагматичная внешнеэкономическая стратегия. Она реализуется с помощью самых различных инструментов (от создания кредитной удавки в развивающихся государствах до создания финансовых платформ в Великобритании и внедрения в портовую инфраструктуру стран ЕС), а направлена на получение в конечном итоге реальных коммерческих выгод. Это относится ко всем международным проектам, в которых участвует Китай: инициатива “Пояс и путь”, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, банки ШОС и БРИКС.

Сочетание стратегических и экономических интересов особенно заметно в китайском присутствии в Африке. Этими критериями руководствуются даже китайские госкомпании при строительстве там железных дорог. Китай уже более 10 лет находится на первом месте во внешней торговле стран Африканского континента, хотя по объему накопленных прямых инвестиций – лишь на пятом вслед за Францией, Нидерландами, США и Великобританией [10].

В целом пока к концепции G2, скорее всего, следует относиться как к инструменту китайской внешнеэкономической дипломатии, предназначенному для сглаживания напряженности с США и одновременно усиления переговорных позиций с ЕС, Россией и другими странами.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ ИЛИ ХАОС?

Ключевую роль в глобальной экономике пока играют взаимоотношения в треугольнике США–ЕС–Китай. На его участников приходится примерно 60% мирового ВВП и экспорта товаров и услуг. Внутри тройки существуют острые торговые противоречия, в том числе между политическими союзниками.

Уже несколько лет в центре внимания торговая война США и КНР. Однако взаимодействие экономик США и Европы по большинству показателей заметно глубже, чем между США и Китаем или между ЕС и Китаем. Совокупный ВВП ЕС (даже без Великобритании) пока еще больше, чем у КНР (по текущему валютному курсу). Экспорт США в страны ЕС в 2.5 раза больше, чем в Китай. ЕС – основной экспортный рынок для большинства американских штатов.

⁵ Цены на поставляемые из СССР в страны СЭВ нефть, лес и металлы (“валютные” товары) соответствовали мировым, а на ввозимую в Советский Союз готовую продукцию партнеров по СЭВ фактически оказывались сильно завышенными, хотя из-за недостаточного качества ее значительную часть было практически невозможно продать на западных рынках. Тем не менее, как ни странно, после 1991 г. мы оказались должниками и еще долго расплачивались с бывшими соцстранами.

Главный фактор взаимозависимости в глобальном мире – инвестиции. По оценке Бюро экономического анализа США, в 2017 г. продажи филиалов американских корпораций в Европе (ЕС-28 плюс Швейцария и Норвегия) составили 3 трлн долл., а филиалов европейских корпораций в США – 2.5 трлн долл. [2, р. 19]. На США и ЕС приходится половина глобального потребления домохозяйств. Соответствующий показатель Китая и Индии вместе взятых – 14% [2, р. 10]. В случае достижения Трансатлантического соглашения в области торговли и инвестиций создастся ситуация, когда именно США вместе с ЕС будут определять правила игры в международной торговле, в том числе в части реформирования ВТО.

У ЕС такие же претензии к Китаю в области его торговой политики, как и у США. Однако не факт, что Брюссель во всем присоединится к американскому давлению на Пекин, учитывая привлекательность китайского внутреннего рынка и значительный потенциал его роста. У коллективного Запада нет консолидированного отношения к КНР как торговому партнеру. Администрация США занимает наиболее жесткую позицию. Ее в основном поддерживают как республиканцы, так и демократы. В то же время Китай создал достаточно влиятельные лоббистские группы как в США, так и в Европе. Ряд ведущих исследовательских центров западных стран по-прежнему выступает за развитие экономических связей с Китаем. В США – это Брукингский институт, в Великобритании – Королевский институт международных отношений (*Chatham House*). На постоянной основе функционируют десятки двусторонних и многосторонних форумов, продвигающие устраивающую китайцев точку зрения.

Китай – в тройке лидеров в развитии цифровой экономики, он уже находится, по оценкам, на одном уровне с ЕС и достаточно быстро приближается к США. В ряде областей, например, 5G, Китай находится на ведущих позициях. Основная гонка разворачивается в разработке и применении искусственного интеллекта (ИИ). Успехи в этой области будут во многом определять конкурентоспособность стран на глобальных рынках во всех секторах: финансы, обрабатывающая промышленность, нефте- и газодобыча. Пока Китай отстает от ЕС и США по качеству прикладных разработок в области ИИ. Только 4% связанных с ИИ патентов, зарегистрированных в КНР, вторично регистрируются в других юрисдикциях, по сравнению с 32% у США. Качество публикаций по тематике ИИ (определяемого индексом цитирования) в США намного опережает и ЕС, и Китай, хотя по числу публикаций китайцы впереди всех [11].

Победитель в развернувшейся гонке еще не определен. Скорее всего, основная борьба развернется между США и КНР. У США есть преимущества по количеству цифровых гигантов (*Apple, Intel, Google, Amazon, Microsoft*), венчуров и стартапов, в производстве сложных чипов и суперкомпьютеров, по позициям в фундаментальных исследованиях (значительная часть финансирования идет по бюджету Минобороны), в эффективности связей науки с бизнесом, наконец, по возможности привлекать лучших специалистов из-за рубежа. Китай с целью добиться существенного прогресса в теоретических разработках создал сеть государственных исследовательских центров в области ИИ. ЕС, по-видимому, будет отставать, хотя в странах-членах самое большое число занятых в секторе. В таких условиях и ЕС, и Великобритания идут на научно-техническое сотрудничество с Китаем, от которого отказываются американцы. Пример – отношения с компанией *Huawei*.

После Брекзита Великобритания становится независимым экономическим центром со своими интересами, во многих случаях отличными от ЕС-27 или США. В то же время у нее возникает целый ряд проблем. Она должна будет согласовать свой новый таможенный тариф с ВТО, что потребует согласия всех государств-членов. Будет непросто сохранить благоприятные условия доступа британского бизнеса на рынки ЕС, в том числе на рынок финансовых услуг. Остро стоят вопросы, связанные с пересмотром квот на вылов рыбы, передвижением рабочей силы между ЕС и Великобританией и др. Скорее всего, Великобритания в переговорах о новом экономическом соглашении с ЕС будет занимать более жесткую позицию, чем в ходе Брекзита. Очевидно, ее будут активно поддерживать США. Существенно укрепит переговорные позиции Великобритании заключение соглашения с США о зоне свободной торговли, неформальные консультации по которому начались еще когда Соединенное Королевство было в составе ЕС.

Брекзит, скорее всего, повысит влияние Америки в международных экономических отношениях. Во-первых, за счет некоторого ослабления конкурентных позиций ЕС. Во-вторых, в географическом плане расширится роль Великобритании как экспортной платформы для

филиалов американских международных корпораций и “финансового окна” для американских банков по проведению операций с деривативами.

Заключение соглашения с Великобританией о зоне свободной торговли может усилить позиции вашингтонской администрации в переговорах о Трансатлантическом партнерстве. С осени 2016 г. эти переговоры заморожены. Решив вернуться к обсуждению проекта соглашения, США, очевидно, намерены будут перейти к более жесткой повестке, больше учитывающей американские интересы.

Однако условия будущего соглашения неясны. Между сторонами остаются острые, труднопреодолимые противоречия по многим вопросам. Европейцы, проиграв в ВТО спор с американцами по *Airbus*, готовят встречный иск по *Boeing*. Обе стороны обвиняют друг друга в предоставлении государственных субсидий гражданскому авиастроению. США недовольны высоким уровнем тарифов на импорт в Европу автомобилей и т.д. Самый острый вопрос, своего рода “красная линия” для ЕС – сельское хозяйство. Если под угрозой введения 25%-ных тарифов на импорт европейских автомобилей ЕС уступит американскому давлению и снимет ограничения на доступ американской сельхозпродукции, в том числе генномодифицированной, то это станет сильнейшим ударом по европейским аграриям. Более того, такая уступка изменила бы сам образ жизни ряда западноевропейских стран, например, Франции.

Разногласия с США будут усиливать взаимную заинтересованность ЕС и Китая в развитии экономического сотрудничества. В ЕС уже много лет работают над соглашением о зоне свободной торговли с Китаем. Уступки Пекина американцам в области доступа на финансовый рынок и инвестиций могут быть распространены и на ЕС. Для Китая ЕС (особенно Германия) – важный источник получения передовых технологий, а Лондон – офшорный центр операций с юанем. При этом и у ЕС, и у Великобритании непростые торгово-экономические отношения с США. На расклад сил все большее влияние будут оказывать быстрый рост экономик таких государств, как Индия, Вьетнам, Индонезия, Турция, Бразилия, Аргентина и некоторых других. Привлекательность их рынков будет повышаться параллельно с неизбежным повышением их доли в мировом ВВП и международной торговле.

Особого внимания заслуживает Индия – страна с недооцененным потенциалом экономического и научно-технического развития, без излишних экспансионистских амбиций, уже вышедшая на третье место в мире по размеру ВВП по паритету покупательной способности. Со временем Индии, несмотря на внутренние проблемы, по силам выйти на уровень Китая и стать одним из локомотивов мирового роста. Этому будет способствовать наиболее демократическая среди развивающихся стран политическая система, унаследованные от англичан достаточно эффективные правовые и финансовые институты. Отсутствие языкового барьера облегчает получение индийскими гражданами образования на технических и экономических факультетах университетов в США и Великобритании. Индия имеет сбалансированные экономические отношения со всеми мировыми центрами, кроме Китая. Улучшению отношений с грозным соседом плохо помогает даже заинтересованность в получении кредитов от контролируемого Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Индия, как США и ЕС, настаивает на либерализации допуска своего бизнеса на китайский рынок. Есть противоречия по проекту “Пояс и путь”. Планируемый транспортный коридор проходит в Пакистане по части Кашмира, на которую претендует Индия. Не забыты и конфликты, связанные с китайской аннексией Тибета.

Быстроразвивающиеся экономики настаивают на большем учете своих интересов при выработке правил игры в международной торговле. Здесь перспективы не очень ясны. Фактически потерял работоспособность Орган по разрешению споров ВТО. Тупиковая ситуация складывается с реформированием всей организации. В сложившихся условиях учащаются попытки заменить некоторые правила ВТО двухсторонними или региональными соглашениями. В заключенном в январе 2020 г. промежуточном торговом соглашении между США и Китаем подробно прописан трехуровневый механизм разрешения торговых споров между его подписантами [12]. В рамках проекта “Пояс и путь” предполагается создание специального арбитража в Сингапуре.

Таким образом, глобальная торговая система, по всей видимости, вступает в долговременный период турбулентности, нарастания противоречий между всеми странами, сложного согласования национальных интересов преимущественно на двусторонней и региональной основах.

* * *

Усиление неопределенности в международной торговле и финансах создает для России как новые угрозы, так и новые возможности. Размывание четких правил игры на международных рынках осложнит для отечественных компаний планирование внешнеэкономической деятельности. Российской Федерации придется приспосабливаться к новым условиям. В то же время обострение международных торгово-политических противоречий будет повышать заинтересованность иностранцев в ведении бизнеса с Россией как на уровне компаний, так и правительств. Интересам социально-экономического и научно-технического развития РФ отвечают ориентация внешнеэкономической политики на все хозяйственные центры мира, изменение баланса целей в пользу коммерческих результатов, повышение реальной отдачи внешнеэкономических связей для народного хозяйства, в первую очередь для роста ее эффективности и конкурентоспособности. Вряд ли есть смысл тратить ресурсы на сдерживание американоцентризма в глобальной экономике, если это будет связано с существенными потерями для российских компаний и страны в целом. Уменьшение экономического влияния США в мире – процесс объективно обусловленный, хотя и не быстрый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Королев И.С., отв. ред. *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет*. Москва, Экономистъ, 2003. 604 с. [Korolev I.S., ed. *Mirovaya ekonomika: globalnii tendentsii za 100 let* [World Economy: Global Trends for 100 Years Passed]. Moscow, Economist, 2003, 604 p.]
2. Hamilton D.S., Quinlan J.P. *The Transatlantic Economy 2019: Annual Survey of Jobs, Trade and Investment between the United States and Europe*. Washington, Foreign Policy Institute, Johns Hopkins University SAIS, 2019. 171 p. Available at: https://www.uschamber.com/sites/default/files/te2019_-_full_study.pdf (accessed 20.02.2020).
3. Королев И.С. *Валютные отношения капитализма: экономика и политика*. Москва, Наука, 1986. 228 с. [Korolev I.S. *Valutnyi otnosheniia kapitalizma: ekonomika i politika* [Currency Relations of Capitalism: Economy and Politics]. Moscow, Nauka, 1986. 228 p.]
4. Борисов С.М. *Стерлинговая зона в валютной системе капитализма*. Москва, Госфиниздат, 1957. 139 с. [Borisov S.M. *Sterlingovaya zona v valutnoy sisteme kapitalizma* [Sterling Zone in the Currency System of Capitalism]. Moscow, Gosfinizdat, 1957. 139 p.]
5. For the World to Grow it Requires a Strong America and a Strong China. *The Worldfolio Interview*, 13.02.2020. Available at: www.theworldfolio.com/interviews/for-the-world-to-grow-it-requires-strong-america-and-strong-china/4724/ (accessed 20.02.2020).
6. *The Global Competitiveness Report 2019: How to End a Lost Decade of Productivity Growth*. World Economic Forum, 08.10.2019. Available at: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> (accessed 20.02.2020).
7. Bialik K. How The World Views the U.S. and its President in 2018 in 9 Charts. *Pew Research Center*, 09.10.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/10/09/how-the-world-views-the-u-s-and-its-president-in-9-charts> (accessed 15.10.2019).
8. Seong J., Woetzel J. Could China Turn Inwards? *Project Syndicate*, 24.12.2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/will-china-turn-inward-by-jeongmin-seong-and-jonathan-woetzel-2018-12?barrier=accesspaylog> (accessed 20.02.2020).
9. *2019 State Export Report*. US-China Business Council, 2019. Available at: <https://www.uschina.org/reports/2019-state-export-report> (accessed 20.02.2020).
10. *Foreign Direct Investment to Africa Defies Global Slump, Rises 11%*. UNCTAD, 12 June 2019. Available at: <https://unctad.org/en/pages/PressRelease.aspx?OriginalVersionID=516> (accessed 20.02.2020).
11. Castro D., McLaughlin M., Chivot E. Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? *Center for Data Innovation*, 19.08.2019. Available at: <https://www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/> (accessed 20.02.2020).
12. *Economic and Trade Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China. Chap. 7. Bilateral Evaluation and Dispute Resolution*. The Office of the U.S. Trade Representative, 15.01.2020. Available at: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china/phase-one-trade-agreement/text> (accessed 20.02.2020).

**AMERICANOCENTRISM AND MULTIPOLARITY IN THE GLOBAL ECONOMY
(TRADE POLICY AND FINANCIAL ASPECTS)****(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 12-22)****Received 12.03.2020.**

Ivan S. KOROLEV (korolev@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9007-692X,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

More global multipolarity has not diminished up to now the US influence in the world economy. On the contrary American possibilities for maneuvering have increased. For example this can be observed in the case of the trade negotiations and extraterritorial sanctions policy. Turbulences in international trade during last years are partially the result of objective factors such as increasing global competition, the appearance of new important actors at world markets, malfunctions of multilateral trade system. But the situation was seriously aggravated by the US disturbing unilateral actions in economic relations with main trade partners including Canada, Mexico, China and the European Union. The reasons for these actions were both economic and geopolitical. Especially it is seen in the case of US-China trade dispute in which the main goal for the US seems to be hampering China's economic development. The US foreign economic policy may have long-term negative effects in particular increasing probability of substitution the WTO rules by bilateral and regional agreements. This would be equal to a sort of the global market fragmentation.

Strengthening global multilateral trade system fully responds to the interests of Russia. As well as more commercial motivation of Russia's economic relations with all countries including Eurasian Economic Union. There is no sense in confronting the US on economic issues at the expense of losses for Russian companies and for the economy on the whole. Even without our interference Americanocentrism in the global economy will inevitably be decreasing.

Keywords: global economy, interdependence, international competitiveness, sanctions, role of the US dollar, G-2, Brexit, multilateral trade system, forecasting studies.

About author:

Ivan S. KOROLEV, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doct. Sci. (Econ.),
Professor, Principal Researcher, Center of Forecasting Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-12-22

ТРЕТИЙ ГОД ТРАМПА В БЕЛОМ ДОМЕ: ИДЕЙНЫЙ РАСКОЛ И МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ

© БОГАЕВСКАЯ О.В., БОРИСОВА А.Р., БУНИНА А.А., ГУДЕВ П.А.,
ДАВЫДОВ А.А., ДЕСЯТСКИ Е.А., ДМИТРИЕВ С.С., ЖУРАВЛЕВА В.Ю.,
КИСЛИЦЫН С.В., КИРИЧЕНКО Э.В., КУЛАКОВА В.К., МИШИН И.О.,
ЧУДИНОВА К.О., 2020

БОГАЕВСКАЯ Оксана Викторовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475

БОРИСОВА Александра Романовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (a-borisova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-0295-1312

БУНИНА Анастасия Александровна, младший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (abunina@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7765-6014

ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (gudev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2951-6313

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Группы изучения региональных отношений Лаборатории "Центр ближневосточных исследований". Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746

ДЕСЯТСКИ Екатерина Анатольевна, младший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404

ДМИТРИЕВ Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (sdmitriev.at.imemo@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219

ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук, руководитель Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X

КИСЛИЦЫН Сергей Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964

КИРИЧЕНКО Элина Всеволодовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (elinakir@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8025-5852

КУЛАКОВА Василиса Константиновна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (kulakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-0677-4440

МИШИН Игорь Олегович, младший научный сотрудник Группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (mishin.igor2@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6547-1319

ЧУДИНОВА Ксения Олеговна, научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (xenia.chudinova@gmail.com), ORCID: 0000-0002-5557-8956

Богаевская О.В., Борисова А.Р., Бунина А.А. [и др.].

Третий год Трампа в Белом доме: идейный раскол и международная конфликтность.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 23-50. DOI: 10.20542/afj-2020-1-23-50

DOI: 10.20542/afj-2020-1-23-50

УДК: 329(73)РП+327.5

Статья поступила в редакцию 27.01.2020.

В статье рассматриваются основные тренды и тенденции 2019 г. во внутренней политике, экономике и внешней политике США. В центре внутривластной жизни страны в 2019 г. – растущий межпартийный раскол власти и общества, проявившийся в двух расследованиях деятельности президента со стороны американского Конгресса, одно из которых закончилось вынесением импичмента Трампу Палатой представителей. Конфликтность политического процесса обнаружилась и во внешнеполитической активности США: администрация Трампа пересматривала отношения как с союзниками, так и с конкурентами на мировой арене.

Ключевые слова: идейный раскол, межпартийное противостояние, эффективность федеральной власти, импичмент, расследование Мюллера, институциональный баланс, экономический рост, торговая война с Китаем, американское лидерство, глобальная конкуренция.

За неделю до Рождества 2019 г. Палата представителей США проголосовала за импичмент президента Дональда Трампа. Так завершилась очередная фаза межпартийного противостояния, которое можно назвать основной характеристикой американского политического процесса последних лет и основной темой 2019 г. Внутриполитический раскол неизбежно проявлялся и во внешнеполитическом поведении США, в котором доминировала конфликтность в отношениях как с союзниками, так и с геополитическими конкурентами.

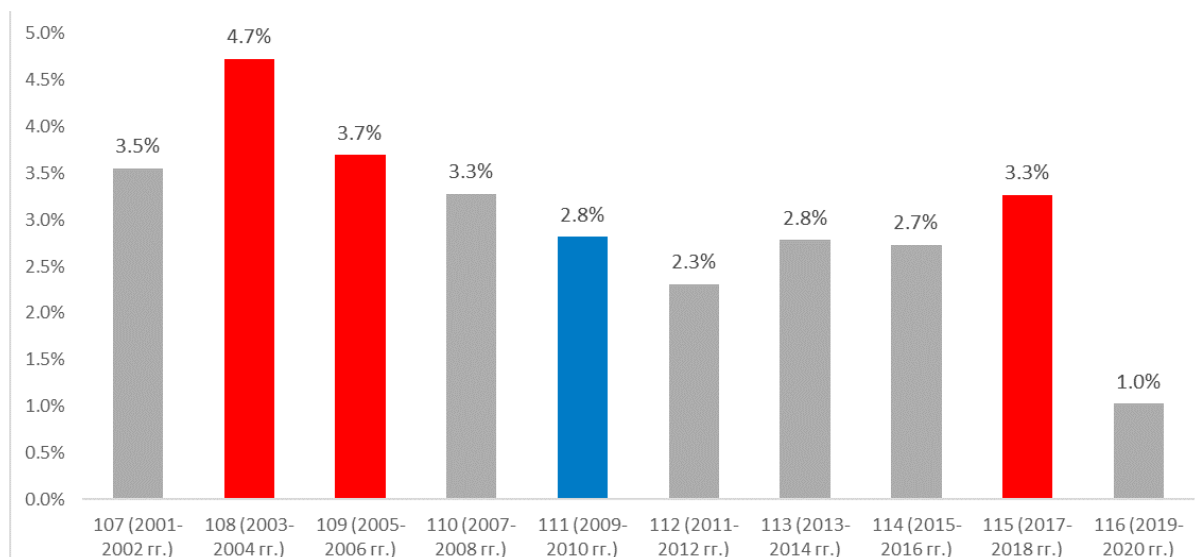
ТРАМП ПРОТИВ ДЕМОКРАТОВ, ДЕМОКРАТЫ ПРОТИВ ТРАМПА

Институциональный конфликт

За прошедшие три года своего президентства Д. Трамп так и остался для двухпартийного истеблишмента чужаком, подрывающим основы демократического политического процесса. И если республиканцы смирились с выбором своего электората и вынужденно проявляют партийную лояльность избранному президенту даже в таких сложных ситуациях, как импичмент, то демократы поставили своей целью вывести из игры "чужеродный элемент" любыми способами. Собрав в 2018 г. большинство в палате представителей, они полностью посвятили себя этой цели.

Президент же получил максимально враждебную нижнюю палату, которая, проигнорировав изначальные призывы к сотрудничеству, полностью погрузилась в расследования его деятельности, блокируя законодательную деятельность всего Конгресса США. За 2019 г. 116-й Конгресс показал наихудшие показатели по числу принятых законопроектов: из 10 332 рассматриваемых законопроектов принято было всего 106, значительная часть из которых так или иначе была связана с расследованием деятельности президента. Сравнить законодательную эффективность с предыдущими составами Конгресса можно по данным, представленным на графике на рис. 1.

Рисунок 1. Доля законопроектов, принятых в период работы созывов Конгресса

Источник: график составлен на основе статистических данных, представленных на сайте Конгресса США [1].

Как видно на графике, в условиях разделенного партийного контроля Конгресс работает с меньшей законотворческой эффективностью, чем в периоды, когда одна партия контролирует обе ветви власти. Это типичная ситуация для США. Например, первые два года в Белом доме Трамп делил власть с республиканским Конгрессом, показатели которого по числу принятых законопроектов стали одними из лучших за последние 10 лет. В то время как попытки предыдущего президента Барака Обамы взаимодействовать с республиканским Конгрессом были ожидаемо менее удачными. Однако первый год взаимодействия Трампа с демократами в нижней палате принес худшие результаты. Безусловно, общие показатели 116-го Конгресса еще повысятся, так как до очередных выборов у конгрессменов есть почти год работы, однако судя по данным первого года, он может остаться самым неэффективным с начала 2000-х годов.

Низкие показатели скрывают за собой год наивысшего институционального противостояния, которое проявлялось при рассмотрении всех ключевых вопросов. Традиционно это ярко отражают бюджетные битвы, поскольку бюджет – это основной документ, который обе ветви власти при любой степени несогласия обязаны принимать ежегодно. В Соединенных Штатах сложился сложный процесс принятия федерального бюджета на очередной финансовый год, который начинается 1 октября. После того, как администрация отправляет проект бюджета в Конгресс, соответствующие комитеты обеих палат подготавливают резолюции по бюджету, где фиксируются основные параметры будущих расходов, а затем сводят их воедино. На их основании Палата представителей и Сенат представляют 12 законопроектов об ассигнованиях (*appropriation bills*). В случае разногласий между двумя палатами Конгресса расхождения должен разрешать совещательный комитет. Законопроекты вступают в силу после подписания президентом.

Здесь сталкиваются интересы партий, администрации и Конгресса, федерального центра и штатов, лоббистов разных уровней, велико давление электорального цикла. С 1998 г. федеральный бюджет ни разу не был принят вовремя. Чтобы не допустить остановки работы федеральных ведомств, Конгрессу приходится принимать резолюции о временном финансировании, которые после подписания президентом становятся законами.

Процесс принятия бюджета на 2019 финансовый год начался достаточно благоприятно для администрации. В сентябре 2018 г. были приняты пять (из 12) законов о финансировании, а также резолюция о временном выделении ассигнований на деятельность остальных ведомств до 21 декабря. Однако полноценный бюджет к 21 декабря так и не был принят. Проект новой резолюции не смог преодолеть процедурное голосование, что привело к частичному закрытию деятельности правительства (шатдаун – англ. *shutdown*). Главным камнем преткновения стало требование Д. Трампа выделить 5.7 млрд долл. на строительство стены на границе с Мексикой.

Приостановка работы федерального правительства стала рекордной по времени и продлилась с 22 декабря 2018 до 25 января 2019 г. Надо сказать, что Трамп вообще не боится крайних мер для достижения своих целей: в январе 2018 г. он дважды пошел на шатдаун, правда, оба были кратковременные. В этот раз своеволие Трампа опять превзошла ожидания его оппонентов. Отказаться от обещанной своему электорату стены за год до выборов он никак не мог себе позволить. Поэтому Трамп пошел ва-банк и 15 февраля, после того, как демократы приняли очередной документ об ассигнованиях без учета затребованной им суммы, объявил в стране чрезвычайное положение. Чрезвычайное положение позволило ему перевести необходимые деньги из других статей бюджета: 601 млн долл. из Конфискационного фонда Министерства финансов, 2.5 млрд долл. из программы Министерства обороны по борьбе с наркотиками и до 3.6 млрд долл. из проектов Министерства обороны по военному строительству [2].

Бюджетное противостояние продолжалось фактически весь год. Консолидированный закон о финансировании до конца года был принят только 6 июня 2019 г. До этого времени федеральные ведомства финансировались на основе резолюций о временном ассигновании. И хотя в конце лета Белому дому и Конгрессу даже удалось согласовать двухпартийный закон о бюджете, который отложил вопрос о потолке государственного долга до 2021 г. и поднял бюджетные потолки как на оборонные, так и на гражданские расходы, полноценный бюджет на 2020 финансовый год к октябрю принят не был. Финансирование правительства осуществлялось на основе резолюции о временных ассигнованиях, действовавшей до 21 ноября 2019 г., затем Конгресс одобрил следующую резолюцию до 20 декабря. К этому дню законодателям с трудом удалось согласовать консолидированный закон, который кодифицировал ассигнования на работу правительственных ведомств до 30 сентября 2020 г., избежав шатдауна.

Все конфликтные вопросы фактически были перенесены на 2020 г., в том числе и строительство “мексиканской стены”. В финальном документе президент опять не увидел нужных ему сумм для ее возведения и в ответ объявил, что, пользуясь своим чрезвычайным правом, переведет недостающие средства из уже используемых им для этих целей статей Министерства обороны. В целом в 2020 г. он готов перераспределить на строительство стены дополнительно 7.2 млрд долл [3]. Эти деньги, по оценкам администрации, позволят к

2022 г. построить еще почти 1500 км стены вдоль мексиканской границы, таким образом закрыв практически всю ее сухопутную часть к концу возможного второго срока Трампа. Пока он добавил всего 162.5 км заграждений из обещанных им в 2019 г. 724 км. Вся сухопутная часть границы между Мексикой и США простирается на 3218 км, из них стена была только на участке в 1126 км.

Бюджетная война за стену ярко проявила изменения институционального баланса, которые происходят в США в последние десятилетия в ответ на блокирующее партийное противостояние. Попытавшись получить деньги в обход Конгресса, Трамп фактически посягнул на исключительные полномочия законодательной власти распределять бюджетные средства [4].

К противостоянию законодателей и Белого дома подключилась и судебная власть. В декабре 2019 г. федеральный окружной суд Эль Пасо признал перевод средств администрацией Трампа незаконным, заморозив 3.6 млрд долл. Однако Белый дом обжаловал это решение, подав иск в апелляционный суд, а тот в начале января разрешил продолжить работы, пока идет рассмотрение дела.

Несмотря на негодование конгрессменов, Трамп не первый и не единственный президент, использующий механизм чрезвычайного положения для достижения поставленных целей. Дело в том, что режим чрезвычайного положения при достаточно вольной трактовке президентами ситуации угрозы национальной безопасности в последние десятилетия стал тем инструментом, который позволяет главе исполнительной власти выходить из патовых ситуаций и вопреки сопротивлению оппозиционной партии продолжать реализовывать те меры, которые считает приоритетными для страны.

Этот инструмент, безусловно, открывает путь к бесконтрольности исполнительной власти, которой и хотели избежать авторы системы сдержек и противовесов, реализованной в США. Кроме того, такие чрезвычайные возможности Белого дома действовать вопреки решению законодательной власти в сфере ее исключительных полномочий неизбежно нарушают заложенный Конституцией баланс власти. И хотя история отношений двух ветвей власти показывает, что изменение изначально заложенного баланса неизбежно, конгрессмены в любые времена смириться с этим не готовы [5]. Сторонники доминирования законодательной власти рассматривают такие возможности президента как угрозу демократии. С другой стороны, как показывает опыт последних президентов, идейный раскол между партиями достиг таких масштабов, что фактически блокирует законодательный процесс и ставит вопрос об эффективности политической системы в целом. В этих условиях изменение баланса власти может стать одним из способов сохранения функциональности политической системы.

Идейное противостояние

Текущий институциональный кризис – это лишь одно из проявлений системного кризиса, который касается не только государства, но и общества в целом. Сегодня США пересматривают не только функционал и взаимодействие институтов, но и идейный фундамент этих институтов и систему ценностей, на которой сформировались американское общество и государство. Вопрос “кто мы?”, поставленный С. Хантингтоном [6] в 2004 г., сегодня стоит в американском обществе еще более остро. Президентство Трампа окончательно раскололо страну на два лагеря.

После победы Д. Трампа и последовавшей через два года победы демократов в Палате представителей идейная поляризация политического пространства признается большинством экспертов, как американских, так и российских, ключевой характеристикой текущего периода трансформации, через которую проходит политическая система США.

Это очевидно как на уровне государства, так и на уровне общества. В очередном избирательном цикле партийные программы демократов и республиканцев предлагают совершенно разное будущее своим избирателям: социально ориентированное государство демократов, обеспечивающее своих граждан медицинской помощью и образованием и максимально открытое миру, явно противоречит минимальному государству республиканцев, живущему по принципу “Америка прежде всего”, основной

задачей которого являются создание максимально благоприятных условий для бизнеса и минимизация социальных расходов.

Электорат обеих партий также, судя по опросам общественного мнения, живет в параллельных мирах: начиная с чувства гордости за свою страну, которое испытывают 76% республиканцев и только 22% демократов, и заканчивая отношением к скандальному президенту, личность и деятельность которого еще больше разделила американцев по партийной линии: 89% республиканцев и только 8% демократов положительно оценивают своего президента [7].

Надо отметить, что гордость демократического электората за свою страну также значительно упала именно за период пребывания в Белом доме непопулярного среди них президента: по данным института общественного мнения Гэллапа, 22% – это самая низкая планка среди демократов за последние 19 лет, еще за полгода до появления Трампа в Белом доме в два раза больше сторонников Демократической партии испытывали гордость за свою страну [8]. Показательно, что Б. Обама, который также не пользовался популярностью среди сторонников противоположной партии, все-таки не вызывал такого отчаяния относительно состояния страны у республиканцев, 68% которых по-прежнему испытывали чувство гордости за нее [8].

Раскол общества по партийной линии с очевидностью проявился и в ходе импичмента, в отношении которого сторонники обеих партий придерживались диаметрально противоположных точек зрения. По данным независимого исследовательского проекта *FiveThirtyEight*, 82.2% демократов и только 10.6% республиканцев поддерживали импичмент Трампа. После голосования в Палате представителей по импичменту отстранение президента от должности поддерживали 82.8% демократов и только 8.9% республиканцев [9].

Если до появления в Белом доме Д. Трампа концепция двух Америк все еще представлялась некой гипотезой, относительно которой даже среди экспертов мнения серьезно расходились, то с каждым годом его президентства гипотеза находит все более очевидные подтверждения. Политический процесс окончательно превратился в противостояние двух противоположных ценностных моделей, за каждой из которых стоит свой лагерь, живущий в своей реальности и верящий в свою правду, транслируемую официальными средствами массовой информации.

Одним из ярких эпизодов такого ценностного противостояния в 2019 г. стала “война за стену”. Несмотря на то, что на протяжении самого долгого частичного закрытия правительства 74% американцев крайне негативно оценивали этот конфликт, ни одна из сторон не была готова идти на уступки. Вопрос о 5.7 млрд долл. оказался принципиальным для обеих сторон: в основе этой войны были не деньги, а ценности [10]. Стена на границе с Мексикой фактически превратилась в стену между двумя мирами в одном государстве. Этой стеной мир белого рабочего из центральных штатов, консервативный, постепенно сжимающийся и теряющий свое место в социальной иерархии, пытался отгородиться от космополитичного молодого быстро растущего мира прибрежных штатов, в котором иммигранты составляют уже почти большинство, английский язык знают не все и не везде, и нормы жизни в котором совсем другие. “Стена Трампа” оказалась не гарантией безопасности перед лицом наркотрафика и нелегальной миграции, на которые ссылался лидер, аргументируя свою позицию. Проект стены – это обещание президента своему электорату сохранить их ценностный мир. Демократы тоже боролись не за деньги, а за символы иного ценностного порядка: открытость внешнему миру, космополитизм, социальную, расовую и этническую толерантность. А также за полученное ими на выборах 2018 г. право контролировать своего президента.

Оба враждующих лагеря используют одни и те же инструменты борьбы: манипуляцию общественным мнением, вброс информации, шокирующие разоблачения, которые в эпоху постправды стали идеальным политическим инструментом. В этой борьбе информационное пространство превратилось в пространство для дискуссий, политической риторики, но не аналитики и достоверной информации: ничто из этого пространства не может быть абсолютной правдой или абсолютной ложью. Факты подбираются индивидуально, в зависимости от принадлежности к той или иной группе и от того, в какую версию правды верит наблюдающий за противостоянием граждан.

Апофеозом столкновения двух лагерей стало расследование независимого прокурора Мюллера о российском вмешательстве в американские выборы, плавно перешедшее в процесс импичмента президента. Оба дела тесно связаны, одно невозможно без другого, поскольку на кону стоят не просто доказательство злоупотребления Трампом своими полномочиями и его потенциальное досрочное отстранение от власти, но сама судьба прецедента, олицетворяемого Трампом, – сможет ли “чужак” в будущем занять пост руководителя страны в обход установленных правительственными кругами Вашингтона глубоко элитистским правил.

За три года расследований деятельности президента сюжет успел смениться. Начинали демократы с российского вмешательства в выборы в 2016 г., пытаясь выявить факты оказания Трампу незаконной поддержки иностранным государством в ходе предвыборной кампании. Эта линия не принесла желаемого результата: комиссия Мюллера, работавшая почти год, в марте 2019 г. пришла к заключению, что несмотря на наличие многочисленных фактов вмешательства России в избирательную кампанию, необходимых доказательств преступного сговора Трампа с иностранным государством не выявлено.

В конце лета 2019 г. нашелся новый повод: Трамп в телефонном разговоре с украинским президентом высказал просьбу начать расследование деятельности на территории Украины энергетической кампании Буризма, в состав совета директоров которой входил сын бывшего вице-президента США Дж. Байдена. Демократы разглядели в этом разговоре приглашение иностранного государства вмешаться во внутренние дела США и таким образом помочь Трампу в новой избирательной кампании. Фактов на этот раз оказалось достаточно, и 24 сентября спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси объявила об официальном начале процесса импичмента в отношении действующего президента.

Почти три следующие месяца тянулось расследование. Сначала основная работа проводилась Комитетом по разведке Палаты представителей, который на протяжении двух месяцев вел закрытые слушания свидетелей, а затем перешел к открытым слушаниям этих же свидетелей. По 10 часов каждый из них отвечал на самые разные вопросы конгрессменов. Среди опрошенных комитетом свидетелей были бывший специальный посланник США на Украине Курт Волкер, посол США в ЕС Гордон Сондлэнд, бывшие послы США на Украине Билл Тэйлор и Мария Йованович, заместитель помощника госсекретаря по отношениям с Европой и Евразией Дж. Кент и бывший старший советник Трампа по отношениям с Европой и Россией Фиона Хилл. Все свидетели подтвердили, что просьба президента о начале расследования имела место и что до этого администрация США заблокировала перевод помощи Украине.

Проведенные в ходе процесса импичмента расследования в действительности выявили только одно объективное нарушение со стороны Д. Трампа. Оно опять связано с превышением полномочий президента за счет исключительных полномочий Конгресса. Судя по опубликованной переписке, административно-бюджетное управление администрации президента распорядилось, чтобы Министерство обороны задержало финансовую помощь, выделенную конгрессменами Украине, без согласования с Конгрессом. По Закону о бюджете и контроле над запретом на выделение средств 1974 г. президент не имеет права замораживать или перенаправлять уже выделенные Конгрессом средства без согласования с ним. Если же это все-таки делается, то в течении 45 дней глава государства должен получить согласие Конгресса или вернуть средства.

Для перенаправления финансов на строительство пограничной стены Трампу пришлось объявить чрезвычайное положение в стране. Для замораживания средств, выделенных Украине, этого не потребовалось, но и разрешения Конгресса он не получил. Фактически речь идет именно о нарушении юрисдикции Конгресса и закона, принятого специально в целях контроля законодательной властью действий исполнительной в расходовании выделенных средств. Это единственное доказуемое нарушение Трампа из всех предъявленных ему обвинений. Конгрессменам даже не нужно доказывать, что средства были заморожены с целью надавить на главу иностранного государства. Однако теоретически Трамп может сослаться на все тот же режим чрезвычайной ситуации, объявленный им 15 февраля 2019 г. для вывода средств на строительство “мексиканской стены”, который все еще продолжает действовать.

4 декабря 2019 г. свои слушания начал Судебный комитет Палаты представителей, в задачи которого входил поиск конституционных оснований для импичмента президента по расследуемому делу. Перед комитетом предстали эксперты – четыре специалиста в сфере юриспруденции, трое из которых были выбраны демократами и один предложен республиканцами. Мнения экспертов разделились по партийной линии: представители от демократов с уверенностью заявили, что все конституционные основания для импичмента президента имеются. Правовед от республиканцев назвал весь процесс фарсом и заявил об отсутствии оснований для импичмента.

Изначальный численный перевес сторонников импичмента среди экспертов не смутил членов комитета от Демократической партии, уверенных в собственной профессиональной объективности. Между тем такой результат скорее отражает тот самый идеологический раскол в американском обществе, чем профессиональную объективность приглашенных юристов.

Процесс затянулся, и статьи импичмента передали в Сенат США только в середине января 2020 г. Республиканское большинство Сената намерено закончить свою часть расследования как можно быстрее и переключиться на избирательную кампанию. Однако это не изменит того, что именно импичмент окажет определяющее влияние на избирательную кампанию 2020 г. Ставки в ней максимально высоки: соперники борются не просто за Белый дом, а за доминирование одной из ценностных моделей.

Предварительные итоги президентства Трампа, с которыми он выходит на выборы, неоднозначны. С одной стороны, общий его рейтинг стабильно колеблется между 40 и 43%. В течение всего первого срока его поддержка ограничивается базовым электоратом, который и привел его к победе. При этом на протяжении всех прошедших лет его отрицательный рейтинг также стабильно превышает 50%: большинство граждан страны по-прежнему не считают Трампа своим президентом. Сможет ли он второй раз совершить невозможное и сохранить пост, опираясь лишь на меньшинство, с уверенностью утверждать нельзя. Но один козырь у него пока есть – экономика.

Затянувшийся экономический рост

Несмотря на напряженную политическую повестку, экономическая ситуация в США остается благоприятной. Закончился тяжелый период послекризисного восстановления, и экономика работает в штатном режиме. Подъем, начавшийся в июне 2009 г., в июне 2019 г. преодолел прежний десятилетний рекорд долгосрочного экономического роста и теперь является самым продолжительным в истории США. При этом годовые темпы роста ВВП не превышали 3% в год, максимальные значения (2.9%) были достигнуты в 2015 и 2018 гг. По данным Совета экономических консультантов при президенте США, темпы роста ВВП при администрации Д. Трампа выше, чем в годы экономического подъема, которые пришлось на президентство Б. Обамы: 2.6% против 2.2%, а по темпам роста экономики США в 2019 г. лидирует среди стран "Группы семи" [11]. В 2019 г. ВВП США вырос на 2.4–2.5%, а в 2020 г. рост может составить 2.4%.

Уверенно повышаются потребительские расходы американцев: в 2018 г. их рост составил 3%, в 2019 г. – 2.7%. Остается на низком уровне инфляция: индекс *PCE* в 2018 г. равнялся 2.1%, и в 2019 г. он не превысит 2% (табл. 1).

Основой здорового состояния американской экономики в 2019 г. стала ситуация на рынке труда, которая продолжает улучшаться даже по сравнению с очень благополучным 2018 г. Уровень безработицы не превышает 4% с марта 2018 г., а в сентябре и ноябре 2019 г. безработица достигала рекордно низкого уровня за 50 лет – 3.5%. Увеличиваются доля экономически активного населения (63.2% на ноябрь 2019 г.) и доля работающих в общей численности населения (61%). Число занятых в обрабатывающей промышленности с декабря 2016 г. по ноябрь 2019 г. возросло более чем на 500 тыс. человек, что является предметом особой гордости администрации Д. Трампа. Близки к рекордно низким уровням показатели безработицы для отдельных социальных групп – афроамериканцев, лиц азиатского и латиноамериканского происхождения, молодежи, инвалидов. С марта 2018 г. количество вакансий на рынке труда превышает число безработных, по данным на

сентябрь 2019 г. на одну вакансию приходилось 0.8 безработных. Опросы руководителей компаний подтверждают ситуацию дефицита сотрудников нужной квалификации [12]. Со времени избрания Д. Трампа президентом в ноябре 2016 г. по ноябрь 2019 г. число занятых в американской экономике возросло на 7 млн человек.

Таблица 1. Основные экономические показатели США (% прироста к предыдущему периоду)

	2016	2017	2018	2019*		
				I кв.	II кв.	III кв.
ВВП	1.6	2.4	2.9	3.1	2.0	2.1
Частные потребительские расходы	2.7	2.6	3.0	1.1	4.6	2.9
Частные производственные инвестиции	-1.3	4.4	5.1	6.2	-6.3	-0.1
Жилищные инвестиции	6.5	3.5	-1.5	-1.0	-3.0	5.1
Государственные расходы и инвестиции	1.8	0.7	1.7	2.9	4.8	1.6
Экспорт	0.0	3.5	3.0	4.1	-5.7	0.9
Импорт	2.0	4.7	4.4	-1.5	0.0	1.5
Промышленное производство	-2.0	2.3	3.9	-1.9	-2.3	1.4
Уровень безработицы (%)**	4.7	4.1	3.9	3.8	3.7	3.5
Инфляция (индекс РСЕ)	1.0	1.8	2.1	0.4	2.4	1.5

* В годовом выражении.

** В последнем месяце соответствующего периода.

Источник: составлено по данным [13; 14].

Превышение спроса на рабочую силу над ее предложением транслируется в рост заработной платы и доходов населения. Реальная почасовая заработная плата выросла на 1.2% с октября 2018 г. по октябрь 2019 г. Стабильно растут реальные располагаемые доходы населения: в 2018 г. их рост составил 4%, в III квартале 2019 г. – 2.9 % в годовом выражении. Медианный доход американских домохозяйств растет с 2014 г., а в 2016–2018 гг. достигал абсолютно максимальных значений за всю историю, увеличившись за этот период на 2.3%. В 2018 г. медианный доход на семью составил 63 179 долл. в год. Доля находящихся ниже уровня бедности в 2018 г. упала до 11.8% – самого низкого значения с 2001 г. [15] Доля владельцев собственного жилья увеличилась до 64.8% в III квартале 2019 г., это значительно выше минимального значения II квартала 2016 г. (62.9%) и близко к среднему историческому значению 65%.

Налоговая реформа, проводимая Трампом с 2017 г., также оказывает положительное влияние на потребительский спрос за счет поощрения создания рабочих мест в США и снижения ставок индивидуальных налогов. Индексы потребительского доверия *Conference Board Consumer Confidence Index* и *Consumer Sentiment*, несмотря на некоторые колебания, находятся на исторически высоких уровнях [16; 17] (по данным за 26 ноября и за декабрь 2019 г. В представленных источниках данные обновляются ежемесячно. – Прим. авт.). При этом в результате снижения ставки корпоративного налога резко сократились суммы уплаченных корпорациями США налогов (на 31.2% в 2018 г. по сравнению с 2017 г., на 10.5% в III квартале 2019 г. по сравнению с III кварталом 2018 г.) [13], что неизбежно привело к росту бюджетного дефицита с 665 млрд долл. в 2017 г. до 779 млрд долл. в 2018 г. и 984 млрд долл. (4.6% ВВП) в 2019 г. Росту дефицита также способствовало межпартийное соглашение о параллельном увеличении расходов на военные и гражданские программы в 2018–2019 гг., заключенное в феврале 2018 г. и затем июле 2019 г. на 2020–2021 гг., что указывает на перспективу дальнейшего роста дефицита федерального бюджета.

Несмотря на это, пока нет оснований прогнозировать наступление рецессии в американской экономике в течение ближайшего года. Хотя рекордная продолжительность периода экономического роста способствует появлению ожиданий экономического спада, которые будут усиливаться по мере увеличения длительности подъема, низкие уровни безработицы и инфляции, стабильный рынок труда, достаточный резерв производственных мощностей (коэффициент их использования составил в октябре 2019 г.

76.7% при долгосрочном среднем значении за 1972–2018 гг. 79.8%) указывают на имеющийся потенциал роста экономики. С наибольшей вероятностью в 2020 г. экономический рост в США продолжится, и не исключено, что следующий спад будет проходить как обычная циклическая рецессия, не сопровождающаяся глубокими кризисными явлениями или финансовыми потрясениями, как это было в 2008–2009 гг.

Состояние экономики может существенно повлиять на результаты президентских выборов, причем это влияние несимметрично. Хорошая экономическая ситуация не гарантирует переизбрания действующего президента, но в случае проблем в экономике шансы на переизбрание могут резко снизиться. Экономическое благополучие населения (потребительский оптимизм, низкая инфляция, отличное состояние рынка труда, рост реальных доходов, снижение доли бедных, увеличение доли домовладельцев, рост фондовых индексов) могут стать весомыми аргументами Д. Трампа в предвыборной кампании. В то же время факторы риска (рост дефицита бюджета и государственного долга, огромная задолженность частного сектора, неопределенность в связи с торговым противостоянием с Китаем и другими странами, давление на Федеральную резервную систему) не воздействуют непосредственно на американских избирателей и не принимаются во внимание многими из них.

Администрация Д. Трампа, в принципе настроенная на всестороннюю поддержку бизнеса, будет использовать все имеющиеся у нее дополнительные рычаги, чтобы не допустить рецессии до выборов 2020 г. Об этом свидетельствуют, в частности, давление президента на ФРС с целью дальнейшего смягчения монетарной политики и продолжающееся увеличение расходов федерального бюджета вопреки растущему дефициту.

Между тем, несмотря на стимулирующую налоговую и мягкую монетарную политику, в 2019 г. негативные тренды уже проявляются, прежде всего это низкий уровень частных инвестиций и отсутствие роста в промышленности (табл. 1). Можно ожидать, что рост частных производственных инвестиций в 2019 г. составит немногим более 2%, а объем промышленного производства, после роста в 2018 г. на 3.9%, в 2019 г. вырастет только на 0.8–1%. Одной из главных причин слабости этих показателей является неопределенность, связанная с торговым противостоянием США и Китая.

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ: БОРЬБА С КОНКУРЕНТОМ

Торгово-экономическое противостояние

Соперничество США и Китая имеет глубокие корни, кроющиеся не только в торговых, но и экономических и политических отношениях. В основе текущих противоречий – целый комплекс фундаментальных вопросов, не имеющих однозначных и быстрых решений: экспорт высокотехнологичной продукции из США в Китай, доступ на внутренние рынки КНР американских товаров и компаний, проблема передачи технологий, защита прав интеллектуальной собственности. Вряд ли можно ожидать достижения всеобъемлющего и окончательного соглашения между США и Китаем в обозримом будущем, скорее, им предстоит долгий, возможно, многолетний переговорный процесс.

При этом Вашингтон находится в более выигрышной переговорной позиции по торговым вопросам, чем Пекин. Доля в ВВП промышленности и сельского хозяйства, наиболее уязвимых в торговом конфликте, в Соединенных Штатах не превышает 20% (в Китае 48%). США – одна из самых независимых от внешней торговли стран мира: доля внешней торговли в американском ВВП составляет всего 27% (в ВВП Китая – 37%, среднемировое значение – 58%) [18], и при этом является крупнейшим мировым импортером. К тому же введение пошлин и жесткая политика по отношению к КНР поддерживается большим процентом американцев, а пострадавшим от торгового конфликта американским фермерам выплачиваются денежные компенсации, совокупный размер которых только с мая 2019 г. по январь 2020 г. составит 16 млрд долл. [19]

Все это позволило администрации Трампа проводить в течение 2019 г. довольно жесткую политику в отношении Китая, основной задачей которой можно назвать долгосрочное ослабление позиций основного глобального торгового, экономического и технологического

конкурента. Поставленная задача решалась как путем принуждения КНР в одностороннем порядке закупать больше американских товаров, так и с помощью ужесточения условий допуска на внутренний рынок продукции, конкурирующей с национальным производством. Для оправдания применения протекционистских мер регулирования импорта США использовали такие аргументы, как интересы национальной безопасности, необходимость выравнивания торгового баланса и условий конкуренции, а также защиту прав интеллектуальной собственности.

К началу 2019 г. большинство мер, которые предпринимала администрация Трампа, не заставили Китай пойти на принципиальные уступки. Было очевидно, что китайское руководство просто тянет время, чтобы укрепить свои конкурентные позиции. Учитывая приближающиеся выборы и необходимость предъявить электорату конкретные результаты, Трамп сделал достижение торговой сделки с Китаем своим приоритетом на 2019 г. Переговоры растянулись на весь год, в ходе которого предварительные договоренности несколько раз срывались, и американская администрация последовательно усугубляла конфликт.

В рамках переговорного процесса были выделены две большие категории вопросов. Первая касалась торговой сферы: торговые дисбалансы и сокращение торгового дефицита. Вторая группа включала в себя стратегические вопросы, связанные с китайской промышленной политикой: принудительная передача технологий, государственные субсидии китайским предприятиям, защита интеллектуальной собственности и нетарифные барьеры. Требования американской администрации предполагали внесение серьезных изменений во внутреннее законодательство Китая, что вызывало серьезное сопротивление и недовольство китайского руководства.

Дедлайн переговоров неоднократно переносился. Проект сделки, которую были готовы подписать Соединенные Штаты, был подготовлен только в мае 2019 г. Однако Китай проект не утвердил, удалив все положения, связанные с изменением собственного внутреннего законодательства [20]. В результате американская администрация, обвинив КНР в попытке "пересмотреть" основные положения соглашения и отступлении от своих обязательств, перешла к новому витку эскалации.

10 мая 2019 г. тарифная ставка на китайский экспорт на сумму более 200 млрд долл. была повышена с 10% до 25%. Позже США сформировали два дополнительных списка товаров на сумму около 300 млрд долл., куда попали потребительские товары, включая электронику, одежду, обувь, в отличие от предыдущих перечней, включавших средства производства (оборудование, комплектующие, пластмассы, химикаты) [21]. Действующие пошлины США распространяются на импорт товаров из Китая совокупной стоимостью 362 млрд долл. (25%-ный тариф на 250 млрд долл. и 15%-ный – на остальные 112 млрд).

Дальнейшие меры должны были стать одновременно рычагом давления на китайских переговорщиков и средством устранения конкурентов с американского рынка. 15 мая 143 китайские компании, в том числе *Huawei* и порядка 70 связанных с ней фирм, а также другие компании – разработчики систем связи 5G, "искусственного интеллекта", суперкомпьютеров, интегральных схем и полупроводников попали в американский санкционный список [22]. Позже данный список был пополнен еще восемью крупнейшими IT-компаниями Китая, которые имеют отношение к организации системы видеонаблюдения в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе [23; 24].

Параллельно 15 мая Трамп издал исполнительный указ "Об обеспечении безопасности поставок информационно-коммуникационных технологий и услуг", который дал Белому дому право запрещать иностранным технологическим компаниям вести коммерческую деятельность, если они угрожают национальной безопасности США [25]. Ответственными за оценку угроз со стороны иностранного бизнеса для технологического сектора США были назначены Комитет по разведке и Министерство внутренней безопасности.

К давлению на Китай подключился и Конгресс. В Закон об ассигнованиях на национальную оборону на 2019 финансовый год были включены положения, вносящие серьезные изменения в сферу инвестиционного и экспортного контроля. Его составной частью стали поправки в

Закон о модернизации оценки рисков от иностранных инвестиций, а также в Закон о реформе экспортного контроля, которые вступили в силу 13 августа 2018 г. [26]

Поправки в Закон о модернизации оценки рисков от иностранных инвестиций существенно расширили количество типов сделок, попадающих под контроль Комитета по иностранным инвестициям в США, в частности, миноритарные инвестиции в критическую инфраструктуру, в компании, занимающиеся критическими технологиями и имеющим доступ к чувствительным данным [27]. Ранее рассматривались только транзакции, в которых иностранное лицо или корпорация получала контрольный пакет акций в американской компании.

Жесткая позиция Конгресса в отношении китайских компаний, потенциально представляющих угрозу национальной безопасности США, также была отражена в Законе о военных ассигнованиях на следующий 2020-й финансовый год. В него было включено положение, санкционирующее запрет на закупку и использование государственными учреждениями телекоммуникационного оборудования китайских компаний, в частности *Huawei*, *ZTE*, *Hytera* и *Hikvision* [28]. Правило вступило в силу 13 августа 2019 г., за год до установленного Конгрессом крайнего срока (август 2020 г.) [29].

Параллельно с марта 2019 г. США стали проводить масштабную кампанию по давлению на союзников, пытаясь заставить их отказаться от сотрудничества с *Huawei* по внедрению высокоскоростной сети 5G. В частности, США удалось заключить соглашение с Польшей, предусматривающее отказ этой страны от использования китайских технологий беспроводной связи. С точки зрения безопасности кампания была призвана обеспечить целостность сетей НАТО, лишив при этом *Huawei* многомиллиардных контрактов и снизив ее конкурентоспособность.

США внесли Китай в список стран – манипуляторов валютным курсом и объявили о своем намерении запретить американским компаниям покупать китайские ценные бумаги. Трамп также рекомендовал Всемирному банку прекратить выдавать кредиты КНР.

Китай пытался сопротивляться, во многом предпринимая зеркальные меры: ввел довольно болезненные для американских экспортеров тарифы на импортируемые из США товары общей стоимостью 185 млрд долл., создал ограничительный список компаний, подал жалобы в ВТО. Руководство КНР заявило, что оно воспринимает осложнение отношений с США в торговой сфере как сигнал о необходимости ускорить реформы и продолжить курс на импортозамещение. Пекин ограничил закупки продукции *Apple* и заявил о намерении добиваться самообеспеченности по оборудованию для электронной отрасли, микропроцессорам и программному обеспечению. Власти КНР запустили фондовую биржу, специализирующуюся на акциях местных высокотехнологических фирм. Американским судам было отказано в заходах в порт Гонконга, а ряду неправительственных организаций США – в деятельности на территории этого административного района.

Защитные меры, предпринимаемые Китаем, оказались довольно чувствительными для США, но не заставили Белый дом отказаться от заявленных целей. Более того, они вызвали негодование Д. Трампа и привели к новой эскалации конфликта. В частности, в связи с очередным повышением тарифов на американский импорт, в серии ночных “твитов” 24 августа 2019 г. президент США пригрозил воспользоваться Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях и заставить американские компании вывести свое производство из Китая за рубеж [30]. Угроза вызвала неоднозначную реакцию в самих Соединенных Штатах. Трампа обвинили в “вольной” интерпретации закона и окончательном размывании грани между действительной необходимостью в обеспечении национальной безопасности и созданием еще одного “рычага давления” в переговорах с КНР.

К концу 2019 г. Китай “оброс” впечатляющим количеством тарифов и ограничений и понес значительные финансовые и репутационные издержки. В конце концов он был вынужден снизить наложенные ответные ограничения, чтобы избежать срыва собственных же планов по научно-технологическому развитию.

Соединенные Штаты также понесли потери в торговой войне. Несмотря на то, что многие компании увеличили число государственных контрактов, большая часть американского бизнеса потерпела существенные финансовые издержки. В самих США стало расти понимание ограниченной эффективности политики протекционизма, в том числе в силу высокой степени взаимозависимости экономик конфликтующих стран, их вовлеченности в глобальные цепочки снабжения, особенно в сфере вычислительной техники, электроники и информационных технологий.

Фактор приближающихся выборов также сыграл свою роль: Белый дом был вынужден проявлять максимальную гибкость с тем, чтобы постараться выйти на более позитивную траекторию отношений, не потеряв при этом часть электората, настаивающего на сохранении жесткой линии в отношении Китая. 13 декабря Трамп утвердил положения первой фазы торгового соглашения с Китаем [31]. Достигнутые договоренности касаются вопросов торговли, интеллектуальной собственности, передачи технологий, финансовых услуг, валютного регулирования и порядка разрешения торговых споров. Пекин согласился увеличить закупки американских товаров (сельскохозяйственной продукции, рыболовства, энергоносителей, промышленных товаров), а также услуг в ближайшие два года не менее чем на 200 млрд долл. по сравнению с 2017 г. При этом КНР обязалась устранить нетарифные барьеры для импорта говядины, мяса птицы, продукции рыболовства, молочной продукции, риса, кормов, детского питания, овощей и продукции сельскохозяйственных биотехнологий [32].

Китай согласился также работать над решением проблем, связанных с вопросами интеллектуальной собственности, усилить борьбу с пиратской продукцией, отказаться от практики принудительного трансфера технологий, понизить барьеры в сфере финансовых услуг и не прибегать к манипулированию валютой.

Было также достигнуто “тарифное перемирие” – договоренность о приостановке повышения с 15 декабря пошлин на китайский импорт объемом почти 160 млрд долл. в год (в основном бытовая электроника и другие потребительские товары, в закупках которых особенно заинтересована американская сторона). США пообещали также понизить до 7.5% действующие 15%-ные пошлины на 120 млрд долл. китайских товаров, сохранив при этом 25%-ный тариф на 250 млрд долл. импорта из Китая. В свою очередь Китай отложил введение дополнительных пошлин на товары производства США (пошлины в размере 10% и 5% должны были вступить в силу 15 декабря и распространяться на ввоз сельскохозяйственной продукции, а также автомобилей и комплектующих американского производства).

Оценки достигнутых договоренностей, однако, были неоднозначны. Президент США назвал результаты переговоров по первой фазе соглашения “историческим” достижением его администрации. Регулирование валютной сферы, открытие китайского финансового рынка и отказ от схем по принудительной передаче технологий свидетельствуют о значительном успехе в переговорах. С другой стороны, противники Трампа говорили о его полной капитуляции и предоставленной Китаю передышке, по крайней мере до выборов в США [33]. Договоренности оценивались некоторыми экспертами не как обязательства, а скорее, как соглашения о намерении. Комментаторы не без сарказма обращали внимание на тот факт, что за последний год Трамп уже в пятый раз докладывал о полной победе над Китаем в торговой войне. Отмечалось также, что Пекин ранее неоднократно отказывался от обещаний в части закупок американских товаров и также не раз заявлял, что объемы экспорта и импорта должны определяться рынком.

Особенно важно то, что обязательства Китая по структурным реформам не были конкретизированы. Пекин, в частности, настаивал, что уже существенно скорректировал собственное внутреннее законодательство в части режима для иностранных инвестиций и интеллектуальной собственности.

Вопреки скептическим комментариям критиков, 15 января США и КНР действительно подписали первую часть торгового соглашения. Китай обязался импортировать в 2020–2021 гг. товары и услуги американского производства общей стоимостью, превышающей не менее чем на 200 млрд долл. годовой уровень их импорта в 2017 г. (то есть до введения пошлин Трампом).

Речь идет практически об удвоении американского экспорта в Китай (в 2017 г. он составлял 130 млрд долл.). В тексте соглашения закреплено также ожидание американской стороны, что после 2021 г. в течение следующих нескольких лет торговля будет развиваться по нарастающей, способствуя восстановлению равновесия в двусторонних торговых отношениях.

Интересной особенностью достигнутых договоренностей является фиксация в соглашении односторонних обязательств Китая по увеличению импорта. Закупки промышленных товаров (самолеты, другое оборудование, инструменты, химические товары, продукты фармацевтики, черные металлы, пиломатериалы) должны составить 120 млрд долл. в 2020 г. и не менее чем 131.9 млрд долл. в 2021 г. Совокупная стоимость закупок энергоносителей (сжиженный природный газ, нефть, металлургический уголь) зафиксирована на уровне 30.1 млрд долл. в 2020 г. и 45.5 млрд в 2021 г. Обязательства Китая по закупкам сельскохозяйственной продукции на ближайшие два года установлены в размере 80–90 млрд долл. КНР согласилась также импортировать финансовые, информационные и туристические услуги на сумму не менее 99.9 млрд долл. в 2020 г. и 112.2 млрд в 2021 г. (против 56 млрд долл. в 2017 г.) [34]. По экспертным оценкам, для выполнения условий соглашения американцам потребуется наращивать свой экспорт в Китай в 2020–2021 гг. на 40% в год.

Увеличению объемов торговли сельскохозяйственными товарами и продовольствием должны способствовать зафиксированные в тексте соглашения обязательства Китая по отмене сохраняющихся нетарифных барьеров для красного мяса, мяса птицы, морепродуктов, риса, молочных продуктов, детского питания, фруктов, кормов для животных, кормовых добавок, а также сельхозпродуктов, полученных с помощью биотехнологий. Тем не менее возможности США для наращивания в столь сжатые сроки поставок сельхозпродукции и кормов для животных, с учетом обязательств КНР перед третьими странами, достаточно ограничены. Могут также возникнуть проблемы в плане конкурентоспособности экспорта США СПГ, нефти и промышленной продукции.

К числу своих неоспоримых достижений Вашингтон относит сдачу позиций Пекином в отношении американских требований о проведении структурных реформ в экономике, особенно в части регулирования вопросов защиты интеллектуальной собственности и передачи технологий. Известно, что в качестве одного из главных аргументов для повышения тарифов администрация Трампа выдвигала нарушение китайской стороной требований Секции 301 Закона о торговле 1974 г., в том числе касающихся инновационной продукции. Под нажимом США Китай согласился включить в текст торгового соглашения отказ от практики оказания давления на иностранные компании с целью передачи ими технологий китайским компаниям в качестве условия для внедрения на рынок, получения административных разрешений или государственных заказов. КНР взяла на себя также ряд дополнительных обязательств по транспарентности при передаче технологий, согласилась осуществлять лицензирование на рыночных условиях, а также воздерживаться от поддержки инвестиций, нацеленных на получение доступа к иностранным технологиям при реализации планов промышленного развития.

Китай согласился также устранить торговые и инвестиционные барьеры для американских поставщиков банковских и страховых услуг. Согласованы обязательства КНР по вопросу совершенствования ее законодательства, регулирующего вопросы валютной политики. Большинство американских экспертов уверены, что претензии заокеанских властей к Китаю в отношении якобы имевшей место практики манипулирования валютным курсом и так являются необоснованными. Но на этот раз Министерство финансов США сочло возможным еще до подписания соглашения официально исключить Китай из списка стран – манипуляторов, отменив тем самым свои же недавние распоряжения на этот счет.

Главным нерешенным вопросом остается график отмены введенных обеими странами в 2018–2019 гг. таможенных тарифов. Пока стороны согласились лишь воздержаться на неопределенный срок от применения первоначально запланированных пошлин. США обязались также сократить примерно вдвое – с 15% до 7.5% в течение неуставленного срока тарифы на импорт китайских товаров стоимостью примерно 100 млрд долл. Вместе с тем останутся в силе 25%-ные тарифы на импорт из Китая промышленных частей и компонентов

стоимостью 250 млрд долл. Достаточно спокойное отношение руководства КНР к перекосам в вопросе снижения тарифов трактуется китайской стороной таким образом, что действия администрации Трампа причинили американцам больше вреда, чем пользы, в первую очередь из-за нарушения сложившихся цепочек поставок и снижения конкурентоспособности их экспорта. Американская сторона, напротив, отмечает прогресс в сокращении дефицита торгового баланса с Китаем – на 74 млрд долл. в 2019 г. по сравнению с 2018 г. Импорт США из Китая за указанный период действительно сократился на 16%, но и американский экспорт в КНР понизился на 11%. Так что основными выгодоприобретателями стали не столько США, сколько третьи страны.

В том, что касается контроля над соблюдением тарифного перемирия, предусмотрены регулярные двусторонние консультации. При этом каждой стороне позволено осуществлять при необходимости соразмерные шаги, которые она сочтет целесообразными. Другими словами, если США посчитают, что Китай нарушает взятые им обязательства, они смогут в одностороннем порядке восстановить отмененные или пониженные ранее пошлины на китайские товары.

После вступления в силу первой фазы соглашения, возможного спустя месяц после его подписания, американские тарифы будут покрывать примерно 64.5% импорта из Китая, а их средний уровень понизится крайне незначительно – с 21% в настоящее время до 19.3%. Сохранятся пошлины на 90% частей и компонентов из КНР, 87% – одежды и текстиля, а также значительную часть завозимого из этой страны транспортного оборудования и энергоносителей. Китайскими пошлинами возмездия будет покрываться 56.7% американских товаров, а средний уровень обложения тарифами американских товаров понизится с 21.1% до лишь 20.9% [35]. На практике это означает, что высокие таможенные тарифы становятся новой нормальностью в двусторонних отношениях, по крайней мере на ближайшие годы.

Таким образом, почти единственным, но крайне важным достижением дипломатии США и Китая остается замораживание конфликта, длившегося два года. Его негативными последствиями явились замедление роста экономики обеих стран, а также отрицательное воздействие на мировую торговлю в целом. В частности, в самих США на протяжении всего второго полугодия истекшего года отмечалось медленное сокращение производства в обрабатывающей промышленности на фоне общей благоприятной экономической ситуации.

Трамп уже обозначил заинтересованность в незамедлительности переговоров по второй фазе сделки. При этом Вашингтон дал понять, что намерен продолжать диалог на своих условиях. В ходе предстоящих раундов американская сторона намерена уклоняться, по возможности, от обсуждения вопросов, напрямую связанных с понижением или отменой тарифов, и предпочтет сосредоточиться на структурных проблемах, не затронутых в ходе первой фазы переговоров. С точки зрения США, вопрос о возвращении тарифов к состоянию на конец 2017 г. не является первоочередным – по крайней мере до тех пор, пока не будет завершен второй (или, возможно, третий) этап торгового соглашения. Напротив, Китай обеспокоен влиянием тарифов на торговлю и будет, вероятно, настаивать на их скорейшей отмене или поэтапном сокращении. В качестве главных тем для обсуждения американской стороной предлагаются вопросы внешнеэкономической деятельности государственных предприятий КНР и субсидирования китайской экономики. Не случайно США уже начали дискуссию с ЕС и Японией на тему борьбы с субсидиями, искажающими правила мировой торговли.

Достижение договоренностей первой фазы торгового соглашения не остановит американское регулирование технологических потоков в Китай и не создаст гарантий отсутствия в дальнейшем новых поводов для торговых конфликтов. Возможности наращивания США поставок в Китай конкурентоспособной продукции для сбалансирования торговли ограничены. По этой причине Вашингтон продолжит практиковать протекционистские меры в интересах национальной безопасности и защиты прав интеллектуальной собственности.

США и Китай останутся соперниками в технологической гонке, а это означает, что заключение договора лишь сгладило двусторонние противоречия, но не устранило их. Часть членов администрации Белого дома и Конгресса выступает за полное [36], либо частичное

“экономическое разъединение” с КНР [37; 38], но в политико-экспертном сообществе преобладает мнение, что полномасштабное “экономическое разъединение” уже невозможно.

Министерство торговли прорабатывает сценарии ограничения доступа Китая к “чувствительным технологиям” [39], таким как квантовые вычисления, робототехника, “искусственный интеллект” и технологии 3D печати, в повестку дня также внесены вопросы цифровой торговли и кибербезопасности согласно запланированным мероприятиям в рамках Закона об ассигнованиях Министерству обороны на 2019 финансовый год. В частности, 6 января 2020 г. вышел исполнительный указ, ограничивающий экспорт программного обеспечения для разработок “искусственного интеллекта” [40]. Растет число сторонников укрепления политической составляющей переговоров – вынесения на обсуждение вопросов нарушения прав этнических меньшинств Китая. Большой двухпартийной поддержкой пользуется законопроект сенатора от Флориды Марко Рубио “Об уйгурах”, прошедший уже обе палаты Конгресса [41].

Критики Трампа настоятельно подталкивают его к постепенному отказу от прямой конфронтации в пользу “разумной конкуренции” с Китаем. Однако любые попытки нормализации отношений на тактических направлениях, представляющих взаимный интерес, такие как сотрудничество в “зеленой” энергетике или возвращение в США продукции *Huawei*, будут встречать активное противодействие со стороны радикально настроенного крыла администрации и Конгресса, выступающих за “экономическое разъединение”. В Конгресс уже внесен ряд новых законопроектов, предусматривающих, в том числе, подготовку перечня технологий, запрещенных для передачи в Китай, а также выдвигающих дополнительные требования как к китайским компаниям, так и университетам и научным институтам США, сотрудничающим с коллегами из “Поднебесной”.

После возможной смены администрации обстановка взаимного недоверия, характерная для текущего периода, скорее всего, сохранится. В отношениях с Китаем будет превалировать конфронтационная составляющая. Американская сторона продолжит рассматривать КНР в качестве главного стратегического конкурента в гонке за глобальное экономическое и технологическое лидерство. Вероятность того, что текущее противостояние двух крупнейших экономик распространится до стадии затяжной торговой войны, остается высокой.

Политическое напряжение

О смене стратегического вектора в отношении Китая свидетельствует и то, что противостояние двух стран не ограничилось торгово-экономической сферой. В 2019 г. США вернулись к поддержке сепаратистских настроений в Китае. По мере разрастания протестов в Гонконге в ноябре 2019 г. на базе широкого межпартийного консенсуса Соединенные Штаты приняли закон “О правах человека и демократии в Гонконге”. Он обязывает Госдепартамент США ежегодно информировать Конгресс о том, “достаточно ли Гонконг автономен от Китая”, выдавать рабочие и студенческие визы политически преследуемым властями заявителям, а также вводить санкции против лиц, ответственных за нарушения прав человека в регионе, а Министерство торговли США – сообщать о попытках Пекина обойти американские нормы экспортного контроля и санкции с помощью особого статуса Гонконга [42]. Сохранение или развитие данной законодательной нормы со стороны США в контексте истечения в 2047 г. статуса особой экономической и административной автономии Гонконга, согласно Основному закону этого региона от 1997 г., фактически закладывает мину замедленного действия в американо-китайские отношения.

Аналогичным образом в Соединенных Штатах возросло внимание к ситуации в других регионах КНР. На уровне законопроектов стали разрабатываться нормы по введению санкций за нарушение прав человека в отношении уйгуров в Синьцзяне и по поддержке новых поколений политических лидеров и духовенства в Тибете [43; 44; 45]. В отношении Тайваня были приняты символического характера резолюции в обеих палатах Конгресса, подчеркивающих приверженность США сохранению особого характера американо-тайваньских отношений [46; 47].

Параллельно США активизировали военно-морское противостояние с Китаем. 1 июня 2019 г. Министерство обороны США официально представило свою первую Стратегию для Индо-Тихоокеанского региона, суть которой состоит в укреплении двусторонних альянсов США с союзниками и усилении механизмов многостороннего сотрудничества в области экономики, безопасности и свободы судоходства с целью создания совместной сети, охватывающей Юго-Восточную, Северо-Восточную и Южную Азию [48].

Основным пунктом стратегии является недопущение дальнейшего изменения двустороннего баланса морских сил в пользу Китая. В документе официально фиксируется готовность США предпринимать активные действия, направленные на ослабление постоянно растущего влияния КНР в Индо-Тихоокеанском регионе, включая Южно-Китайское море (ЮКМ), и на сохранение подавляющего превосходства США в военной силе. Главная цель Вашингтона в Южно-Китайском море – создание тактического союза против Пекина. В 2019 г. США заметно увеличили свои односторонние и коллективные военные операции в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии.

Основным американским инструментом сдерживания Китая в ЮКМ остаются Операции по защите свободы судоходства ВМС США (*Freedom of Navigation Operations, FON*). Со времени вступления Д. Трампа в должность президентские американские военные 15 раз проводили операции *FON* в Южно-Китайском море (в три раза больше, чем при второй администрации Б. Обамы). В 2019 г. Пентагон шесть раз отправлял один или два эсминца в китайские территориальные моря и прилегающие воды в район Парасельских островов, Спратли и Рифа Скарборо без разрешения Китая [49]. При этом другие военно-морские рейды могли проводиться негласно.

В дополнение к *FON* подводные силы и авиация ВС США также часто проводили совместную разведку против Китая в ЮКМ. Согласно доступным статистическим данным, американские стратегические бомбардировщики *B-52*, развернутые на Гуаме, вылетали в район Южно-Китайского моря не менее 16 раз для выполнения военных задач, примерно в четыре раза больше, чем в 2017 г. [50]

В рамках Индо-Тихоокеанской стратегии в 2019 г. США не только продолжили наращивать операции *FON*, но и стали активнее привлекать к ним своих союзников. В январе–феврале 2019 г. впервые за девять лет прошли американо-британские учения в акватории ЮКМ. Другие страны, такие как Япония, Австралия, Индия, Канада и Франция, также расширяют свое военно-морское присутствие в ЮКМ в сотрудничестве с США. 9 мая 2019 г. США провели военно-морские учения совместно с ВМС Японии, Филиппин и Индии. До этого страны участвовали только в трехсторонних, либо двухсторонних форматах учений [48]. Со 2 по 6 сентября 2019 г. прошли первые в истории отношений морские учения США с ВМС всех 10 стран АСЕАН (*ASEAN – US Maritime Exercise, AUMX*). Как отмечали представители ВМС США, “в учениях приняло участие более тысячи человек. Они начались в береговой линии Таиланда, Сингапура и Брунея под руководством ВМС США и Королевских ВМС Таиланда. Их морская фаза прошла в международных водах Юго-Восточной Азии, в том числе в Сиамском заливе и Южно-Китайском море. Завершились учения в Сингапуре” [50].

Очевидно, что частота подобных учений в ЮКМ будет только увеличиваться. Как отметил в феврале 2019 г. руководитель американского командования по Индо-Тихоокеанскому региону адмирал Фил Дэвидсон, “США крайне заинтересованы в привлечении своих союзников к будущим миссиям в ЮКМ” [51].

Сочетание торгово-экономических и политических мер в конфронтации США и Китая с очевидностью свидетельствует об утверждении американо-китайского противостояния в качестве долгосрочного системного кризиса в международных отношениях.

НОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО ЛИДЕРСТВА

Союзники в роли конкурентов

В основе международной повестки Д. Трампа лежат преимущественно экономические инструменты борьбы за глобальное лидерство, причем борьба ведется не только с противниками, но и с союзниками. Нередко этот экономический аспект реализации политики нового лидерства называют новым изоляционизмом США, но пока за ним скрываются традиционные для Соединенных Штатов протекционизм и нежелание ограничивать себя рамками международных организаций.

Так, администрация Трампа пересмотрела в 2019 г. торговые соглашения с **Японией**. Новые рамки формируются двумя документами – Соглашением о торговле и Соглашением о цифровой торговле, оба документа вступили в силу 1 января 2020 г. Во многом они стали результатом компромисса, на который Япония была вынуждена пойти, чтобы не допустить ограничения импорта своей продукции на американский рынок по китайской модели. При этом стороны рассматривают соглашение как первый этап заключения комплексного двустороннего договора о торговле [52].

Импорт автомобилей и запчастей является крупнейшей статьёй японского импорта в США, его стоимостной объём в 2018 г. составил 56 млрд долл., а американский экспорт этих категорий товаров в Японию в том же году не превысил 2.5 млрд долл. Американские автопроизводители утверждают, что причина такого дисбаланса – наличие у Японии нетарифных барьеров [53].

Подходящим средством для сокращения внешнеторгового дефицита США, по мнению президента Трампа, являются двусторонние торговые соглашения, в переговорах по которым американская сторона постоянно оказывает давление на партнеров с целью борьбы с тарифными и нетарифными ограничениями и “нечестными торговыми практиками”.

Руководствуясь данным подходом, Трамп развернул активную борьбу с импортом в США продукции автомобильной промышленности из Японии и ЕС. В 2018 г. Министерством торговли США было начато расследование в рамках разд. 232 Закона о расширении торговли 1962 г. Цель расследования заключалась в определении, является ли импорт автомобилей и запчастей в США угрозой для национальной безопасности, то есть оказывает ли он негативное воздействие на американских производителей продукции, значимой для обеспечения нацбезопасности, или же заметное негативное воздействие на какие-либо отрасли или экономику США в целом. Если в подобных случаях делается вывод о существовании такого воздействия, президент может принять меры к его устранению, в том числе, ввести тарифные ограничения импорта на неопределенный срок. По результатам расследования в мае 2019 г. Трамп объявил, что импорт автомобилей и запчастей, в особенности из Японии и стран Евросоюза, представляет угрозу для национальной безопасности США, поскольку отрицательно влияет на конкурентоспособность американских автопроизводителей на мировом рынке и на проведение НИОКР, необходимых для обеспечения военного превосходства Соединенных Штатов [54].

В ходе переговоров о торговом соглашении с Японией администрация Д. Трампа регулярно использовала для усиления своих позиций угрозу ввода тарифов на продукцию японской автомобильной промышленности. Эта тактика отчасти сработала, и США добились значительных уступок [53].

Экономическая политика Д. Трампа в отношении Японии является одним из ярких примеров, показывающих смену курса американской администрации после 2016 г. В январе 2017 г. США вышли из Транстихоокеанского партнерства (ТТП, англ. – *Trans-Pacific Partnership*), и в довольно необычной для себя роли явного лидера и главной движущей силы процесса заключения многостороннего соглашения выступила Япония, сохранив ТТП в практически неизменном виде (новый договор был назван *CPTPP – Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*) и добившись его подписания всеми экономика-участницами. В декабре 2018 г. договор вступил в силу.

Политика США способствовала ускорению переговорного процесса между Японией и Евросоюзом. В итоге в феврале 2019 г. вступило в силу соглашение об экономическом партнерстве между ними.

Американские импортеры оказались в невыгодном положении, поскольку им пришлось конкурировать на японском рынке и с производителями из экономик – членов *CPTPP*, и с производителями из ЕС – в условиях отсутствия у США договора о свободной торговле с Японией. В первую очередь это относилось к ввозу сельскохозяйственной продукции. Важным вопросом на переговорах о двустороннем соглашении между США и Японией было совпадение его условий с договоренностями в рамках *CPTPP*, сменившего соглашение о Транстихоокеанском партнерстве. Американская сторона прилагала много усилий к тому, чтобы фермеры из США могли получить такой же доступ к японскому рынку, что и экономики – участницы *CPTPP*. Япония, в свою очередь, не хотела допустить обострения отношений, но в то же время не была готова идти на большие уступки, чем в рамках *CPTPP*. В итоге переговоры на этом этапе завершились, скорее, в пользу США и американских импортеров сельскохозяйственной продукции: условия для них в Японии станут примерно такими же, как для импортеров из стран *CPTPP*.

Наиболее значимым практическим результатом соглашения о торговле товарами стало снижение или отмена ограничений на импорт в Японию американской сельскохозяйственной продукции, включая говядину, свинину, некоторые фрукты и орехи, а также вина, сыры и пр. на общую сумму более 7 млрд долл. В 2018 г. американский импорт сельскохозяйственных товаров в Японию составил 14.1 млрд долл., из них не облагались пошлинами товары на 5.2 млрд. По условиям торгового соглашения будут отменены или снижены пошлины еще на 7.2 млрд долл. В итоге более 90% американского импорта продовольственных товаров и сельхозпродукции либо не будут облагаться пошлинами, либо подпадут под условия преференциального тарифного режима [52].

По условиям торгового соглашения Соединенные Штаты отменят или сократят тарифы на ввоз ряда японских сельскохозяйственных товаров (в 2018 г. стоимостной объем их импорта составил 40 млн долл.), также планируется частичное снижение или отмена тарифов на определенные категории японских промышленных товаров, таких как станки, паровые турбины, велосипеды, велосипедные детали, музыкальные инструменты и др. [52]

Японская сторона надеялась избежать введения тарифов на ввоз в США автомобилей и запчастей. Однако такие гарантии не были прописаны в новом торговом соглашении, и снижение уже существующих тарифов пока не обсуждается (они составляют 2.5%, и, к примеру, ТТП предусматривало их постепенное сокращение и отмену) [55].

Таким образом, американские фермеры получили равный с производителями сельскохозяйственной продукции из стран *CPTPP* доступ к японскому рынку (несмотря на протесты японских фермеров и отчасти им в ущерб), а вот японские автомобилестроители могут только надеяться, что постоянные угрозы администрации президента Трампа о вводе новых тарифов не будут воплощены на практике. Вероятно, вопрос импорта продукции автомобилестроения из Японии будет обсуждаться в ходе дальнейших переговоров, так как данное торговое соглашение позиционируется американской стороной лишь как первый этап на пути к комплексному двустороннему документу.

Одной из причин нежелания США ограничивать свою свободу письменными гарантиями является угроза позициям Д. Трампа на грядущих президентских выборах, точнее – потеря им части голосов рабочих, занятых на американских автомобильных предприятиях. Тогда как успех новой тактики ведения двусторонних переговоров, вероятно, принесет ему дополнительные голоса избирателей в штатах, где население занимается производством сельскохозяйственных товаров. Японской стороне не удалось добиться ни снижения тарифных ограничений на импорт автомобилей, ни даже письменных гарантий того, что не будут введены новые ограничения. Но, судя по реакции японских политиков, они считают, что, пойдя на уступки, выбрали меньшее из двух зол для своей экономики. К сожалению, если стороны действительно пойдут на второй круг переговоров, угроза введения тарифов как основной аргумент США останется в силе.

Выстраиваемая Трампом новая модель американского лидерства выходит далеко за рамки торговли. Она затронула и отношения с **союзниками по НАТО**, развитие оборонных инициатив которых воспринимается действующей администрацией США как потенциальный вызов. Недовольство Соединенных Штатов недостаточным, с их точки зрения, участием партнеров в финансовом обеспечении коллективной безопасности, с особым усердием демонстрируемое Трампом, олицетворяет, в частности, растущее беспокойство Вашингтона по поводу возможной независимости европейцев и конкуренции в сфере безопасности. Европейские оборонные инициативы – Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (PESCO) и Европейский оборонный фонд (EDF) – встречают критическое отношение за океаном. Соединенные Штаты рассматривают эти проекты как противоречащие их интересам на рынке вооружений в ЕС.

Таким образом, выступая за повышение вклада Европейского союза в развитие евроатлантической системы безопасности, США прежде всего сигнализируют о собственном негативном восприятии оборонных инициатив Брюсселя. Однако эмоциональные эскапады Трампа в адрес коллег по НАТО не должны вводить в заблуждение: несмотря на существующие разногласия, США по-прежнему рассматривают эту организацию как основу региональной безопасности. Реальный отказ от полноценного участия в ней или снижение ее роли для региональной политики Вашингтона маловероятны.

При этом напряжение в отношениях партнеров наблюдается и в сфере, косвенно связанной вооружением, – США недовольны закрытием доступа к процессу и результатам европейских НИОКР. Европейские научные проекты в информационных сферах вызывают особый интерес у США, учитывая, что сами американцы активно ведут высокотехнологичные разработки, большая часть из которых закрыта. В перспективе Соединенные Штаты могут сделать серьезную заявку на лидерство в сфере технологий “искусственного интеллекта”/машинного обучения, которые могут изменить глобальный рынок. Конкуренция с европейскими партнерами в этой области будет только расти. Резкое давление Трампа на союзников ожидаемо не нашло поддержки со стороны американских конгрессменов. Последние постарались максимально ограничить его в реализации новой формулы отношений с традиционными партнерами. Чтобы обезопаситься от возможной попытки Д. Трампа покинуть состав Североатлантического альянса, 22 января 2019 г. Палата представителей проголосовала за законопроект “О поддержке НАТО” [56], запрещающий США выходить из данной организации, а также обязывающий поддерживать союзников и осуществлять финансирование Европейской инициативы сдерживания [57], имеющей антироссийскую направленность.

Вместе с тем в 2019 г. США активно участвовали в военно-политической жизни “Старого Света”. Так, сухопутные войска США в Европе были задействованы более чем в 12 учениях на территории Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства (Грузия, Прибалтика, Украина). Также в рамках военно-политического сотрудничества с североευропейскими странами США приняли участие в двух военных учениях: “Северный ветер” (*Northern Wind*, 18–27 марта 2019 г.) [58] и “Арктический вызов” (*Arctic Challenge Exercise*, 22 мая–4 июня 2019 г.) [59].

Кризис союзнических или партнерских отношений США прослеживается и со странами **Ближнего Востока**. Здесь самым ярким примером являются американо-турецкие противоречия. Их глубина обуславливается не только поставкой российских противовоздушных систем С-400 и последующим за ней прекращением военно-технического сотрудничества США и Турции по разработке истребителей F-35, но и почти полностью отсутствующей позитивной повесткой двусторонних отношений. Позиционирование Анкары в стратегическом видении Вашингтона в качестве проводника своей политики сначала в отношении Советского Союза, а затем на всем Ближнем Востоке по мере выстраивания Турцией собственной внешнеполитической стратегии привело к взаимному непониманию. Признание обеими палатами Конгресса США геноцида армян [60; 61], оскорбительное письмо Д. Трампа турецкому президенту Р. Эрдогану, перспективы закрытия военных баз США на территории Турции [62] и снятия эмбарго на поставки вооружений Республике Кипр [63], а также ввод и снятие санкций за действия Турции в Сирии [64] и угрозы их эскалации для подрыва турецкой экономики – все эти действия сложно назвать союзническими.

Аналогичный разрыв выстраиваемых ранее Соединенными Штатами стратегических линий в угоду конъюнктурным интересам наблюдается и на другом – антииранском фронте. Односторонняя санкционная политика действующей администрации США против Исламской Республики Иран ради пересмотра Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) сочеталась с несогласованными действиями членов антииранской коалиции из стран региона.

Апогеем давления на Иран стало убийство 3 января 2020 г. руководителя подразделения Корпуса стражей Исламской революции Аль-Кудс Касема Сулеймани. Эскалация американо-иранской напряженности до подобного уровня практически свела на нет перспективу политико-дипломатического переформатирования условий СВПД при сохранении действующих санкций. Более того, если в результате данной негативной динамики Иран окончательно откажется выполнять условия плана, возобновит разработку ядерного оружия, а конфронтация окончательно перейдет в военно-политическую плоскость, это нанесет сокрушительный удар режиму нераспространения оружия массового уничтожения и в еще большей степени утвердит в практике международных отношений не принципы международно-правового или договорного ведения дел, а “право сильного”.

При этом администрация Трампа в 2019 г. последовательно отстаивала свою предвыборную линию на выход США из военных конфликтов. В сирийском противостоянии Соединенные Штаты значительно сократили свое вовлечение в процесс урегулирования, поддерживая курдские вооруженные формирования и сохраняя присутствие своих военных сил на востоке Сирии для контроля за нефтяными полями. Тем самым процесс политического урегулирования, осуществляемый в Астанинском формате (Россия–Турция–Иран), на момент 2019 г. стал значительно меньше зависеть от сил США в регионе. Однако в то же время, по мере нивелирования их влияния, в Конгрессе возникли законопроекты, значительно затрудняющие процесс дальнейшей реконструкции Сирии [65].

Параллельно администрация Д. Трампа предпринимала попытки перевода в мирное русло противостояния в Афганистане. На протяжении всего 2019 г. представители Белого дома как на двусторонних переговорах с движением “Талибан”, так и в рамках Московского формата (Россия, США, КНР и Пакистан) искали пути политико-дипломатического разрешения конфликта. Помимо предвыборных обещаний самого Д. Трампа прекратить войну, дополнительным стимулом для американского политического истеблишмента способствовать прекращению войны в краткосрочной перспективе может послужить публикация в декабре 2019 г. газетой *The Washington Post* документов Специального генерального инспектора по реконструкции Афганистана, свидетельствующих о неясности стратегических приоритетов среди высшего командного состава вооруженного контингента США в этой стране, непоследовательности реализации политики и коррупции [66].

Расширение пространства влияния

Борьба с конкурентами экономическими методами проявилась и в активных шагах администрации по расширению американской доли на рынках товаров и услуг, занятых потенциальными конкурентами США, а также по пересмотру правил игры в отдельных регионах мира. Рынком, на захват которого направлены усилия администрации Трампа, стал рынок энергоресурсов, а регионом, где США намерены серьезно расширить свое влияние, становится Арктика.

Билетом США на рынок энергоресурсов стала сланцевая революция. Благодаря быстрому росту добычи сланцевой нефти в США, а также развитию технологий добычи трудноизвлекаемых запасов, эксперты ожидают, что к 2040 г. нефтедобыча в США вырастет на 5 млн баррелей в сутки, и они станут чистыми экспортерами углеводородов. При этом США и американские нефтяные компании могут еще сильнее укрепить свое влияние в мировой энергетике в случае смены власти в Венесуэле и восстановления их прежнего положения в нефтяном секторе этой страны.

Этому же будут способствовать усилия США по санкционному выдавливанию с энергетического рынка других крупных участников. Широкое использование санкционного

инструмента можно назвать одной из характерных черт американской политики сохранения и расширения глобального лидерства в последние годы. Эта линия была намечена администрацией Б. Обамы и в полной мере продолжается командой Д. Трампа. Существующий в политическом истеблишменте двухпартийный консенсус относительно активной внешней политики по продвижению американского экономического и политического доминирования предполагает гибкое использование так называемых умных санкций.

Наиболее яркий пример такой политики – это наращивание санкционного давления на Россию и ЕС, направленного на блокирование проекта “Северный поток-2”. В течении года Конгресс США рассматривал две версии законопроекта “О защите европейской энергетической безопасности” – одну в Палате представителей, другую – в Сенате. По мнению американских законодателей, тот факт, что через новый газопровод в Европу будет поставляться около 80% российского сжиженного природного газа, создаст серьезный вызов для региональной энергетической безопасности и диверсификации поставок, а также вызовет значительные трудности для украинского правительства, которое лишится прибыли от транзита СПГ через свою территорию.

Среди мер противодействия выдвигались варианты введения санкций против физических и юридических лиц, участвующих в создании и функционировании газопровода, выработки единой трансатлантической энергетической стратегии, способствования диверсификации европейского рынка, препятствования использованию Россией экспорта энергоресурсов в качестве инструмента внешней политики. В законах также оговаривалась необходимость введения санкций против лиц, участвующих в развитии российской системы экспортных газопроводов. К концу года основные положения обеих версий закона вошли в состав оборонного бюджета на 2020 г. и были подписаны президентом Трампом.

Арктика постепенно становится регионом, где повестку дня будут формулировать именно США: уже сейчас значительная часть проектов инициируется американской стороной, и затем в их поддержку выступают другие арктические страны. В частности, США обеспокоены активностью неарктических государств в регионе, особенно Китая. США тревожит то, каким образом КНР осуществляет международно-правовое продвижение своих национальных интересов в Арктике. Со стороны Вашингтона звучит критика в адрес изобретения Китаем новых правовых терминов – США не признают одностороннее провозглашение КНР “околоарктическим” государством. Их беспокоит и политика, нацеленная на развитие транспортного потенциала Северного Ледовитого океана и его морей, а также связь между научно-исследовательской деятельностью Китая в Арктике и укреплением его военного потенциала в регионе.

Однако эта обеспокоенность не оказалась достаточным стимулом к развитию более тесных отношений с другими арктическими странами, в частности с Россией. Треугольник противостояния Россия–США–Китай и в Арктике проявляет свой конфликтный потенциал. Несмотря на то, что полномасштабное противостояние двух стран в этом регионе еще не показало себя, Россия продолжает оставаться главным вызовом для США в этой части света. Это касается не только обвинений в милитаризации региона, но и политико-правовых разногласий, касающихся правового статуса Северного морского пути (СМП). США и далее будут настаивать на том, что национальный уровень регулирования навигации по трассе, отстаиваемый Россией, является нелегитимным. При этом нельзя исключать, что США могут пойти на прямое оспаривание российских правопритязаний в отношении СМП посредством реализации тех или иных мероприятий в рамках программы *Freedom of Navigation*.

Россия в фокусе политической борьбы

В целом российская повестка в 2019 г. продолжила развиваться в соответствии с вектором, заложенным еще в 2017 г.: общие рамки сдерживания России установлены, РФ прописана в качестве стратегического конкурента, антироссийский консенсус во власти и в обществе с успехом поддерживается информационной войной, которая интенсифицируется по мере внутривнутриполитической надобности. В 2019 г. очередная волна сопровождала расследование Мюллера и была направлена, с одной стороны, на внутреннюю аудиторию – ослабить позиции Трампа, укрепить образ “иностранный агента” в лагере демократов,

блокировать президента. С другой стороны, была у этой информационной войны и внешняя аудитория: укрепление негативного имиджа России в мире – это еще один инструмент устранения конкурентов на международной политической и экономической арене и расширения американского влияния.

Помимо этого, политика в отношении России может быть наиболее ярким отражением раскола американской власти и общества. В этом идейном противостоянии Россия оказалась одним из фильтров идентификации “свой–чужой”, что закрепило за ней особое место во внутриполитической борьбе. Фактически через российский фильтр можно рассмотреть все противостояние двух лагерей: президента, поддерживаемого его консервативными избирателями, и демократов, на стороне которых выступает либеральный электорат. Это противостояние стало основным содержанием периода пребывания в Белом доме несистемного политика. В нем с самого начала демонизация России обернулась тактикой вытеснения неудобного президента из политического пространства, “российское расследование” же стало основным инструментом, который выбрали демократы для устранения его от власти.

С того момента, когда Россия оказалась частью избирательной кампании 2016 г., к образу врага, характерного для восприятия РФ после 2014 г., добавился образ “главного обвиняемого”, а логика внутриполитического раскола стала полностью определять российско-американские отношения.

Следуя течению внутриполитического противостояния, с окончанием расследования Мюллера в антироссийской информационной войне наступило относительное затишье, прерванное лишь выходом США из РСМД, в котором традиционно обвинили Россию. Сами отношения вошли в период временного штиля: периодические взаимные обвинения уже не вызывают удивления или особого внимания общественности, контакты сведены к минимуму вплоть до конца года, когда произошли символические, но традиционно не принесшие результатов встречи Лаврова с Помпео и Трампом. Однако впереди российско-американские отношения ждут новые испытания – президентская кампания наверняка вновь активизирует российскую карту и соответствующую активность демократов-законодателей. К тому же судьба договоров СНВ-3 и Договора по открытому небу будет сохранять российскую повестку в центре внимания в ближайшее время, фактически поддерживая минимальное вынужденное взаимодействие двух стран.

Третий год администрации Трампа с очевидностью показал, что как внутренняя, так и внешняя политика США определяются ценностной поляризацией власти и общества, достигшей на сегодняшний день рекордных масштабов. Идейная поляризация основных участников осложняет процесс выработки решений, в том числе внешнеполитических, блокируя межпартийное и межинституциональное взаимодействие и радикализируя традиционную конфликтность законодательной и исполнительной ветвей власти.

Продолжающийся экономический рост в еще большей степени затрудняет выработку компромиссных решений, создавая иллюзию безграничных возможностей у политической элиты и завышенные ожидания электората. Одновременно растущее экономическое благосостояние снижает внешнеэкономическую толерантность США и готовность идти на компромиссы с другими участниками мировой торговли. Лозунг “Америка прежде всего” доминирует при выработке любых внешнеэкономических решений действующей администрации.

Руководствуясь этой формулой, действующая администрация придерживается протекционизма во внешнеэкономической и торговой политике и максимального неучастия в коллективных формах международного сотрудничества. Вряд ли такое поведение можно назвать возвратом к классическому изоляционизму. Скорее, США используют его как концептуальное прикрытие для осуществления экспансионистской политики в условиях формирования полицентричного миропорядка.

Доминирующей чертой формирующейся модели глобального лидерства США становится использование инструментов экономического давления для устранения конкурентов как экономических, так и геополитических и расширения рынков и сфер глобального влияния.

Вектор глубинных трансформационных явлений в социально-политической системе США все еще сложно предсказать, однако они уже выходят за рамки внутреннего институционального процесса и проявляются во внешнеполитическом поведении: ведущее государство существующей мировой системы фактически пересматривает глобальные правила игры, что неизбежно влияет на формирующийся полицентричный миропорядок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Statistics and Historical Comparison*. GovTrack. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/statistics> (accessed 25.12.2019).
2. President Donald J. Trump's Border Security Victory. *The White House*. 15.02.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-border-security-victory/> (accessed 14.01.2020).
3. Miroff N. Trump Planning to Divert Additional 7.2 Billion in Pentagon Funds for Border Wall. *The Washington Post*, 14.01.2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/immigration/trump-planning-to-divert-additional-72-billion-in-pentagon-funds-for-border-wall/2020/01/13/59080a3a-363d-11ea-bb7b-265f4554af6d_story.html?utm_campaign=news_alert_revere&utm_medium=email&utm_source=alert&wpisrc=al_news_alert-exclusive--alert-national&wpmk=1 (accessed 15.01.2020).
4. Журавлева В.Ю. Чрезвычайное положение по-американски. ИМЭМО РАН, 18.02.2019. [Zhuravleva V.Yu. Chrezvychainoe polozhenie po-amerikanski [State of Emergency in an American Way]. IMEMO RAN, 18.02.2019.] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4808 (accessed 15.01.2020).
5. Журавлева В.Ю. Перетягивание каната власти: взаимодействие президента и Конгресса США. Москва, ИМЭМО РАН, 2011. 163 с. [Zhuravleva V.Yu. Peretyagivanie kanata vlasti: vzaimodeistvie prezidenta i Kongressa SShA [Pulling over the Rope of Power: Interaction between the President and the Congress in the USA]. Moscow, IMEMO RAN, 2011. 163 p.]
6. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва, Издательство АСТ, 2008. 635 с. [English edition: Huntington S.P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York, Simon & Schuster, 2004. 448 p.]
7. Brennan M. American Pride Hits New Low; Few Proud of Political System. *Gallup*, 02.07.2019. Available at: <https://news.gallup.com/poll/259841/american-pride-hits-new-low-few-proud-political-system.aspx> (accessed 20.12.2019).
8. Presidential Approval Ratings – Donald Trump. *Gallup*, Dec., 2019. Available at: <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx> (accessed 20.12.2019).
9. Bycoffe A., Koeze E., Rakich N. Do Americans Support Removing Trump from Office? *FiveThirtyEight*, 19.12.2019. Available at: <https://projects.fivethirtyeight.com/impeachment-polls/> (accessed 20.12.2019).
10. Журавлева В.Ю. Война за стену. Шатдаун как битва двух миров внутри одной Америки. Валдай. Международный дискуссионный клуб, 16.01.2019. [Zhuravleva V.Yu. Voina za stenu. Shatdaun kak bitva dvukh mirov vnutri odnoi Ameriki [War for the Wall. Shutdown as a Battle between Two Worlds inside the One America]. Valdai Discussion Club, 16.01.2019.] Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/voina-za-stenu/> (accessed 20.12.2019).
11. *Economy Reaches Longest Expansion in U.S. History in Third Quarter of 2019, Beats Market Expectations*. Council of Economic Advisers. The White House, 30.10.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/articles/economy-reaches-longest-expansion-in-u-s-history-in-third-quarter-of-2019-beats-market-expectations/> (accessed 14.12.2019).
12. Burner T., Supinski L., Zhu S., Robinson S., Supinski C. *The Global Skills Shortage. Bridging the Talent Gap with Education, Training and Sourcing*. The Society for Human Resource Management, 2019. 6 p. Available at: <https://www.shrm.org/hr-today/trends-and-forecasting/research-and-surveys/Documents/SHRM%20Skills%20Gap%202019.pdf> (accessed 14.12.2019).
13. *Gross Domestic Product, Third Quarter 2019 (Second Estimate) Corporate Profits, Third Quarter 2019 (Preliminary Estimate)*. U.S. Bureau of Economic Analysis News Release, 27.11.2019. 17 p. Available at: https://www.bea.gov/system/files/2019-11/gdp3q19_2nd.pdf (accessed 11.03.2020).
14. *Industrial Production and Capacity Utilization - G.17*. Table 11. Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/g17/Current/table11.htm> (accessed 11.03.2020).
15. Semega J., Kollar M., Creamer J., Mohanty A. *Income and Poverty in the United States: 2018*. U.S. Census Bureau, Current Population Reports. Washington, DC, 2019. 77 p. Available at: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2019/demo/p60-266.pdf> (accessed 11.03.2020).
16. *Consumer Confidence Survey*. The Conference Board. Available at: <https://www.conference-board.org/data/consumerconfidence.cfm> (accessed 14.12.2019).
17. *Surveys of Consumers*. University of Michigan. Available at: <http://www.sca.isr.umich.edu/> (accessed 14.12.2019).
18. *Trade (% of GDP)*. World Bank National Accounts Data, and OECD National Accounts Data Files. The World Bank Group. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (accessed 14.12.2019).

19. *USDA Issues Second Tranche of Market Facilitation Program*. United States Department of Agriculture. 15.11.2019. Available at: <https://www.usda.gov/media/press-releases/2019/11/15/usda-issues-second-tranche-market-facilitation-program> (accessed 14.12.2019).
20. Lawder D., Mason J., Martina M. Exclusive: China Backtracked on Almost all Aspects of U.S. Trade Deal-sources. Reuters, 08.05.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-backtracking-exclusiv/exclusive-china-backtracked-on-nearly-all-aspects-of-u-s-trade-deal-sources-idUSKCN1SE0WJ> (accessed 12.12.2019).
21. CSMS 19-000236. *Change in Effective Date of Duty Increase of Section 301 (Tranche 3) Duties*. US Customs and Border Protection, 09.05.2019. Available at: https://csms.cbp.gov/viewmssg.asp?Recid=24227&page=&srch_argv=301&srchtype=&btype=&sortby=&sby= (accessed 12.12.2019).
22. Addition of Certain Entities to the Entity List. A Rule by the Industry and Security Bureau on 05/21/2019. *Federal Register*, 05.21.2019. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/05/21/2019-10616/addition-of-entities-to-the-entity-list> (accessed 15.12.2019).
23. Addition of Entities to the Entity List and Revision of an Entry on the Entity List. A Rule by the Industry and Security Bureau on 06/24/2019. *Federal Register*, 06.24.2019. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/06/24/2019-13245/addition-of-entities-to-the-entity-list-and-revision-of-an-entry-on-the-entity-list> (accessed 12.12.2019).
24. Addition of Certain Entities to the Entity List. A Rule by the Industry and Security Bureau on 10/09/2019. *Federal Register*, 10.09.2019. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/10/09/2019-22210/addition-of-certain-entities-to-the-entity-list> (accessed 12.12.2019).
25. Executive Order on Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain. The White House, 15.05.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-securing-information-communications-technology-services-supply-chain/> (accessed 20.12.2019).
26. Title XVII – Review of Foreign Investment and Export Controls. H. R. 5515–538. *The Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018 (FIRRMA)*. US Department of the Treasury. Available at: https://home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRRMA_0.pdf (accessed 15.12.2019).
27. Chorzempa M. New CFIUS Regulations: More Powerful, Transparent, and Complex. The Peterson Institute for International Economics, 10.10.2019. Available at: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/new-cfius-regulations-more-powerful-transparent-and-complex> (accessed 15.12.2019).
28. S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. Congress.gov, 20.12.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790?q=%7B%22search%22%3A%5B%22defense-authorization+act%22%5D%7D&s=2&r=3> (accessed 15.12.2019).
29. Mui Y. Trump Administration to Ban Agencies from Directly Purchasing Equipment or Services from Huawei. CNBC, 07.08.2019. Available at: https://www.cnbc.com/2019/08/07/trump-administration-to-unveil-rule-that-bans-equipment-or-services-purchases-from-huawei.html?_source=sharebar|twitter&par=sharebar (accessed 15.12.2019).
30. Donald J. Trump. Twitter, 24.08.2019. Available at: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/116511122510237696?lang=en> (accessed 20.12.2019).
31. President Donald J. Trump Has Secured a Historic Phase One Trade Agreement with China. The White House, 13.12.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-secured-historic-phase-one-trade-agreement-china/> (accessed 20.12.2019).
32. *United States and China Reach Phase One Trade Agreement*. The Office of the United States Trade Representative. 13.12.2019. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2019/december/united-states-and-china-reach> (accessed 20.12.2019).
33. Chris Murphy. Twitter, 13.12.2019. Available at: <https://twitter.com/ChrisMurphyCT/status/1205516647144005632> (accessed 20.12.2019).
34. *Economic and Trade Agreement between the Government of the United States and the Government of the People's Republic of China*. The Office of the United States Trade Representative, 15.01.2020. Available at: <https://ustr.gov/node/10080> (accessed 19.12.2019).
35. Bown C.P. *Phase One China Deal: Steep Tariffs Are the New Normal*. The Peterson Institute for International Economics, 19.12.2019. Available at: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/phase-one-china-deal-steep-tariffs-are-new-normal> (accessed 19.12.2019).
36. CNBC Transcript: Director for the White House Trade and Manufacturing Council Peter Navarro Speaks with CNBC's "Squawk Box" Today. CNBC, 31.12.2019. Available at: <https://www.cnbc.com/2019/12/31/cnbc-transcript-director-for-the-white-house-trade-and-manufacturing-council-peter-navarro-speaks-with-cnbc-s-squawk-box-today.html> (accessed 24.01.2020).
37. Rubio, Colleagues Introduce Bipartisan, Bicameral Bill to Ban Chinese & Foreign Firms that Flaunt U.S. Laws from U.S. Exchanges. Marco Rubio, US Senator for Florida, 05.06.2019. Available at: <https://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/2019/6/rubio-colleagues-introduce-bipartisan-bicameral-bill-to-ban-chinese-foreign-firms-that-flaunt-u-s-laws-from-u-s-exchanges> (accessed 24.01.2020).
38. Sinclair H. Schumer Backs Trump on China Tariffs: They Need Us More than We Need Them. *The Newsweek*, 17.06.2018. Available at: <https://www.newsweek.com/schumer-backs-trump-china-tariffs-they-need-us-more-we-need-them-980420> (accessed 24.01.2020).
39. Swanson A. Trump Officials Battle over Plan to Keep Technology Out of Chinese Hands. *The New York Times*, 23.10.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/10/23/business/trump-technology-china-trade.html> (24.01.2020).
40. Addition of Software Specially Designed to Automate the Analysis of Geospatial Imagery to the Export Control Classification Number 0Y521 Series. *Federal Register*, 06.01.2020. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/01/06/2019-27649/addition-of-software-specially-designed-to-automate-the-analysis-of-geospatial-imagery-to-the-export> (24.01.2020).

41. S.178 – Uyghur Human Rights Policy Act of 2019. *Congress.gov*, 17.01.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/178/cosponsors?q=%22search%22:%22uyghur%22&r=3&s=8&searchResultViewType=expanded> (24.01.2020).
42. S.1838 – Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019. *Congress.gov*, 27.11.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1838?q=%7B%22search%22%3A%5B%22hong+kong%22%5D%7D&s=1&r=1> (accessed 25.12.2019).
43. S.2539 – Tibetan Policy and Support Act of 2019. *Congress.gov*, 24.09.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/2539/text> (accessed 25.12.2019).
44. H.R.2740 – Labor, Health and Human Services, Education, Defense, State, Foreign Operations, and Energy and Water Development Appropriations Act, 2020. *Congress.gov*, 15.05.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2740> (accessed 25.12.2019).
45. S.Con.Res.13 – A Concurrent Resolution Reaffirming the United States Commitment to Taiwan and to the Implementation of the Taiwan Relations Act. *Congress.gov*, 04.04.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-concurrent-resolution/13> (accessed 25.12.2019).
46. H.Res.273 – Reaffirming the United States Commitment to Taiwan and to the Implementation of the Taiwan Relations Act. *Congress.gov*, 01.04.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/273> (accessed 25.12.2019).
47. Gettleman J., Raj S., Schultz K., Kumar H. India Revokes Kashmir's Special Status, Raising Fears of Unrest. *The New York Times*, 05.08.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/india-pakistan-kashmir-jammu.html?searchResultPosition=2> (accessed 17.12.2019).
48. Ankit P. South China Sea: US Navy Warship Conducts Freedom of Navigation Operation near Paracel Islands. *The Diplomat*, 15.09.2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/09/south-china-sea-us-navy-warship-conducts-freedom-of-navigation-operation-near-paracel-islands/> (accessed 20.12.2019).
49. *Several Characteristics of the Current Situation in the South China Sea. Speech at the "Ocean Security Situation Panel of the 2019 Beijing Xiangshan Forum"*. National Institute for South China Sea Studies, 21.10.2019. Available at: http://en.nanhai.org.cn/index/research/paper_c/id/292.html (accessed 20.12.2019).
50. Kelly T., Perry M. U.S., Japan, India and Philippines Challenge Beijing with Naval Drills in the South China Sea. *Reuters*, 09.05.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-usa-japan-india/us-japan-india-and-philippines-challenge-beijing-with-naval-drills-in-the-south-china-sea-idUSKCN1SF0LS> (accessed 20.12.2019).
51. Lawder D. Trump to Sign U.S.-Japan Trade Deal Proclamation Next Week: Trade Representative. *Reuters*, 04.12.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-japan/trump-to-sign-u-s-japan-trade-deal-proclamation-next-week-trade-representative-idUSKBN1Y82E7> (accessed 25.12.2019).
52. *Fact Sheet on U.S.-Japan Trade Agreement*. Office of the United States Trade Representative, Sept., 2019. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2019/september/fact-sheet-us-japan-trade-agreement> (accessed 25.12.2019).
53. *Japan – International Trade and Investment Country Facts*. Bureau of Economic Analysis, 19.12.2019. Available at: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.cfm?Area=614> (accessed 25.12.2019).
54. Fefer R.T., Jones V.C. Section 232 of the Trade Expansion Act of 1962. *Congressional Research Service*, 27.01.2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/IF10667.pdf> (accessed 30.01.2019).
55. Чудинова К.О. Состояние американо-японских отношений и их перспективы после заключения торгового соглашения 2019 г. *Россия и Америка в XXI веке*, 2020, № 4. [Chudinova K. O. Sostoyaniye amerikano-yaponskikh otnoshenii i ikh perspektivy posle zaklyucheniya torgovogo soglasheniya 2019 g. [The State of American-Japanese Relations and Their Perspectives after the Conclusion of the Trade Agreement of 2019]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 2020, no. 4.] DOI: 10.18254/S207054760008223-2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760008223-2-1/> (accessed 21.01.2020).
56. H.R.676 – NATO Support Act. *Congress.gov*, 23.01.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/676/text> (accessed 16.12.2019).
57. *European Deterrence Initiative: the Transatlantic Security Guarantee*. European Parliament Think Tank, 09.07.2018. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2018\)625117](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2018)625117) (accessed 16.12.2019).
58. *Northern Wind. Swedish Army Exercise 2019*. Swedish Armed Forces, 2019. Available at: <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/northern-wind/> (accessed 16.12.2019).
59. *The Arctic Challenge Exercise 2019 is Over*. NORDEFECO. Available at: <http://www.nordefco.org/The-Arctic-Challenge-Exercise-2019-is-over> (accessed 16.12.2019).
60. H.Res.296 – Affirming the United States Record on the Armenian Genocide. *Congress.gov*, 29.10.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/296/text> (accessed 16.12.2019).
61. S.Res.150 – A Resolution Expressing the Sense of the Senate that it is the Policy of the United States to Commemorate the Armenian Genocide through Official Recognition and Remembrance. *Congress.gov*, 12.12.2019. Available at: <https://congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/150/text> (accessed 16.12.2019).
62. Наумов А. Рабы Запада, курдские братья и месть американцам. *Коммерсант*, 16.12.2019. [Naumov A. Raby Zapada, kurdskie brat'ya i mest' amerikantsam [Slaves of the West, Kurdish Brothers and Revenge to the Americans]. *Kommersant*, 16.12.2019.] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4196597> (accessed 17.12.2019).
63. S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. *Congress.gov*, 11.06.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (accessed 17.12.2019).
64. Wingrove J. Trump Says U.S. Lifting Turkey Sanctions as Cease-Fire Holds. *Bloomberg*, 23.10.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-10-23/trump-says-u-s-lifting-turkey-sanctions-as-cease-fire-holds> (accessed 17.12.2019).

65. H.R.31 – Caesar Syria Civilian Protection Act of 2019. Congress.gov, 03.06.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/31> (accessed 16.12.2019).
66. Whitlock C. At War With the Truth. The Washington Post, 09.12.2019. Available at: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2019/investigations/afghanistan-papers/afghanistan-war-confidential-documents/> (accessed 17.12.2019).

TRUMP'S THIRD YEAR: IDEOLOGICAL POLARIZATION AND INTERNATIONAL CONFLICTS

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 23-50)

Received 27.01.2020.

Oksana V. BOGAEVSKAYA (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Aleksandra R. BORISOVA (a-borisova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-0295-1312,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Anastasia A. BUNINA (Abunina@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7765-6014,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Pavel A. GUDEV (gudev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2951-6313,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Aleksey A. DAVYDOV (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Ekaterina A. DESIATSKY (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Sergey S. DMITRIEV (sdmitriev.at.imemo@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Victoria Ju. ZHURAVLEVA (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Sergey V. KISLITSYN (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Elina V. KIRICHENKO (elinakir@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8025-5852,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Vasilisa K. KULAKOVA (kulakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-0677-4440,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Igor O. MISHIN (mishin.igor2@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6547-1319,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Ksenia O. CHUDINOVA (xenia.chudinova@gmail.com), ORCID: 0000-0002-5557-8956,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is aimed at analyzing the main trends in domestic, economic and foreign policy of the USA in 2019. All the political life of the year was organized around the long-lasting confrontation of the democratically controlled House and Trump. In the core of this opposition are values and institutional

balance of power. Historical ideological polarization brings a new wave of institutional rebalancing: both the President and the Congress fight to extend their constitutional powers. At the same time the Democratic House aims to force out Trump from political process by any means. All through the year, the House was concentrated on investigating Presidential activity, which culminated in a vote to impeach Trump. But the legislative results of the Congress turned out to be the poorest for the decade.

Besides the institutional powers, at the center of the confrontation between the President and the Democrats are values. Both sides represent two different Americas with opposing views on the present and the future of the country. This ideological confrontation showed up perfectly during the longest shutdown at the beginning of the year and then during the impeachment process.

The domestic polarization went in parallel with conflicts on the global stage. America's search for a new format of global leadership brought a whole year of trade confrontation with China, which finally resulted in a highly controversial agreement, the new trade agreement with Japan, the new wave of tensions with European allies about collective defense costs and technological leadership, comeback of the conflict with Iran, the rising competition on the energy markets and the enduring confrontation with Russia. 2019 year made it clear that while it is still difficult to predict the vector of the fundamental transformations, which the USA is now going through, these changes have already influenced American leadership style.

Keywords: *ideological polarization, parties' confrontation, federal government efficiency, impeachment process, Muller investigation, balance of power, lasting economic growth, trade war with China, American leadership, global competition.*

About authors:

Oksana V. BOGAEVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Economic Research Group, Center of North American Studies,

Aleksandra R. BORISOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Anastasia A. BUNINA, Junior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Pavel A. GUDEV, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, United States and Canadian Ocean Policy Research Group, Center of North American Studies,

Aleksey A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Regional Relations Research Group, Laboratory "Center of the Middle East Studies",

Ekaterina A. DESIATSKY, Junior Researcher, Center of North American Studies,

Sergey S. DMITRIEV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Economic Research Group, Center of North American Studies,

Victoria Ju. ZHURAVLEVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of Center of North American Studies,

Sergey V. KISLITSYN, Cand. Sci. (Polit.), Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Elina V. KIRICHENKO, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Group of Economic Research, Center of North American Studies,

Vasilisa K. KULAKOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Igor O. MISHIN, Junior Researcher, United States and Canadian Ocean Policy Research Group, Center of North American Studies,

Ksenia O. CHUDINOVA, Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-23-50

ФАКТОРЫ РОСТА И ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

© ВАРНАВСКИЙ В.Г., 2020

ВАРНАВСКИЙ Владимир Гаврилович, доктор экономических наук, профессор, заведующий Сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (varnavsky@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1772-1800.

Варнаровский В.Г. Факторы роста и тренды мировой торговли.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 51-62. DOI: 10.20542/afj-2020-1-51-62

DOI: 10.20542/afj-2020-1-51-62

УДК: 339.5

Статья поступила в редакцию 29.02.2020.

В статье анализируются долгосрочные факторы роста и тренды мировой торговли. Дана характеристика ее динамики за последние 30 лет, выделены этапы развития, предложена группировка влияющих на нее факторов. Особое внимание уделено спаду мировой торговли в 2015–2016 гг. и торговому противостоянию США–Китай. Сделан вывод, что мировая торговля постепенно выходит на темпы роста, примерно соответствующие динамике мирового ВВП.

Ключевые слова: мировая торговля, факторы роста, мировая экономика, глобализация, компьютерная революция, мировой ВВП, информационно-коммуникационные технологии, США, Китай.

Последние десятилетия мировая торговля находилась под воздействием большого числа факторов различной экономической природы, способствовавших ее динамичному развитию. В свою очередь, международные торговые связи и отношения формировали, расширяли и усиливали действие этих факторов. В сфере мировой торговли воплощаются результаты множества транзакций общественного воспроизводства. Она захватывает и распространяется на все его объекты (производственные, научно-технические, валютно-финансовые и др.) и субъекты (бизнес, государство, международные организации, негосударственные организации, население и пр.).

ФАКТОРЫ

Сложившееся в научной литературе деление факторов экономического роста на прямые и косвенные, экстенсивные и интенсивные, общие и частные (локальные), внутренние и внешние, а также факторы спроса и предложения не вполне подходит для целей данной статьи. В связи с этим предлагается структурировать факторы динамики мировой торговли несколько иначе, сгруппировав их следующим образом.

Институциональные факторы: политическая, экономическая, финансовая глобализация и либерализация. Наблюдавшийся до недавнего времени бурный рост международной торговли был обусловлен в мире процессами политической, экономической, финансовой глобализации и либерализации. Интенсификация глобальной и региональной пространственно-временной конвергенции нашла свое проявление в создании новых политических институтов международных организаций, в повышении темпов трансграничного

движения труда, капитала, информации, в дальнейшем усилении роли транснациональных компаний (ТНК) как главных операторов мировой торговли, в освоении ими самых отдаленных и закрытых ранее территорий.

Технико-технологические факторы. Ускорителями международной торговли стали технико-технологические факторы: компьютеризация и в более широком плане – информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), автоматизация, роботизация, контейнеризация транспортных перевозок, возникшие на этой основе новые инжиниринговые и консалтинговые технологии, услуги и сервисы. Широкое применение таких технологий привело к заметному подъему производительности труда и капитала, эффективности производства, снижению трудозатрат и себестоимости продукции. Так, новации в транспортных технологиях привели к существенным структурным сдвигам в международных перевозках и, соответственно, всей мировой торговли. Если в 1970 г. на танкерный флот приходилась львиная доля морских перевозок (55% суммарного тоннажа), то к 2017 г. она упала почти вдвое – до 29.4%. С 1980 г. использование танкеров росло в среднем всего на 1.4% в год, а сухогрузов – на 4.6%, причем самым быстрорастущим сегментом стала контейнерная транспортировка (среднегодовой темп прироста – 8.1%) [1, р. 4].

Пространственные факторы. На географической карте мира появились новые крупные страновые (Китай, Индия, государства постсоветского и постсоциалистического пространства и др.) и региональные (Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, АТР, Центральная и Восточная Европа, СНГ и т.д.) рынки.

Организационно-управленческие факторы. К ним относятся системы управления технологическими и производственными процессами, маркетинг, логистика, системы управления полным воспроизводственным циклом от разработок новых продуктов до доставки товаров конечному потребителю и т.д.

Бизнес-модели. Углубленная международная производственная кооперация, фрагментация производства, глобальные цепочки создания стоимости, государственно-частное партнерство, кастомизация, интернет-торговля.

В отстаивании и продвижении интересов национальных компаний на мировых отраслевых и товарных рынках принимали активное участие национальные правительства, деятельность которых можно считать еще одним фактором, определившим современное развитие мировой торговли. Во многих странах на государственном уровне были разработаны и внедрены в повседневную практику меры прямой и косвенной поддержки и стимулирования экспорта, за счет чего было обеспечено повышение международной конкурентоспособности национальных производителей, прежде всего ТНК, и товаров.

Правительства содействовали внешнеэкономической активности путем проведения целенаправленной долгосрочной политики, а также финансируя строительство и модернизацию обслуживающих внешнеторговые потоки инфраструктурных объектов, находящихся в государственной собственности или в их непосредственной ответственности (автомобильные и железные дороги, аэропорты, морские и речные порты) на условиях бюджетного финансирования и государственно-частного партнерства.

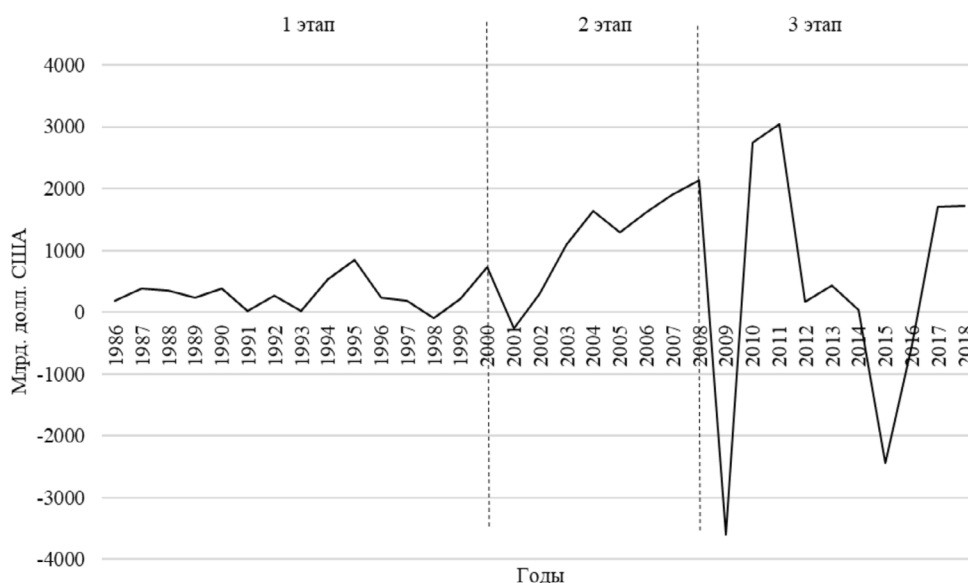
Статейный формат не позволяет подробно и углубленно рассмотреть все указанные факторы. Поэтому далее будет проведен анализ только наиболее важных из них.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ

Масштабы, объем и эффективность мировой торговли начали повышаться после преодоления последствий череды экономических кризисов 1970-х – начала 1980-х годов, вызванных скачками мировых цен на нефть. К середине 1980-х годов трансграничный торговый оборот вышел на траекторию динамичного поступательного развития, что выразилось в высоких темпах его роста (рис. 1).

Оживленная динамика мировой торговли сохранялась вплоть до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., получившего название Великая рецессия. Впервые за весь период после Второй мировой войны произошло сокращение мирового валового внутреннего продукта (ВВП).

Рисунок 1. Динамика ежегодного прироста объема мирового экспорта (млрд долл., текущие цены, расчет по валютному курсу)

Примечание: этапы разделены пунктирными линиями

Источник: [2].

На рис. 1 хорошо видно, что в анализируемом периоде развития мировой торговли отчетливо просматриваются три этапа. Первый продолжался примерно 15 лет до кризиса “доткомов” 2000 г., вызванного массовым крахом появившихся в конце 1990-х годов интернет-компаний. Он характеризовался стабильно высоким приростом мировой торговли в среднем ежегодно примерно на 500 млрд долл. Хотя в отдельные годы она стагнировала (1991 и 1993 гг.) или незначительно сокращалась (в 1998 г. на 89 млрд долл.), что было обусловлено главным образом Азиатским финансовым кризисом 1997–1998 гг., в целом ее динамика была высокой. Коэффициент эластичности мировой торговли по ВВП составлял тогда 2.1–2.3 (рассчитано автором по: [3; 4]). Под эластичностью здесь понимается отношение темпов ежегодного прироста мирового импорта и мирового ВВП, число раз.

Главными факторами интенсификации мировой торговли тогда выступили: а) глобализация, б) компьютерная революция, в) открытие миру Китая, начавшееся с конца 1970-х годов, и постепенное превращение этой страны в главного мирового производителя и экспортера промышленной продукции, г) появление новых крупных рынков в странах Центральной и Восточной Европы (конец 1980-х годов) и на территории бывших республик СССР, ставших самостоятельными государствами и взявших курс на создание открытой рыночной экономики (начало 1990-х годов).

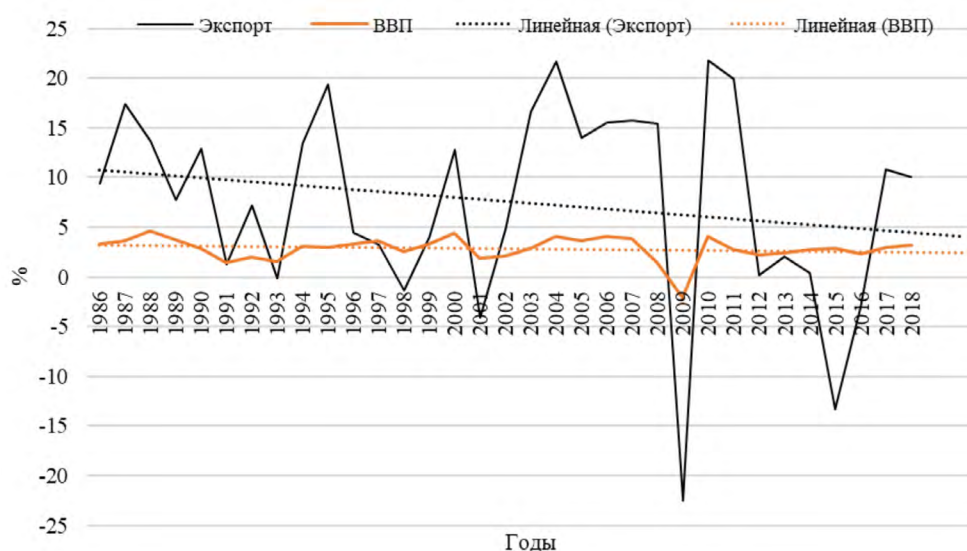
Второй этап (2001–2008 гг.) отличался еще более высокими темпами роста международной торговли, что было связано как с увеличением мировых цен на энергоресурсы, так и расширением Европейского союза (ЕС), вызвавшим существенное оживление торговли между государствами-членами. Так, вклад внутрирегиональной торговли в рамках ЕС в общий прирост мировой торговли составлял по годам (%): 2003 г. – 34.4; 2004 г. – 25.4; 2005 г. – 14.1; 2006 г. – 23.6; 2007 г. – 27.1 (рассчитано автором по: [2]).

На этом же этапе усилилось действие фактора “компьютерная революция”. Наблюдалась наиболее интенсивная (в сравнении с предыдущими и последующими годами) международная торговля продукцией отраслей ИКТ, офисным и телекоммуникационным оборудованием в составе таких товарных групп, как электронная обработка данных и офисное оборудование,

телекоммуникационное оборудование, интегральные схемы и электронные компоненты. По данным ВТО, доля этих групп в мировой торговле продукцией отраслей обрабатывающей промышленности достигла максимума в размере 20.6% в 2000 г. Далее она находилась в диапазоне 17–19% с тенденцией к постепенному понижению и к настоящему времени наблюдается ее стабилизация на уровне 16%.

Особенностями третьего этапа (с 2009 г. по настоящее время) являются постепенный переход мировой торговли на более низкую траекторию роста; сближение темпов мирового ВВП и международной торговли и, соответственно, падение коэффициента эластичности мировой торговли по ВВП до 1.2–1.3; повышенная волатильность внешнеторговой деятельности (рис. 2).

Рисунок 2. Динамика мирового ВВП и международной товарной торговли (по стоимости экспорта), годовой прирост, %

Источник: [5, p. 143].

По-видимому, период глобализации, который начался одновременно с компьютерной революцией и подпитывался ею вплоть до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., можно считать завершившимся. Предпосылки для следующего этапа могут появиться вместе с новым фундаментальным технологическим прорывом, который окажется сопоставимым с ИКТ по степени воздействия на мировое социально-экономическое развитие и сгенерирует мощные трансграничные потоки товаров, услуг, инвестиций, технологий, людей. Некоторые зарубежные ученые полагают, что пока что установились “нормальные” условия для мирового производства и мировой торговли. В аналитическом обороте даже появился термин “великая нормализация” (*great normalisation*) [6].

СПАД МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ В 2015–2016 ГГ.

В ходе финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. международная торговля товарами сжалась более сильно, чем мировой ВВП. Ее уменьшение в стоимостном выражении в 2009 г. по отношению к 2008 г. составило 22.3% по стоимости и 12.1% по физическому объему. При этом мировой ВВП снизился только на 1.7% [7].

В 2010 г. международная торговля почти вернулась на докризисный уровень, а в 2011 г. превзошла его на 14%. Однако в последующие три года она демонстрировала весьма вялое развитие. В 2012, 2013 и 2014 гг. темпы ее прироста составили всего 0.9%, 2.4% и 0.2% соответственно (рассчитано по данным [2]). А в 2015 и 2016 гг. снова произошел резкий обвал, причем не только по товарам, но и по услугам, хотя и в меньшей степени (табл. 1).

Таблица 1. Мировой экспорт товаров в 2014–2018 гг., трлн долл., текущие цены

Годы	2014	2015	2016	2017	2018
Мировой экспорт товаров, всего	19.0	16.5	16.0	17.7	19.5
в том числе продукцией:					
обрабатывающей промышленности	12.3	11.3	11.1	12.1	13.2
офисного и телекоммуникационного оборудования	1.8	1.73	1.68	1.90	2.06

Источник: рассчитано по [2].

Как видно из табл. 1, снижение мировой торговли товарами составило в 2015 г. 13% по отношению к 2014 г., а в 2016 г. – еще 3% по сравнению с 2015 г. (исходные показатели – в долларах США, в текущих ценах). Таким образом, в целом в 2016 г. по отношению к 2014 г. сокращение мировой торговли товарами составило 21%.

Было бы неправомерно связывать (по аналогии с 2008–2009 гг.) столь резкое падение с кризисом в сфере производства, поскольку в 2015–2016 гг. мирового экономического кризиса не наблюдалось. Эти два года мировая экономика показывала хотя и невысокую, но все же положительную динамику: 2.8% и 2.5% прироста ВВП соответственно [7].

Динамике мировой торговли после Великой рецессии и выявлению причин ее спада в 2015–2016 гг. посвящено большое число монографических, аналитических и прогнозных работ последних лет [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Их авторы связывают разнонаправленность тенденций динамики торговли и мировой экономики в 2015–2016 гг. с действием множества факторов.

Например, Всемирный банк в докладе *Global Economic Prospects, January 2016* объяснял падение мировой торговли на фоне незначительного повышения глобального ВВП в 2015–2016 гг. снижением импорта со стороны развивающихся стран. “Мировая торговля товарами сократилась в первой половине 2015 г. впервые с 2009 г. Во многом это было вызвано сокращением импорта стран с формирующимся рынком и развивающимися экономиками, в том числе в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе, Европе и Центральной Азии, а также в Латинской Америке и Карибском бассейне. Растущий импортный спрос со стороны США и стран еврозоны не компенсировали падение импортного спроса развивающихся стран, на долю которых сейчас приходится половина мировой торговли” [15, р. 15].

В Экономическом докладе президента США 2017 г. так характеризуются основные тенденции динамики мировой торговли после Великой рецессии: “Слабый мировой спрос и сдержанное повышение инвестиций привели к замедлению темпов роста мировой торговли. МВФ отмечает, что темпы роста объема мировой торговли товарами и услугами упали немногим менее чем вдвое по сравнению со средними темпами роста за последние три десятилетия. И МВФ, и ОЭСР констатируют, что темпы повышения реальной мировой торговли с 2011 г. едва поспевают за ростом реального мирового ВВП, тогда как за два десятилетия до кризиса мировая торговля увеличивалась в среднем вдвое быстрее, чем реальный мировой ВВП.

Различные аналитики связывают замедление темпов мировой торговли со слабым глобальным ростом, особенно в сфере инвестиций, уменьшением темпов роста экспорта капитала и промежуточных товаров в рамках глобальных цепочек создания стоимости, пониженной динамикой Китая, структурными сдвигами в направлении увеличения доли услуг во многих странах и усилением протекционистских настроений. Сокращение темпов роста торговли может быть связано не только с замедлением экономического роста в будущем, но и способствовать ему” [16, р. 133]. Практически все эксперты-экономисты едины в том, что падение мировой торговли в середине текущего десятилетия было обусловлено сокращением мировых цен на сырьевые товары – энергетические ресурсы и продукцию горнодобывающей промышленности. Однако, учитывая, что по стоимости доля энергоресурсов в мировой торговле товарами составляет лишь примерно 10–12%, а продукции горнодобывающей промышленности – менее 4% (табл. 2), этот фактор нельзя считать доминирующим и в должной мере объясняющим резкий спад мировой торговли.

Таблица 2. Отраслевая структура мировой торговли товарами, %

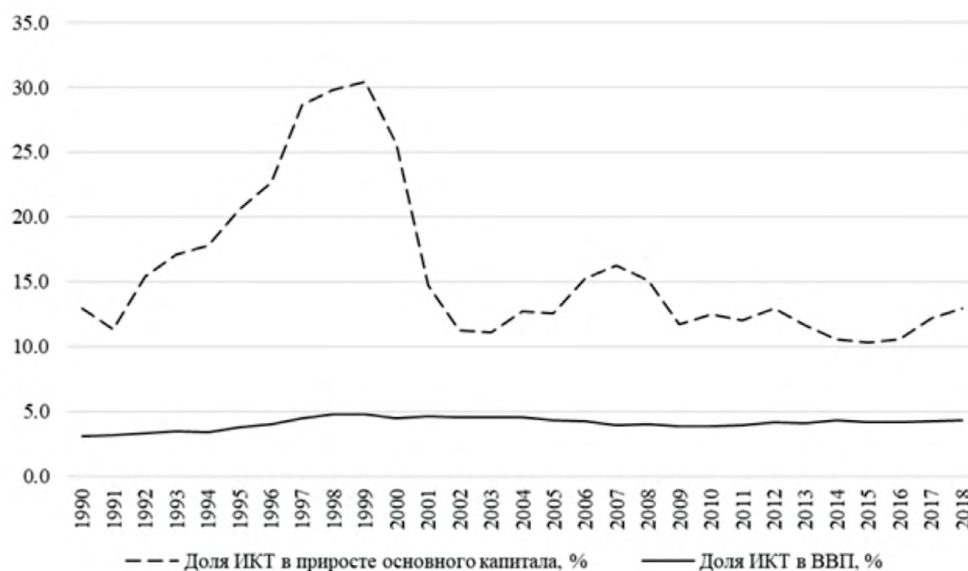
Отрасль	Годы								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Энергоресурсы	15.7	17.8	18.4	17.5	16.1	10.9	9.2	11.1	12.4
Горнодобывающая промышленность	4.4	4.7	4.1	3.9	3.8	3.4	3.3	3.7	3.7
Обрабатывающая промышленность	65.3	62.8	62.1	62.6	64.7	68.5	69.5	68.3	67.6

Источник: рассчитано по [2].

В структурном плане главным фактором динамики мировой торговли выступают натурально-вещественные и стоимостные показатели обрабатывающей промышленности. В торговле продукцией этой отрасли спад был несколько меньше, чем в целом по товарам – 8.1% в 2015 и 1.8% в 2016 г. В сегменте наукоемкой продукции ИКТ (офисного и телекоммуникационного оборудования в составе электроники, компьютеров и других товаров для электронной обработки данных, интегральных микросхем и электронных компонентов) сокращение объема мировой торговли в 2015 и 2016 гг. было еще слабее, составив в совокупности 7% по отношению к 2014 г. В первом посткризисном 2017 г. экспорт офисного и телекоммуникационного оборудования вырос на 5.6% по отношению к 2014 г., а в 2018 г. превысил докризисный 2014 г. на 14% и достиг стоимостного объема 2.1 трлн долл.

Последние 10–15 лет стимулирующее влияние компьютерной революции на мировую торговлю постепенно ослабевает, а доля связанного с ней комплекса отраслей в ней стабилизируется. Данные по США наглядно показывают, что бурный рост комплекса ИКТ за счет ажиотажного спекулятивного спроса на его продукцию завершился в начале 2000-х годов (рис. 3).

Рисунок 3. Доля ИКТ в ВВП США и в формировании основного капитала

Источник: рассчитано по [17].

В дальнейшем, особенно после кризиса 2008–2009 гг., комплекс ИКТ вышел на стационарную траекторию развития как по объемам производства и инвестициям, так и по доле в мировой торговле. Последние 10 лет он составляет в структуре ВВП стабильно чуть менее 5%, а его удельный вес в общих капитальных вложениях в экономику США, например, достиг плато на уровне 10–13%, колеблясь лишь в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Как и после кризиса 2008–2009 гг., восстановление в середине текущего десятилетия мировой торговли в целом и товарами в частности, в том числе продукцией обрабатывающей

промышленности, происходило быстро. Это обстоятельство также свидетельствует скорее о конъюнктурной природе последнего спада международной торговли, нежели о его системных или структурных источниках. В 2017 г. по объемным показателям трансграничный оборот приблизился к докризисному уровню 2014 г., а в 2018 г. превзошел его.

Относительно низкий рост мировой экономики и, главное, ее промышленного сектора, в том числе отраслей с высокой долей товаров, предназначенных на экспорт, продолжает оказывать негативное влияние на международную торговлю и в настоящее время. “Значительную часть 2019 г. мировая торговля товарами сокращалась, причем особенно ярко это проявилось в развитых странах и крупных странах с формирующимся рынком, а также в развивающихся экономиках (*Emerging Market and Developing Economies, EMDEs*), таких как Китай и остальная Восточная Азия. Резкое сокращение производства основных и промежуточных товаров в странах G20, наблюдавшееся в прошлом году, согласуется с продолжающимся ослаблением динамики торговли и инвестиций. Зарубежные заказы на производство падают с конца 2018 г., а экспортные заказы на услуги, хотя и более устойчивы, также замедлились. До сих пор главная часть мировой торговли услугами была сосредоточена в сфере глобальных финансовых операций, строительства и туристических услуг, на долю которых в совокупности приходится более трети мировой торговли услугами”, – констатировали эксперты Всемирного банка в докладе *Global Economic Prospects, January 2020* [13, p. 10].

В исследовании ООН *World Economic Situation and Prospects 2019* отмечается: “В Западной Азии определяющий вклад в рост вносит положительное сальдо внешней торговли, возникшее в странах Персидского залива в результате повышения нефтяных доходов от экспорта дорожающей нефти, а в Турции – за счет резкого сокращения импорта. В Восточной Азии экономический рост в течение 2018 г. обеспечивался устойчивыми условиями внутреннего спроса и положительным сальдо внешней торговли. В ряде стран Восточной и Южной Азии рост инвестиций был также обусловлен реализацией крупных инфраструктурных проектов. В то же время личное потребление продолжает оставаться ключевым фактором общего роста ВВП для большинства регионов, а инвестиционная активность во многих развитых и развивающихся странах за последние два года усилилась” [12, p. 9].

ПРОТЕКЦИОНИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Замедление темпов роста мировой торговли в определенной, но пока относительно небольшой степени связано с различного рода ограничениями на экспортно-импортные операции, которые вводятся правительствами в отношении других стран и торговых партнеров [18, p. 13].

Так, по оценкам экспертов Всемирного банка, “протекционистские меры, осуществляемые странами G20 с 2018 г., затронули торговые потоки на сумму свыше 1 трлн долл., или почти 7% мировой торговли товарами. Число регулятивных ограничений, влияющих на потоки прямых иностранных инвестиций, также растет, увеличившись более чем на треть в 2018 г.” [13, p. 10].

Такого рода цифры и оценки все чаще встречаются в зарубежной экономической литературе в последние годы. Однако они, с нашей точки зрения, весьма приблизительно отражают реальное положение дел. Нарушение воспроизводственных процессов вследствие повышения уровня протекционизма если и происходит, то на краткий период времени, а потом быстро все восстанавливается. Кроме того, ущерб наносится не только стране, против которой направлены дискриминационные меры, но и собственной экономике.

Во-первых, при современном уровне открытости экономик для иностранных товаров и капитала, обмена информацией, идеями, лицензиями, технологиями и пр. в мире практически полностью исчезла монополия на выпуск товаров широкого потребления, а производство перестало быть лимитирующим фактором. В мировой экономике доминирует покупатель и идет серьезная конкурентная борьба за рынки сбыта и покупателя. Если какие-то ограничительные меры со стороны той или иной страны затронули существенные массивы импортируемых товаров из другой страны, то это вовсе не означает пропорционального снижения объема мировой торговли, так как замену поставщикам найти очень просто.

Одна из важнейших характерных особенностей современной мировой экономики состоит в том, что любая продукция может быть произведена десятками стран мира и доставлена в любую точку планеты в любых количествах. При этом производственные издержки уже не играют столь существенной роли, как раньше, поскольку речь идет о завоевании рынка. На современном этапе это становится одной из наиболее важных целей внешне- и внутриэкономической политики государства.

Правительства, если они заинтересованы в укреплении позиций своих компаний на внешних рынках, в состоянии влиять на затраты национального производителя до такой степени, что издержки, связанные с выпуском товаров, могут быть сделаны примерно одинаковыми или соизмеримыми с мировыми ценами. Для этого разработан обширный инструментарий государственного регулирования от субсидирования производства (приводит к снижению расходов производителя) до ослабления налогового бремени (направлено на снижение себестоимости продукции и цены).

Во-вторых, на практике при совершении сделки участники внешнеэкономической деятельности исходят из своих собственных интересов и экономических детерминант. Главными для них выступают сугубо экономические соображения, в первую очередь обеспечение прибыльности как цели, результата сделки и торговой операции. Каждый продавец готов пойти на компромисс, ущемить в чем-то свои амбиции, снизить цену или свою долю прибыли, чтобы заключить контракт на поставку.

Объективно многое в подобного рода решениях определяется издержками производства и себестоимостью продукции, не только нормой, но и массой прибыли, которая достается производителю. И в этих показателях, как показывает практика, например, китайские производители имеют очень высокий запас прочности в торговой войне с США ввиду более низкой цены труда в своей стране. Без особого ущерба для рентабельности они могут пойти на снижение цены промышленной продукции, поставляемой на внешний вообще и на американский рынок в частности. Они могут также согласиться с реструктуризацией цен в пользу таможенных пошлин принимающей стороны (как, например, в случае с США). Благодаря низкой стоимости рабочей силы получаемая ими прибыль оказывается достаточно значительной по абсолютному размеру чтобы выдержать давление этого ценового фактора и все равно оставаться "на плаву".

В-третьих, если бы политика протекционизма, проводимая рядом стран с 2018 г., существенно сказалась на торговых потоках, то это обязательно должно было негативно отразиться на темпах роста мировой торговли. Но этого не наблюдается. По данным ВТО, в 2018 г. по отношению к 2017 г., то есть в условиях уже широко используемой рядом ведущих стран практики торговых ограничений, мировой экспорт товаров не сократился, а даже вырос на 2.8% (по материально-вещественной форме) и на 10% (по стоимости в текущих ценах) [5, pp. 8, 96].

В начале 2020 г. эксперты ВТО оценивали прирост мировой торговли в 2019 г. в размере 1.2% [19]. Это ниже предыдущего года и ее более ранних оценок на 2019 г. Однако корректировка в сторону понижения связана главным образом с динамикой мирового ВВП, а не с ограничительными мерами в торговле. В 2019 г. прирост мирового ВВП ожидается в размере 2.4%, что ниже 3%, зафиксированных в 2018 г. [13, p. 4]. Это соответствует сделанному нами выше выводу о синхронизации динамики мировой экономики и международной торговли.

Наглядной иллюстрацией сказанного является развернувшееся в последние два года торговое противостояние между главными промышленными державами мира – США и Китаем. Усиление напряженности в их экономических взаимоотношениях шло по нарастающей до января 2020 г., когда между сторонами был достигнут определенный компромисс. Но вряд ли правомерно, по крайней мере пока, связывать замедление темпов роста мировой торговли с этим противостоянием.

Также трудно согласиться с позицией экономистов, которые считают, что "Китай оказался главным проигравшим из-за обострившейся торговой напряженности", в качестве аргументов приводя ежемесячные показатели импорта США китайских товаров. Например:

“Импорт Соединенными Штатами китайских товаров сократился с 52.2 млрд долл. в октябре 2018 г. до 31.2 млрд долл. в марте 2019 года (по сравнению с 38.3 млрд долл. годом ранее” [18, р. 14]. Фрагментарные данные по отдельно взятым нескольким месяцам не могут служить доказательством складывающейся тенденции. Для выявления тренда необходимо использовать длинные ряды последовательно взятых точек (годы, месяцы или кварталы).

На протяжении 2019 г. неопределенность в торговых отношениях между США и КНР увеличивалась. Их правительствами были введены дополнительные тарифы на широкую номенклатуру товаров. Но это не привело к заметным материальным потерям ни в двусторонней, ни в мировой торговле. Если сравнить стоимостные объемы импорта Соединенными Штатами китайской промышленной продукции по широкому спектру отраслей, то получается, что в 2016 и в 2019 гг., то есть до начала и в разгар торговой войны между странами, объем импортированной США из Китая продукции практически не изменился или даже немного вырос.

Подтверждением этого факта служат официальные американские данные. В частности, имеется квартальная статистика Бюро экономического анализа (*Bureau of Economic Analysis, BEA*) по экспортно-импортным операциям между США и Китаем (табл. 3).

Таблица 3. Импорт США товарной продукции из Китая, по кварталам соответствующих лет, млрд долл., текущие цены

Показатель	2016 г.			2019 г.		
	1 кв.	2 кв.	3 кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.
Импорт товаров, всего,	103	109	125	106	113	123
в том числе:						
промышленных товаров и материалов	10	11	11	11	11	11
капитальных товаров, кроме продукции автомобильной промышленности	38	42	44	37	42	40
потребительских товаров, кроме продовольствия и автомобилей	48	49	62	51	53	65

Примечание: в таблице использованы сопоставимые данные. На момент завершения статьи данные за IV кв. 2019 г. еще не были доступны.

Источник: [20].

Реальная, основанная на статистических данных картина такова, что введенные США таможенные пошлины на промышленные товары из Китая не оказали практически ощутимого влияния на стоимостные объемы импорта. А некоторые колебания (месячные, квартальные и даже годовые), например, уменьшение импорта США из Китая в 2016 г. по сравнению с 2015 г. на 4%, можно объяснить изменением конъюнктуры на мировых рынках, динамикой цен, в том числе на энергоносители и общим спадом международной торговли.

15 января 2020 г. между США и КНР было подписано соглашение о первой фазе двусторонней торговой сделки. Оно предусматривает частичное снижение Вашингтоном дополнительных тарифов на китайские товары в обмен на обязательства Пекина как материального (осуществить дополнительные закупки американских товаров и услуг), так и институционального характера (обеспечивать защиту интеллектуальной собственности, провести либерализацию финансовых услуг и т.д.). Продолжение переговоров по оставшимся нерешенными вопросам свидетельствует о наметившемся смягчении напряженности в торгово-политическом противостоянии двух стран.

Влияние их взаимоотношений на всю глобальную торговлю невозможно отрицать. Они были и останутся на многие годы важнейшим фактором, определяющим внешнеэкономический ландшафт мирового развития. При этом имеются серьезные основания полагать, что экономические субъекты – участники внешнеторговых сделок с китайской и американской сторон в каждой конкретной транзакции сделают все возможное и зависящее от них, чтобы расширять возникающие трудности на микроуровне. В результате так называемая торговая

война США–Китай не приведет, с нашей точки зрения, к какой-то значительной фрустрации мировой торговли. Вряд ли стоит ожидать радикального падения объемов торговли товарами или коренной ломки всей системы сложившихся к настоящему времени внешнеторговых связей.

* * *

1. В течение 30 лет вплоть до мирового финансового-экономического кризиса 2008–2009 гг. глобализационные процессы и международная торговля бурно развивались, что выражалось в росте числа, активности и разнообразия участвующих в них международных институтов. После кризиса интенсивность глобализации упала, а по отдельным направлениям наметились попятные тенденции. Они нашли свое отражение в первую очередь в замедлении динамики международной торговли как стержневого, системообразующего компонента экономической глобализации.

2. Ход глобального экономического развития в последнее десятилетие свидетельствует о том, что вклад международной торговли в динамику мирового ВВП достиг, по-видимому, своего предела в рамках созданных к настоящему времени производительных сил и технико-технологических систем (компьютеризация, автоматизация, роботизация, транспортная инфраструктура, логистика, энергетика и пр.). Есть основания предполагать, что показатель эластичности мировой торговли по ВВП вышел на оптимальный уровень в категориях пропорций общественного воспроизводства.

3. Определяющим фактором динамики международной торговли был и остается рост мирового ВВП. Однако в обозримом будущем его приумножение необязательно будет сопряжено с дальнейшей интенсификацией внешнеторговых транзакций. Могут наблюдаться и противоположные тенденции, что уже происходило, в частности, в 2015–2016 гг. Учитывая продолжающийся рост глобальной экономики, важно сконцентрировать внимание на выявлении причин повышения волатильности мировой торговли в текущем десятилетии по сравнению с началом 2000-х гг., не ограничиваясь анализом ее структурных, отраслевых или региональных показателей. С нашей точки зрения, фундаментальными причинами происходящих изменений следует считать исчерпание потенциала глобализационных процессов в их нынешней форме, завершение восходящей волны компьютеризации и информатизации экономики и, наконец, замедление темпов роста Китая, до недавних пор выступавшего в роли главного локомотива всего мирохозяйственного развития.

4. Как представляется, наблюдающееся в самое последнее время замедление динамики мировой торговли сигнализирует о начале кардинальной перестройки всей системы международных экономических отношений и формировании в ней новых долговременных тенденций. В этом контексте не следует преувеличивать масштабы и последствия реакции мировой торговли на осложнение торгово-политических отношений между США и КНР. В то же время при анализе перспектив дальнейшего глобального развития следует в максимальной мере учитывать повышение степени его неопределенности и рассматривать широкий спектр возможных сценариев будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *The Review of Maritime Transport 2018*. New York, Geneva, UNCTAD, 2018. 102 p. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2018_en.pdf (accessed 29.02.2020).
2. *Statistics on Merchandise Trade. Annual Trade Data*. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm (accessed 29.02.2020).
3. *Trade: Merchandise exports (current US\$)*. The World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/topic/trade> (accessed 29.02.2020).
4. *GDP (current US\$)*. The World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 29.02.2020).
5. *World Trade Statistical Review 2019*. WTO, 2019. 174 p. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts19_toc_e.htm (accessed 29.02.2020).
6. Al-Haschimi A., Gächter M., Lodge D., Steingress W. The Great Normalisation of Global Trade. *VoxEU.org*, 14.10.2016. Available at: <http://voxeu.org/article/great-normalisation-global-trade> (accessed 29.02.2020).

7. GDP growth (annual %). The World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 29.02.2020).
8. Hoekman B., ed. *The Global Trade Slowdown: A New Normal?* London, CEPR Press, 2015. 333 p. Available at: https://voxeu.org/sites/default/files/file/Global%20Trade%20Slowdown_nocover.pdf (accessed 29.02.2020).
9. Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. *The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural?* IMF Working Paper WP/15/6, 2015. 43 p. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf> (accessed 29.02.2020).
10. Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. *Trade Developments in 2016: Policy Uncertainty Weighs on World Trade*. World Bank Group, 21.02.2017. 24 p. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/228941487594148537/pdf/112930-v1-revised-PUBLIC-1706109-Global-Trade-Watch-Report-Web.pdf> (accessed 29.02.2020).
11. *World Economic Situation and Prospects 2018*. New York, United Nations publication, 2018. 187 p. Available at: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2018_Full_Web-1.pdf (accessed 29.02.2020).
12. *World Economic Situation and Prospects 2019*. New York, United Nations publication, 2019. 218 p. Available at: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2019_BOOK-web.pdf (accessed 29.02.2020).
13. *January 2020. Global Economic Prospects. Slow Growth, Policy Challenges*. Washington, The World Bank, 2020. 309 p. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects> (accessed 29.02.2020).
14. *Global Economic Outlook. 1st Quarter 2017*. Los Angeles, Deloitte University Press, 2017. 76 p. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/pl/Documents/Reports/pl_Global_Economic_Outlook_Q1_2017.pdf (accessed 29.02.2020).
15. *Global Economic Prospects, January 2016: Spillovers amid Weak Growth*. Washington, The World Bank, 2016. 261 p. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23435> (accessed 29.02.2020).
16. *Economic Report of the President. January 2017. Together with the Annual Report of the Council of Economic Advisers*. Washington, The White House, 2017. 594 p. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2017_economic_report_of_president.pdf (accessed 29.02.2020).
17. *Total Economy Database – Data*. The Conference Board. Available at: <https://conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762> (accessed 29.02.2020).
18. *Trade and Development Report 2019. Financing a Global Green New Deal. Report by the Secretariat of the United Nations Conference on Trade and Development*. United Nations Publications, 2019. 173 p. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/trd2019_en.pdf (accessed 29.02.2020).
19. *Third Regional Dialogue on WTO Accessions for Africa*. The World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/3rdregionaldialacc19_e.htm (accessed 29.02.2020).
20. *International Data. International Transactions, International Services, and International Investment Position Tables. International Transactions (ITA). Table 1.3. U.S. International Transactions, Expanded Detail by Area and Country. China*. The U.S. Bureau of Economic Analysis. Available at: <https://apps.bea.gov/itable/itable.cfm?reqid=62&step=1> (accessed 29.02.2020).

GROWTH FACTORS AND TRENDS OF GLOBAL TRADE

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 51-62)

Received 29.02.2020.

Vladimir G. VARNAVSKII (varnavsky@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1772-1800,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article is devoted to an in-depth study of the modern factors and trends of the world trade. It provides an overview of the economic literature and development of theoretical frameworks of global trade factors. Three main factors are identified in the article, namely: (1) globalization, (2) computer revolution and ICT-technologies, and (3) China's opening to the world. The tendencies of the international trade in the past three decades are analyzed. The main trends of world economy and trade are discussed. There is particular emphasis on the world trade reduction causes in 2015 and 2016. Special attention is paid to the changes in the US and China bilateral trade. GDP growth slowed down in both the US and China during three years of their trade war. Nevertheless, despite this relative decline the United States and China remain the world's largest importers and exporters of goods and

services and the main trading partners. USA accounts for 8.8 percent of global goods exports in 2018 (second place after China with 13.1 percent) and 13.5 percent of global imports (first place; China is 11.0 percent). The author's conclusion is as follows: the proportion between the world trade and global GDP that has been established by now should be considered as normal and optimal in terms of the global reproduction system's functioning.

Keywords: world trade, global GDP, growth factors, world economy, globalization, computer revolution, information and communication technologies (ICT), USA, China.

About author:

Vladimir G. VARNAVSKII, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-51-62

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ ТРАДИЦИОННЫМ СИСТЕМАМ ГОСУПРАВЛЕНИЯ

© БОРДОВСКИХ А.Н., 2020

БОРДОВСКИХ Анастасия Николаевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Кафедры политического анализа.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет государственного управления, РФ, 119991 Москва, Ломоносовский просп., д. 27, к. 4 (bordovskikh@spa.msu.ru), ORCID: 0000-0003-4290-4983.

Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов
традиционным системам госуправления.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 63-73 . DOI: 10.20542/afj-2020-1-63-73

DOI: 10.20542/afj-2020-1-63-73

УДК: 327+330.131.7+341

Статья поступила в редакцию 22.01.2020.

В свете общепризнанного роста политических рисков в сфере международного бизнеса в статье поднимается вопрос о соответствии классических теорий исследования политических рисков реальному содержанию феномена. Рассматриваются новые формы политических рисков сквозь призму трансформации характера политического взаимодействия, в котором происходит их формирование, и изменения целевой мотивации политических акторов на фоне усиления глобальных угроз. Определены ключевые характеристики новых форм политических рисков – сетевые глобальные алгоритмы развития, актуальная география, особый пространственно-временной формат распространения. Раскрыто содержание гибридных эколополитического и информационно-политического рисков.

Ключевые слова: политический риск, глобальный риск, экспроприация, информационно-политический риск, эколополитический риск, экологический кризис.

Классическая теория политического риска была сформирована в период между революцией на Кубе в 1959 г. и падением Берлинской стены в 1989 г. Четкое разделение экономического мира на четыре части (индустриальные страны Запада; бывшие колонии, стремившиеся к обретению независимости от западного влияния; Восточный блок; остальные страны, сохранявшие, насколько это возможно, баланс во взаимоотношениях с первыми тремя группами [1, р. 76]) составляло контекстуальную основу для построения теоретической модели исследования этого феномена. В основу лег опыт западных компаний в развивающихся странах, где распространение новой политической идеологии или смена режимов власти оборачивались многомиллионными убытками для их владельцев. Национализация нефтяной отрасли в Мексике, Суэцкого канала в Египте, всего иностранного бизнеса на Кубе, топливной промышленности в Иране и Ираке, а также другие мотивированные политическими причинами потери западных инвесторов за рубежом были приняты за отправную точку в выработке подходов к анализу и прогнозированию феномена политического риска [2]. В результате сформировалась концептуальная основа исследования, закрепившая границы самого понятия, содержание и природу различных проявлений политических рисков, а также их классификацию. Помимо этого, были заложены основы факторного анализа и определены пространственные и временные рамки воздействия политических рисков на коммерческую среду.

В западной научной традиции закрепилось определение политического риска, изначально сформулированное в экономической науке. Исследователи международных

рынков и внешнеэкономических отношений связывали возникновение политического риска с резкими изменениями политических условий для иностранных инвестиций или импорта в принимающем их государстве [3]. В политической науке какое-то время просуществовал более широкий подход к пониманию политических рисков как общей атмосферы нестабильности, характеризующей в первую очередь развивающиеся страны или страны, переживающие политическую модернизацию [4, р. 87]. Тем не менее в такой трактовке политический риск больше соответствует общей политической неопределенности с неизвестным исходом, тогда как на самом деле он всегда сопряжен с соизмеримой финансовой потерей иностранного бизнеса вследствие политического решения или нарушения последовательного политического процесса [5, р. 68].

Западные исследователи ограничивали рассмотрение политических рисков развивающимися рынками, отличающимися несовершенством институтов, недостаточной демократизацией и нестабильностью социально-экономических показателей [6, р. 4]. Все вместе давало основания для угроз “легально-правительственного” происхождения в форме ограничительных государственных решений и “экстралегального” – не зависящих напрямую от официального правительства, а генерирующихся через остальные группы политического влияния [7, р. 7]. Политические риски как вероятность экономических потерь иностранного капитала вследствие политического решения или действия (бездействия) облачают себя в различные формы ограничений прав собственности и управления активом. На протяжении десятилетий наибольшую опасность представляли угрозы некомпенсируемой прямой экспроприации иностранных владельцев [8]. Однако со временем в зону внимания инвесторов также попадают экономические барьеры (эмбарго, валютный контроль, санкции), которые становятся отражением международного политического или идеологического конфликта. Третий большой блок манифестаций связан с широким спектром политических беспорядков – протестными и забастовочными движениями и революционными восстаниями.

На фоне четвертой волны демократизации, все большей интенсификации глобальных взаимосвязей и развития теорий мондиализма [9] в научной среде распространялся существенный оптимизм в отношении политического риска, который в первую очередь связывался с биполярным геополитическим противостоянием [10]. После падения Берлинской стены и распада СССР актуальность политических рисков в их классическом понимании отходит на второй план, уступая место угрозам экономического происхождения, набирающим силу после либерализации финансовых рынков, которая началась в 1980-годах в США и Великобритании, и постепенно распространилась по всему миру. Политические риски все меньше волнуют западное экспертное сообщество, постепенно утратившее к ним интерес как к архаичной проблеме, ушедшей в прошлое вместе с биполярным миром и борьбой за влияние между СССР и США в постколониальных странах. Российская политическая и экономическая науки, на стыке которых исследуются политические риски, также мало уделяют им внимания. Вероятно, это связано с принятым до сих пор видением данного феномена как угрозы прежде всего бизнесу из западных стран на нестабильных развивающихся рынках, в числе которых оказалась Россия после распада СССР.

В последние несколько лет, однако, в аналитических отчетах и профессиональной прессе все чаще звучит тема “возврата политического риска” в качестве одной из главных угроз для международного бизнеса. Первым поводом стали события “арабской весны” и начало войны в Сирии, а наибольший толчок дискуссиям дал референдум о выходе Великобритании из состава Европейского союза, обозначивший возникновение бреши в политическом фундаменте европейской семьи. По времени он совпал с расцветом популизма и массовыми политическими беспорядками в сердце Европы (конституционный кризис в Испании, движение “желтых жилетов” во Франции, акции протеста в Греции, Чехии, и т.д.). К ним следует добавить волну массовых демонстраций, которая распространилась к настоящему времени на все континенты (рост политических беспорядков в 2018–2019 гг. зафиксирован в Ливане, Чили, Гонконге, Ираке, Египте, Эфиопии, Колумбии, Боливии, Грузии, России и других странах). Нельзя обойти вниманием и украинский кризис, беспрецедентное с распада Советского Союза охлаждение между Россией и Западом, торговую войну США и Китая, а также крайне напряженные отношения между Соединенными Штатами и Европой по целому спектру вопросов, не только коммерческого, но и военно-дипломатического

свойства [11]. Каждое из этих политических событий и обстоятельств стало причиной потерь для международного бизнеса, вписывающихся в концептуальные рамки исследования политических рисков, что позволяет говорить об общей тенденции их усиления в последнее время.

Однако в манифестациях политических рисков последних лет отражается не только возрождение их классических форм (под формами мы подразумеваем не только типологические особенности различных манифестаций политических рисков – экспроприаций, эмбарго и пр., но и особый характер их развития, определенный круг источников политических рисков и их институциональных генераторов), но и появление новой логики политических рисков, которая выходит за рамки просуществовавшей до настоящего времени теоретической модели. К классическим политическим рискам можно, в частности, отнести убытки иностранных предприятий в Сирии в условиях военных действий или учащение случаев экспроприации в Латинской Америке. Вместе с тем рост популизма и связанных с ним опасных для бизнеса политических действий, новая интенсивность международных торговых конфликтов между традиционными партнерами, выход Великобритании из состава ЕС, непрекращающиеся политические беспорядки во Франции не вписываются в классические подходы. Таким образом, обострение геополитической обстановки, несмотря все более глубокую и всестороннюю взаимозависимость стран в условиях глобализации, вкупе с кризисными тенденциями в традиционно стабильных государствах ставят вопрос об актуальности разработанных в 1960–1970-х годах концептуальных подходов к исследованию политических рисков [12].

Политические риски существенным образом трансформируются с появлением глобального пространства взаимодействия государств и бизнеса. Природа их происхождения и актуальное содержание оказываются намного шире и сложнее границ, заданных классическими теориями в период биполярного мира и обретения независимости бывшими колониями. Таким образом, первым шагом при построении новой системы анализа должен стать пересмотр самого контекста развития политических рисков, понимание сложнейшей системы сетевых глобальных взаимосвязей, внутри которой происходит сегодня их формирование.

Раскрытие новой природы политических рисков неразрывно с пониманием мотивации и условий функционирования различных групп влияния и прежде всего самого государства как их главного институционального источника, своего рода “производителя” политических рисков для частных коммерческих интересов. Здесь следует подчеркнуть, что политические риски являются осознанным побочным эффектом тех решений, которые государство принимает для выполнения стоящих перед ним задач. Иными словами, правительства отдают себе отчет в том, что проводя экспроприацию или начиная торговую войну, они закрывают доступ своих экономик к необходимым иностранным инвестициям, но политическая мотивация, лежащая в основе этого решения, превалирует над его негативным побочным эффектом в экономике.

Понимание этой мотивации, или, более широко, условий, в которых осуществляется политический выбор, ведущий к возникновению политического риска, составляет первый шаг и на пути к раскрытию связанных с этим выбором угроз для частного капитала. Так, во второй половине XX в. манифестации политических рисков становились чаще всего следствием общего стремления государств Африки, Азии и Латинской Америки к обретению всесторонней независимости от иностранного участия в их экономической и политической жизни. Убытки иностранного бизнеса, легшие в основу теории политического риска, были преимущественно связаны именно с подобной мотивацией (*PEMEX*, Суэцкий канал, Кубинская революция, национализации и экспроприации на Ближнем Востоке так или иначе связаны со стремлением к экономическому суверенитету, или защитой прав коренного населения, или освобождением от политической зависимости и т.п.). Благополучие коренного населения и верховенство национальных интересов составляли фундамент как ограничительных решений власти, так и экстралегальных рисков, происходящих из действий повстанцев, революционеров и других оппозиционных группировок. Можно констатировать, что схожая мотивация сохраняется в основе многих классических видов политического риска и сегодня. В ходе, например, нашумевшей в 2012 г. национализации аргентинской *YFP* (нефтегазовая компания *Yacimientos Petrolíferos Fiscales*) двигателем государственного решения выступал тот же возврат экономического, промышленного, энергетического суверенитета [13], что и полвека

назад. Вполне закономерен в подобных обстоятельствах приоритетный учет исследователями таких предвестников нарастающего политического риска, как стабильность действующего политического режима, степень демократизации, социально-экономические условия, наличие внутренних и внешних конфликтов, коррумпированность власти [14, pp. 77-116].

В условиях глобализации, однако, и практика последних лет полностью подтверждает данный тезис, политический риск эволюционирует и выходит за рамки стандартной логики развития. Появление “новых” его форм связано с изменениями условий функционирования государства и других центров политического влияния и специфики новых опасностей, которые во многом определяют принятие решений, позволяющих идентифицировать политические риски в качестве их своеобразного побочного эффекта.

Иными словами, мы предполагаем, что новые политические риски становятся результатом политического действия под воздействием глобальных вызовов. Цель настоящей статьи состоит в раскрытии данных вызовов и, главное, понимании того, как они влияют на поведение политических акторов, что, в свою очередь, позволит описать новую природу политических рисков в условиях глобализации. Уточнение контекста возникновения политических рисков является первым шагом на пути адаптации аналитического аппарата анализа и прогноза политических рисков и, соответственно, применения более эффективных механизмов их предупреждения.

Мы предлагаем использовать широкий подход к определению глобальных вызовов и отдельно рассматривать “первичные” и “вторичные” вызовы с точки зрения их воздействия на политические риски. Под первичными вызовами автор подразумевает различного происхождения опасности, реализующие себя в глобальном пространстве и угрожающие мировой стабильности по совокупности. Для их обозначения в экспертной литературе все чаще используется термин “глобального риска” [15]. В современных условиях глобальные риски (проблема глобального потепления, различного рода эпидемии и гуманитарные кризисы), которые сами по себе сопряжены с ущербом, также становятся существенными источниками рисков политического свойства. Вторичные вызовы ближе по своей природе не рискам, а общей неопределенности, вызванной процессами глобализации и оказывающей влияние на политический процесс. Вторичным вызовам соответствует совокупность условий, в которых осуществляется государственное управление и взаимодействие политических акторов. Развитие новых информационно-коммуникационных технологий, перераспределение управленческих полномочий в сетевом пространстве взаимодействия экономических и политических субъектов, переход на качественно иной уровень взаимозависимости и, одновременно, соревнования между отдельными странами и регионами приводят к большим системным изменениям среды политического действия. Сами по себе эти трансформации не создают политических рисков как таковых, однако могут служить их катализатором, модифицировать логику их развития и распространения.

В настоящей статье предлагается последовательный анализ сначала глобальных вызовов, в условиях которых идет взаимодействие политических акторов и функционируют системы государственного управления, затем – глобальных вызовов-рисков, на преодоление которых направлено современное политическое действие. Вместе это позволит описать новую природу политических рисков для бизнеса, возникающих в сложном переплетении национальных и глобальных интересов, и выявить главные отличия современных политических рисков от их классических форм.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ КЛАССИЧЕСКИМ СИСТЕМАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Среди системных изменений в параметрах государственного управления наибольшее значение в рамках анализа политического риска имеет беспрецедентное *развитие внутритерриториальных сетевых форм взаимодействия*. Сетевой механизм подменяет собой иерархические схемы и создает особое пространство для распространения политических рисков. Классическая теория основывалась на возможности выявления групп или институтов,

через которые происходила генерация самой угрозы [3]. В современных условиях они возникают как побочный эффект действий бесконечного числа акторов, которые не обязательно связаны между собой напрямую, но тем не менее вовлечены в общий клубок взаимосвязей, не ограниченный пространством отдельных государств. Более того, “сетевая революция” обуславливает многократное усиление эффекта домино практически для любого политического решения. Такая ситуация провоцирует расширение зоны случайности для политических рисков, возникающих в виде косвенного эффекта взаимодействия различного рода субъектов, что затрудняет, а подчас исключает релевантную оценку их последствий. Косвенным образом эволюция субъектного поля политических рисков рассматривается в многочисленных работах по вопросам функционирования политических сетей [15; 16; 17], глобального управления [18], перераспределения управленческих полномочий [19]. По сути, сетевые коммуникации бизнеса, гражданского общества и структур государственного управления становятся своего рода “червячными” переходами властных отношений, чьи многократные мутации формируют и тиражируют новые формы венчурных взаимосвязей на различных площадках и аренах внутри- и межгосударственных отношений.

В результате меняется как сама схематика формирования и развития политических рисков, так и направленность их последствий и эффектов. При этом особую сложность в восприятии политических рисков вызывает их функционирование в сетевом ландшафте транснациональных взаимосвязей, обладающих возможностью быстрого хаотического воздействия на широкий круг объектов. Например, локальные конфликты, в которые изначально вовлечено лишь несколько групп интересов, имеют потенциал практически одномоментного развития в глобальном формате, где политический риск станет отражением взаимодействия десятков различных узлов и сетей влияния, руководствующихся сложным комплексом зачастую противоречивых целей [20].

В качестве существенного источника новых форм политического риска следует также рассматривать *технологическую революцию*, влекущую за собой перераспределение ресурсов политического действия среди негосударственных акторов. С одной стороны, в коммерческой сфере все более очевидно смещение центра влияния от гигантов нефтяной индустрии, роль которых в формировании мировой политической повестки была общепризнана в течение нескольких десятилетий [21], к информационным бизнес-узлам, близким к GAFAM (*Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft*) [22; 23]. С другой стороны, информационные технологии сами по себе представляют мощный ресурс для ключевых генераторов экстралегального политического риска, одновременно сокращая способность государства контролировать уровень активности последних. Речь прежде всего идет о хорошо исследованных в литературе вопросах информационных коммуникаций в организации протестных движений [24; 25] и работе преступных элементов (в первую очередь террористических организаций) [26]. Однако следует уточнить, что в данном аспекте технологическая революция не столько изменяет саму природу политических рисков, сколько способствует многократному усилению и ускорению их эффекта.

Вместе с тем новые технологии также становятся источником неизвестных ранее форм политических угроз. Наряду с реальным пространством экспроприаций, войн, забастовок, складывается параллельное информационное пространство, в котором рождаются виртуальные, но от этого не менее опасные риски “постправды” (новая политическая культура, характеризующаяся пренебрежением фактами и апелляцией политических лидеров к эмоциональному восприятию своих избирателей), “троллинга” (организованная манипуляция общественным мнением в Интернет-пространстве), приводящие к деструктивным для экономики политическим дисбалансам.

Третья, но не менее важная тенденция касается постепенной *трансформации объекта государственного управления* через беспрецедентное увеличение трансграничной миграции. Вынужденная миграция, вошедшая в список наиболее вероятных рисков в 2017 г. [27], – лишь одна из граней гораздо более глубоких сдвигов самих основ политического функционирования современных обществ. Глобализация экономического пространства, основанная на формировании не опосредованного национальными границами спроса и предложения, устраняет барьеры для свободного перемещения граждан из одной страны в другую в поиске удовлетворяющих их потребностям условий. В долгосрочной

перспективе данный процесс бросает вызов национальным системам, основанным на принципе формирования и распределения национального блага.

Государство оказывается в непростой ситуации определения объекта, в интересах которого оно призвано выполнять, например, свои социальные функции: всех граждан, проживающих на подотчетной ему территории, всех граждан данного государства вне зависимости от места их текущей регистрации или лишь коренного населения? Метаморфоз одной из главных составляющих классической теории государственного управления становится источником целого ряда политических рисков: социальной и идеологической фрагментации общества, этнорелигиозного конфликта, терроризма (за счет упрощения инфильтрации радикальных элементов).

Выход Великобритании из состава Евросоюза, ставший одним из главных поводов для оживления внимания к проблеме политических рисков, может и должен рассматриваться как последствие рассмотренных изменений в параметрах государственного управления. Зародившийся в недрах конфликта традиционной системы накопления и распределения блага с реальностью социальной структуры глобальной экономики Брекзит на практике обнаруживает новую логику развития политических рисков, которая выходит за рамки классических подходов к их исследованию.

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ И НОВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ВЛАСТИ

Возникновение новых форм политического риска можно объяснить не только изменением параметров политико-властных отношений, но также растущим воздействием угроз глобального масштаба, борьба с которыми может стать новой миссией современной политики. Источники политических рисков в контексте 1960–1970-х годов лежали в области решений, целью которых было обретение всесторонней независимости развивающимися рынками через установление контроля над своими экономическими ресурсами. В контексте глобализации действия государства и общества по преодолению общемировых угроз (наибольшего внимания здесь заслуживают проблемы изменения климата, последствия технологической революции и беспрецедентные дисбалансы систем государственных финансов) оборачиваются побочным эффектом в виде развития новых форм политических рисков.

Согласно последнему отчету Всемирного экономического форума в Давосе *The Global Risks Report 2020* шесть из 10 наиболее опасных глобальных рисков связаны с *проблемой климата и экологии*. В будущем экологическая безопасность, становясь одним из ключевых параметров благосостояния, будет оказывать все возрастающее воздействие на политические решения в области регулирования коммерческой деятельности. Осознание экологической опасности (пока в основном в высокоразвитых государствах) столь значительно, что в некотором смысле не будет преувеличением говорить о зарождении нового феномена *экополитического риска*, через который реализуются побочные для частного бизнеса эффекты экологической политики – экологические протесты, экологические экспроприации, эконалоги и экоторговые барьеры.

Заметим также, что в ряде случаев экологические угрозы благосостоянию нации вступают в конкуренцию с традиционными показателями социально-экономического благополучия: уровнем дохода, социальными пособиями, покупательной способностью и пр. [28] Возникающий здесь конфликт на практике проиллюстрировало движение “желтых жилетов” во Франции, которое стало частным примером получающего все большее распространение в западных государствах экополитического риска. Начавшиеся как отказ населения от нового эконолога ради поддержания покупательной способности в ущерб оперативному энергетическому транзиту [29], непрекращающиеся протесты населения приводят к существенным прямым и косвенным убыткам коммерческого сектора и в перспективе угрожают стабильности французской экономики по совокупности.

Следующей после экологических угроз в ряду наиболее вероятных глобальных рисков стоит проблема технологической безопасности, которая тесно связана с политическими

процессами и обнаруживает себя в образовании еще одного гибрида – *информационно-политического риска* [30]. Ранее речь уже шла о феноменах “троллинга”, “постправды” и “дипфейка” (технология синтеза “фальшивых” изображений или видео, которые быстро распространяются в Интернете и способствуют дискредитации публичных личностей или политических решений), которые ограняют политические условия ведения бизнеса и в связи с этим должны рассматриваться как новые источники политического риска. Другой вектор информационно-политического риска прямо отсылает к проблеме государственной безопасности и способности государства защитить свои системы жизнеобеспечения от внешнего вторжения, опасных киберпровокаций и виртуальных войн. В дополнение к этому соревнование между странами в попытке защитить свои информационные пространства постепенно может перейти в состояние “холодной технологической войны” [31, р. 8] со всеми вытекающими из нее политическими рисками.

Глобальные угрозы становятся тем более весомым источником политического риска, чем меньшими объемами финансовых средств располагают государства для их преодоления. *Общепланетное замедление экономического роста* [32] и постепенный подрыв финансово-экономической основы традиционной модели всеобщего благосостояния [33] могут и должны рассматриваться как дополнительный глобальный вызов, вынуждающий современные правительства к принятию все более жестких политических решений. Напомним, что бюджеты ряда стран Евросоюза и США начиная с 2000 г. находятся в постоянном дефиците [34], а государственный долг Японии еще в 2017 г. составлял 234% ВВП [35]. Однако наибольшие опасения вызывают так называемые внебалансовые государственные обязательства (*off-balance sheet government liabilities*), которые не отражены в официальных бюджетах и представляют собой скрытый от глаз долг государства в отношении будущих периодов. Сюда входят обязательства по поддержке жилищных программ, выданные государственные гарантии, будущие выплаты пособий, но главное – обязательства по выплате будущих пенсий, объемы которых постоянно растут на фоне общей для многих стран проблемы старения населения. В одних только США, где государственный долг достиг рекордной отметки в 22 трлн долл. (по 67 000 долл. на душу населения), государственные забалансовые обязательства насчитывают более 70 трлн долл., то есть в три с половиной раза больше, чем объем самого долга [36].

Растущий дефицит государственных финансовых ресурсов на фоне набирающего силу общественного давления на государство по сопротивлению глобальным рискам способен стать достаточным основанием для все большего вмешательства в вопросы владения и распоряжения частной собственностью в целях получения дополнительных средств на борьбу с глобальными угрозами социальной и экологической природы. В этом смысле можно прогнозировать усиление косвенных, латентных форм экспроприации (*creeping expropriation*) в странах с наибольшим дисбалансом госбюджета. Другим вектором привлечения средств на борьбу с глобальными вызовами может стать возложение части финансовой ответственности, например, за энергетический транзит, на самих граждан. Однако такого рода решения также чреваты дополнительным политическим риском, учитывая, что население большинства стран психологически не готово к сокращению государственных форм поддержки и, напротив, требует постоянного увеличения их спектра. В связи с этим можно прогнозировать и нарастание рисков политического насилия экстралегального происхождения, политической фрагментации общества, экстремизма и внутреннего конфликта.

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В XXI В.

Преобразования классических систем государственного управления и расширение задач, стоящих перед современными политическими акторами, становятся косвенными источниками дополнительных угроз для частного капитала. Их особая природа и логика развития выходят за рамки принятых научных подходов к самой дефиниции политических рисков, что вполне закономерно ограничивает возможность применения к ним существующего научно-прикладного инструментария анализа. Среди отличительных черт новых политических рисков следует, в первую очередь, подчеркнуть нестандартную географию их возникновения и распространения, а также характерный временно-пространственный формат воздействия на бизнес.

Если классические теории связывали политический риск исключительно с нестабильными рынками, то события последних 10 лет обнаруживают очевидное устаревание столь жестких рамок анализа. Следует согласиться с тем, что классические политические риски продолжают быть в наибольшей степени актуальны в развивающихся странах, однако смеем предположить, что эпицентр его новых форм придется на развитые западные государства. Влияние глобальных вызовов на систему государственного управления и социального взаимодействия здесь находится на принципиально ином уровне, чем в государствах, перед которыми продолжают стоять задачи построения, а не сохранения социально-экономического благополучия. Неслучайно мы становимся уже сегодня свидетелями экономических последствий выхода Великобритании из состава Евросоюза, решение о котором было принято на основе прежде всего общего стремления британцев противостоять миграционной угрозе, и массовых общественных волнений во Франции, которые уже более года парализуют политические реформы Э. Макрона (включая пенсионную реформу и налоговую реформы, экологический транзит и пр.) и создают крайне неблагоприятный климат для будущего экономического развития страны.

Вместе с географией существенно меняется временной аспект формирования и воздействия политического риска. Его классические проявления содержат в себе черты фокусирующего внимание события [37], имеющего четкие временные рамки. Современные формы, и это существенно отличает большинство рисков глобализации, ближе по своему временному аспекту не к событию, а постепенному процессу, размытому во времени и часто носящему латентный характер. Так, международный бизнес сегодня более обеспокоен не прямыми формами экспроприаций, а скрытыми, косвенными ограничениями прав частной собственности [38, pp. 55-56].

Существенные изменения связаны и с пространственным распространением политических рисков. Они касаются абсолютно всех их видов – как классических, так и новых. В прошлом воздействие риска отличалось своей линейностью и направленностью, которые были обусловлены заданными рамками вызывающего их политического решения или действия. В условиях глобализации, когда государственные и коммерческие игроки вовлечены в сетевые формы взаимодействия, политические риски следуют гораздо более хаотичным алгоритмам распространения как во времени, так и в пространстве. Ограничение спектра их объектов в международной экономике поддается все меньшему контролю. Здесь, в частности, следует отметить отход от классической схемы “заражения” риском – его постепенной передачи от одного круга акторов к другому, с одной территории на другую – в пользу одномоментного, непредсказуемого и глобального отголоска даже локально возникающего политического риска.

Наконец, современные политические риски получают новую площадку своего развития в пространстве социальных сетей. Вместе с развитием нематериального сектора экономики и информационных плоскостей взаимодействия появляются виртуальные угрозы, способные, однако, привести к вполне осязаемому ущербу подверженных им объектов. Виртуальность информационного пространства и сетевой механизм его работы создают два дополнительных импульса для развития политического риска. Виртуальность предполагает анонимность, что ведет к увеличению количества акторов, способных генерировать политический риск (здесь, в частности, возникает феномен “армий троллей” и “дипфейка”), а сеть дает всем генерирующим субъектам дополнительные ресурсы для умножения эффекта риска.

Остается добавить, что современные политические риски – это прежде всего микрориски отдельных проектов. Макрополитические риски, характеризующие общий уровень угроз для всего иностранного бизнеса в той или иной стране, постепенно утрачивают свою однородность. Если ранее с достаточной долей уверенности можно было говорить о высоком риске иностранных вложений в развивающиеся государства Африки и об их безопасности в странах Западной Европы и Северной Америки, то сегодня эта страновая специфика становится все менее отчетливой, а сам политический риск все больше походит на калейдоскоп. При комбинации влияния разных “традиционных” и глобальных вызовов в одной и той же стране могут сосуществовать проекты как с высоким, так и незначительным политическим риском.

Усложнение взаимосвязи внутренних и глобальных вызовов лишает результаты политических решений той однозначности, которая сопутствовала прежней природе политических рисков. Все более очевидной становится потребность в индивидуальной, экспертной оценке, которая, несмотря на постоянные предупреждения специалистов о возврате политических рисков, не ведется на постоянной основе ни бизнес-сообществом, ни государственными институтами. История тем не менее хранит множественные подтверждения того, что политические риски, неся в первую очередь ущерб экономическим акторам, не ограничены пространством коммерческих операций и являются существенным фактором социально-политической стабильности в целом и по совокупности влияют на мировую систему безопасности.

Все вместе говорит о необходимости активного поиска ответа на растущую проблему политического риска как со стороны государства в лице национальных и международных агентств, так и со стороны бизнес-сообщества, роль которого в решении данной проблемы сложно переоценить. В 1970-е годы именно благодаря крупным международным компаниям и их поддержке научных исследований были выработаны теоретические основы, методы и прикладные модели оценки и анализа политических рисков. Совместно с учеными крупных университетов был создан общий структурированный подход к управлению политическими рисками, а затем – институциональные системы гарантий и нивелирования политических рисков в рамках программ государственной и межправительственной поддержки.

Сегодня бизнес может сыграть не менее важную роль в укреплении международной безопасности. Активная позиция корпораций в вопросах управления политическими рисками станет существенным фактором улучшения глобальной безопасности. Следует отметить, что в данном направлении уже сегодня наметился существенный прогресс. Крупные социальные сети начинают предпринимать шаги в области регулирования производимых ими политических рисков. После крушения самолетов в районе Донецка 2014 г. и Тегерана в 2020 г. наблюдается переоценка индивидуальной ответственности авиаперевозчиков за управление военно-политическими рисками, угрожающими их пассажирам. Вместе с тем, помимо усиления корпоративной ответственности, сегодня назрела необходимость адаптации всей научно-прикладной системы оценки и управления политическими рисками. Очевидное устаревание концептуального подхода к их идентификации, о котором шла речь в настоящей статье, сказывается на низкой эффективности прикладных моделей и методов диагностики. Аналогичного пересмотра требуют и сами стратегии воздействия на политические риски – на корпоративном (интегрированные системы риск-менеджмента и мониторинга риска), государственном (в рамках структур, обеспечивающих стабильность и безопасность экономической деятельности) и международном (через многосторонние агентства профилактики, гарантирования и страхования политических рисков) уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Карякин М.Ю. *Страхование политических рисков внешнеторговых операций и международных инвестиций*. Москва, Авуарконсалтинг, 2002. 144 с. [Karyakin M.Yu. *Strakhovanie politicheskikh riskov vneshnetorgovykh operatsii i mezhdunarodnykh investitsii* [Insurance of Political Risks in Foreign Trade and Investment]. Moscow, Avuarkonsalting, 2002. 144 p.]
2. Simon J.D. Political Risk Assessment: Past Trends and Future Prospects. *Columbia Journal of World Business*, 1982, vol. 17, no. 3, pp. 62-72.
3. Robock S.H. Political Risk Identification and Assessment. *Columbia Journal of World Business*, 1971, vol. 6, no. 4, pp. 6-20.
4. Jarvis D. Conceptualizing, Analyzing and Measuring Political Risk: The Evolution of Theory and Method. *Lee Kuan Yew School of Public Policy Research Paper*, 2008, no. LKYSPP08-004. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1162541> (accessed: 02.03.2019).
5. Rummel R.J., Heenan, D.A. How Multinationals Analyze Political Risk. *Harvard Business Review*, 1978, vol. 56, iss. 1, pp. 67-76.
6. Sionneau B. *Risque politique, risque-pays et risque-projet*. Paris, CNAM, Cahier du LIPS No. 7, 1996. 44 p.
7. Kennedy C.R. *Political Risk Management: International Lending and Investing Under Environmental Uncertainty*. New York, Quorum Books, 1987. 163 p.
8. O'Sullivan R.C. Learning from OPIC's Experience with Claims and Arbitration. *International Political Risk Management. Looking to the Future*. Moran T., West. G., eds. Washington, The World Bank, 2005, pp. 30-74.

9. Moncomble Y. L' *Irrésistible expansion du mondialisme*. Paris, Faits et documents, 1981. 263 p.
10. Kobrin S.J. Expropriation as an Attempt to Control Foreign Firms in LDC: Trends from 1960–1979. *International Studies Quarterly*, 1984, vol. 28, no. 3, pp. 329–348.
11. Kantchev G. The Return of the Political-Risk Trade. *The Wall Street Journal*, 11.06.2018. Available at: <https://www.wsj.com/articles/political-risk-returns-to-markets-as-tide-of-stimulus-wanes-1528719648> (accessed 15.01.2020).
12. Political Risk: Time for a New Approach to an Old Problem? KPMG, 21.06.2018. Available at: <https://home.kpmg/uk/en/home/insights/2018/06/political-risk-time-for-a-new-approach-to-an-old-problem.html> (accessed 15.01.2020).
13. Закон об экспроприации 51% акций YPF у Repsol одобрен в Аргентине. *РИА Новости*, 04.05.2012. [The Law on Expropriation of 51% Repsol's Shares in YPF has Been Approved (In Russ.)] *RIA Novosti*, 04.05.2012. Available at: <https://ria.ru/20120504/640634726.html> (accessed 15.01.2020).
14. Brink Ch. *Measuring Political Risks: Risks to Foreign Investments*. Abingdon, Routledge, 2004. 216 p.
15. Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти. *Полис. Политические исследования*, 2011, № 5, сс. 70–98. [Solov'ev A.I. Latentnye struktury upravleniya gosudarstvom ili igra tenei na like vlasti [Latent Structures of the State Rule, or the Play of Shadows upon the Face of the Authority]. *Polis. Political Studies*, 2011, no. 5, pp. 70–98.]
16. Lascoumes P. Rendre gouvernable: de la "traduction" au "transcodage" – L'analyse des processus de changement dans les réseaux d'action publique. *La gouvernabilité*. Chevallier J., ed. Paris, PUF, 1996, pp. 324–338.
17. Börzel T.A. Organizing Babylon – On the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*, 1998, vol. 76, no. 2, pp. 253–273.
18. Барановский В.Г., Иванова Н.И., отв. ред. *Глобальное управление: возможности и риски*. Москва, ИМЭМО РАН, 2015. 315 с. [Baranovskii V.G., Ivanova N.I., eds. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global Governance: Opportunities and Risks]. Moscow, IMEMO RAN, 2015. 315 p.]
19. Лебедева М.М. Актеры современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО*, 2013, no. 1, сс. 38–42. [Lebedeva M.M. Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiya [The Actors of the Modern World Politics: Trends of Development]. *MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 1, pp. 38–42.]
20. Бордовских А.Н. Политический риск и корпоративная ответственность. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2016, т. 9, № 2 (46), сс. 67–80. [Bordovskikh A.N. Politicheskii risk i korporativnaya otvetstvennost' [Political Risk and Corporate Responsibility]. *Problemyi analiz i gosudarstveno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2016, vol. 9, no. 2(46), pp. 67–80.]
21. Colgan J.D. *Petro-Aggression: When Oil Causes War*. Cambridge University Press, 2013. 324 p.
22. Vilmer J., Escorcía A., Guillaume M., Herrera J. *Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies*. Paris, CAPS (Ministry for Europe and Foreign Affairs) and IRSEM (Ministry for the Armed Forces), 2018. 207 p. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/information_manipulation_rvb_cle838736.pdf (accessed 15.01.2020).
23. Fontanel J. *GAFAM, A Progress and a Danger for Civilization*. Available at: <http://hal.univ-grenoble-alpes.fr/hal-02102188/document> (accessed 15.01.2020).
24. Cammaerts B. Social media and activism. *The International Encyclopedia of Digital Communication and Society*. Mansell R., Hwa P., eds. Oxford, Wiley-Blackwell, 2015, pp. 1027–1034.
25. Civil Movements: The Impact of Facebook and Twitter. *Arab Social Media Report*, 2011, vol. 1, no. 2, pp. 1–30. Available at: https://journalistsresource.org/wp-content/uploads/2011/08/DSG_Arab_Social_Media_Report_No_2.pdf (accessed 15.01.2020).
26. Туронков С.Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия. *Общественные науки и современность*, 2011, № 4, сс. 131–140. [Turonok S.G. Informatsionnyi terrorizm: vyrobotka strategii protivodeistviya [Information Terrorism: Framing the Counteraction Strategy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 4, pp. 131–140.]
27. *The Global Risks Report 2017*. Geneva, World Economic Forum, 2015. 70 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf (accessed 26.02.2020).
28. Bailey D. The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability. *New Political Economy*, 2015, vol. 20, no. 6, pp. 793–811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169
29. Le regard des Français sur le mouvement des "Gilets jaunes". *Ifop pour Le Journal du Dimanche*, 2018, Novembre, no. 115970, pp. 1–18. Available at: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/11/115970-Rapport-JDD.pdf> (accessed 15.01.2020).
30. Миночкин А.Л. Информационно-политические риски постиндустриализма: конструктивный анализ. *Вестник ПАГС*, 2013, № 3, pp. 100–106. [Minochkin A.L. Informatsionno-politicheskie riski postindustrializma: konstruktivnyi analiz [Information and Political Risks of Post-Industrialism: Constructive Analysis]. *Vestnik PAGS*, 2013, no. 3, pp. 100–106.]
31. Bremmer I., Kupchan C. *Top Risks 2018*. New York, Eurasia Group, 2018. 25 p. Available at: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Top_Risks_2018_Report.pdf (accessed 15.01.2020).
32. *World Economic Outlook: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers*. Washington, International Monetary Fund, 2019. 188 p.

33. Rosanvallon P. Beyond the Welfare State. *Politics and Society*, 1988, vol. 16, no. 4, pp. 533-543. DOI: 10.1177/003232928801600408
34. General Government Deficit. OECD iLibrary. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/general-government-deficit/indicator/english_77079edb-en (accessed 25.02.2020). DOI: 10.1787/77079edb-en
35. General Government Debt. OECD iLibrary. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/general-government-debt/indicator/english_a0528cc2-en (accessed 25.02.2020). DOI: 10.1787/a0528cc2-en
36. Hamilton J. *Off-Balance-Sheet Federal Liabilities*. Cambridge, National Bureau of Economic Research, 2013. 51 p. Available at: <https://www.nber.org/papers/w19253.pdf> (accessed 15.01.2020).
37. Birkland T. Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting. *Journal of Public Policy*, 1998, vol. 18, no. 1, pp. 53-74. DOI: 10.1017/S0143814X98000038
38. Erkan M. *International Energy Investment Law. Stability through Contractual Clauses*. Alfen aan den Rijn, Kluwer Law International, 2011. 440 p.

POLITICAL RISKS IN THE ERA OF GLOBAL CHALLENGES TO TRADITIONAL GOVERNANCE STRUCTURES

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 63-73)

Received 22.01.2020.

Anastasia N. BORDOVSKIKH (bordovskikh@spa.msu.ru), ORCID: 0000-0003-4290-4983,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Public Administration, 27/4, Lomonosovskii Prosp.,
Moscow, 119991, Russian Federation.

After many years of general disregard political risks are back as a major threat to international business. Though the phenomena are not new, today's political risks are rather different from those studied in the aftermaths of the Second World War. Hence the classical framework of political risk analysis needs substantial reconsideration. The complexity of the present geopolitical context together with the interconnectivity characterizing our modern world impact the very logic and motivation lying beneath political actions which in turn may result in a negative side-effect to international trade and investment. The present research brings focus on two grounds for political risks transformation. The first is lying in the field of the new basis of the government action. The network concepts replacing traditional hierarchy of political actors, the wider access to political action and weakening of the nation state foundations result in the change of the very nature of political risks, their institutional origins and their geographical coverage. The other explanation for the new forms of political threat emergence is the switch in the political agenda. While in the 1960s–1970s political risks came as a consequence of various nationalist ideologies in the developing world, its recent manifestations are strongly connected with the new objectives of the modern state and society. Climate change, technological threats, word economic slowdowns and other top global risks lead to drastic government and extra-government actions which incorporate a great potential for the development of political risks. The research unveils the algorithms of politically motivated business losses in the context of the global challenges our states are facing today. It gives an account of the main characteristics upon which they can be defined as „new political risks“, distinguished from the traditional forms and, thus, in need of an updated analytical approach.

Keywords: political risk, global risk, expropriation, info-political risk, eco-political risk, ecological crisis.

About author:

Anastasia N. BORDOVSKIKH, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Policy Analysis Department.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-63-73

ПОЛИТИКА ИРАНА В СИРИИ

© БОГАЧЕВА А.С., 2020

БОГАЧЕВА Анастасия Сергеевна, лаборант-исследователь Группы изучения региональных отношений Лаборатории "Центр ближневосточных исследований".

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (anastasia.s.bogacheva@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0556-6719.

Богачева А.С. Политика Ирана в Сирии.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 74-80. DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80

DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80

УДК: 327(55)+(569.1)

Статья поступила в редакцию 24.01.2020.

Тесное сближение между Сирией и Ираном началось в последние два десятилетия в связи с нарастающим давлением США на обе страны. С началом сирийского кризиса в 2011 г. двусторонние отношения приобрели характер стратегических. Политика, реализуемая иранским руководством в Сирийской Арабской Республике (САР), прошла несколько этапов, на каждом из которых она корректировалась в соответствии с меняющейся обстановкой в регионе Ближнего и Среднего Востока. В статье рассматриваются эволюция иранского вмешательства в сирийский кризис, военно-политические, экономические и территориальные интересы Ирана в Сирии. Поскольку в САР также присутствуют игроки, заинтересованные в уменьшении влияния Тегерана, Иран старается сочетать тесное взаимодействие с официальным Дамаском с укреплением своих позиций в ряде сирийских регионов, не контролируемых Б. Асадом, где местные жители и власти приветствуют иранское присутствие. Тем самым Исламская Республика Иран стремится гарантировать сохранение своего влияния в постконфликтной Сирии.

Ключевые слова: Иран, Сирия, иранская политика в Сирии, "Хезболла", "Ось сопротивления".

Иран и Сирия – исторически, политически и географически связанные друг с другом государства, дипломатические отношения между которыми были установлены в 1946 г., когда Сирия стала официально независимой от Франции. При этом Иран имел свое консульство в Дамаске и в период французского мандата. В 1975 г. было подписано сирийско-иранское соглашение о двустороннем сотрудничестве [1, pp. 42-43]. С начала 1980-х годов отмечается усиление их политического взаимодействия. Тесное сотрудничество стало возможным благодаря враждебному отношению обеих стран к Ираку (соперничество между сирийской и иракской партиями БААС продолжалось с 1966 г., когда в результате переворота власть в Сирии перешла к левому крылу партии, а иракское отделение партии отказалось его признавать). Дамаск стал поддерживать антишахские силы в Иране еще с конца 1970-х годов, а после победы там исламской революции в 1979 г. обрел союзника в лице нового руководства. Сирия первой из арабских стран официально признала Исламскую Республику и впоследствии поддерживала ее в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Кроме того, после исламской революции общая антииракская повестка была дополнена антиамериканской и антиизраильской [2, pp. 40-46]. Затем в сирийско-иранских отношениях последовал период некоторого охлаждения.

Сближение продолжилось вновь после смерти президента САР Хафеза Асада в 2000 г. и перехода власти к его сыну Башару [3, с. 115]. После вторжения США и их союзников в Ирак в 2003 г. "стратегическое взаимодействие" между Ираном и Сирией на официальном уровне

возобновилось, так как для них актуализировался “антиамериканский” фактор, который они восприняли как угрозу собственной безопасности и своим интересам в регионе Ближнего и Среднего Востока. С выводом из Ливана сирийских войск в 2005 г. более активную роль в регионе стала играть ливанская шиитская организация “Хезболла”, тесно связанная с Тегераном.

Постепенно начала складываться “Ось сопротивления”, она же “михвар-е могавэма” и “мехвар аль-мукавама” (термин впервые был употреблен на арабском языке в ливийской газете, а затем получил широкое распространение в иранских СМИ) – *альянс*, объединивший Иран, Сирию, иракские шиитские ополчения, ливанскую “Хезболлу” и йеменское движение хуситов [4, р. 212]. И хотя “Ось” по существу оказалась ситуативным альянсом, обусловленным общностью геополитических представлений ее участников, ведущую роль в ней играет Исламская Республика Иран (ИРИ). Общая цель всех ее участников – противодействие проекту американо-израильского доминирования на Ближнем Востоке [5, р. 13].

Сирийский кризис, разразившийся весной 2011 г., был истолкован в Иране как производная американской политики. Все участники “Оси”, включая хуситов [6], выразили поддержку правительству Башара Асада и направили в Сирию боевые формирования.

В Иране решение о прямом вмешательстве было принято далеко не сразу, и сначала Тегеран ограничивался заявлениями о безусловной поддержке действующего руководства САР. Однако по мере углубления кризиса – активизации действий оппозиции, направленных против Б. Асада – Иран стал важным игроком на сирийской арене. Этому способствовало усиление запрещенных в Российской Федерации террористической организации ИГИЛ, “Ан-Нусры” и прочих аффилированных с ними экстремистских группировок на территории Сирии и Ирака, которое потребовало углубления взаимодействия правительственных структур САР с силами иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и его специальным подразделением “Аль-Кудс” [7, р. 3]. Со временем двустороннее сотрудничество, став всесторонним, приобрело военно-политическое, экономическое и территориальное измерения.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Политику Ирана в Сирии с 2011 г. по настоящее время можно разделить на четыре этапа, для каждого из которых характерна определенная степень вовлеченности ИРИ в сирийский кризис [8, р. 15]. Так, на первом этапе (2011–2012 гг.) Тегеран воздерживался от открытого вмешательства в конфликт между официальным правительством САР и оппозицией. Поддержка Б. Асада, хоть и была безоговорочной, но ограничивалась заявлениями отдельных высокопоставленных лиц в ИРИ, дипломатическими и военными консультациями, которые в основном касались вопросов формирования и подготовки армии САР к обороне важнейших объектов.

На втором этапе (2012–2015 гг.) в основу политики ИРИ легла стратегия так называемой регионализации, в соответствии с которой на помощь сирийскому правительству были направлены бойцы шиитских группировок на местах (“Лива Зайнабийюн”, “Фатимийюн”, “Харакят Ан-Нуджаба”, “Асаиб Ахль аль-Хакк”). В свою очередь, президент Ирана Хасан Роухани в выступлении, приуроченном к его инаугурации 3 августа 2013 г., заявил о стратегическом характере отношений двух стран и намерении углубить взаимодействие с Сирией [9, р. 141].

На третьем этапе (2015–2018 гг.) Иран стал частично координировать усилия с Россией в рамках военной операции ВС РФ в Сирии, что привело к фактическому поражению ИГИЛ и союзных сил, представленных такими исламистскими группировками, как “Джебхат ан-Нусра”, “Джейш аль-Ислам”, “Ахрар аш-Шам”, “Джебхат аль-Исламия” и “Джейш аль-Фатх”.

Четвертый этап (с весны 2018 г.) – этап затухания конфликта в Сирии, когда на первый план вышло соперничество за влияние в стране между внешними игроками, в рамках которого перед Ираном стоит задача сохранить и усилить имеющиеся политические и экономические позиции в САР. За годы кризиса военная поддержка Тегерана стала для Дамаска одной из

важнейших опор (наряду с российской). В частности, значительно расширилось военнотехническое сотрудничество двух государств. По состоянию на январь 2020 г. на территории Сирии остаются части вооруженных сил ИРИ и КСИР, а также шиитские ополчения из Ирака, Пакистана и Афганистана.

Политика ИРИ в Сирии определяется следующими структурами: Канцелярией верховного лидера Ирана, Корпусом стражей исламской революции, министерством обороны, министерством иностранных дел, Высшим советом национальной безопасности и парламентской комиссией по вопросам национальной безопасности и внешней политике. При этом, несмотря на вовлеченность в сирийскую кампанию ряда представителей силовых структур ИРИ, по оценкам многих экспертов, важная роль в реализации политики Ирана в САР принадлежала генералу Касему Сулеймани – командующему специального подразделения КСИР “Аль-Кудс”. Он на протяжении всей войны координировал деятельность большинства внешних проиранских сил в САР – союзных “Аль-Кудс” шиитских группировок, среди которых “Хезболла”, пакистанской “Лива Зайнабиюн”, афганской “Фатимийюн”, иракских “Харакят Ан-Нуджаба”, “Асаиб Ахль аль-Хакк” и др. [10; 11, pp. 36-37] По различным оценкам, общая численность бойцов таких группировок в совокупности составляет 60–120 тыс. человек [12; 13].

После гибели К. Сулеймани 3 января 2020 г. в результате авиаудара США по аэропорту Багдада руководство “Аль-Кудс” перешло к его заместителю – генералу Исмаилу Каани. Назначение состоялось в тот же день, по итогам экстренного заседания Высшего совета национальной безопасности ИРИ. Оно свидетельствует о намерении обеспечить преемственность проводимого Сулеймани курса.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Экономические связи в докризисный период сводились главным образом к наращиванию объемов торговли Ирана с официальным Дамаском. По состоянию на 2010 г. объем двусторонней торговли составил 800 млн евро. В 2011 г. был подписан меморандум о взаимопонимании в области торговли природным газом на 10 млрд долл. США, заключено соглашение о создании зоны свободной торговли.

В 2012 г. сирийское правительство подписало контракт с иранской компанией *MEPNA* на строительство электростанции стоимостью 400 млн евро [14, p. 3]. Кроме того, заключен ряд отдельных соглашений о поставках электроэнергии между Ираном, Ираком и Сирией, что также указывает на серьезность намерений ИРИ и частичную реализацию внешнеполитических амбиций иранского руководства.

В условиях западных антииранских санкций Сирия является для ИРИ одним из наиболее перспективных рынков. При этом экономические интересы Ирана в Сирии сталкиваются с экономическими интересами других глобальных и региональных игроков (в первую очередь России, Турции, США). Тегеран делает ставку главным образом на официальный Дамаск, а также на некоторых представителей сирийских племен. Хотя правительство Б. Асада относится к любым экономическим инициативам Тегерана весьма настороженно, поскольку иранское влияние в стране и без того велико, тем не менее оно не может игнорировать растущее присутствие Ирана в сирийской экономике.

По заявлению советника верховного лидера ИРИ по международным делам Али Акбара Велаяти, размер ежегодной финансовой помощи Сирии с 2012 г. составляет 8 млн долл. США (без учета финансирования, выделяемого КСИР на поддержку и зарплаты “солдат” специального подразделения “Аль-Кудс”, ливанской “Хезболлы”, “Фатимийюн”, “Зайнабиюн” и др.) [14, p. 3]. В то же время за период 2012–2018 гг. общая стоимость сирийской кампании составила около 84 млн долл. [15]

Основной формой помощи, предоставляемой Сирии Ираном, являются целевые кредиты. Однако не меньшее значение (как для САР, так и для ИРИ) имеет финансовая поддержка иранской стороной местного бизнеса, государственных компаний и частных организаций.

Кроме того, из Ирана в Сирию осуществляются поставки военной техники и боеприпасов, топлива, электроэнергии и сельскохозяйственной продукции либо в обмен на возможность для Тегерана наращивать свой бизнес в Сирии, либо в расчете на расширение иранского политического влияния в сирийских регионах. Между двумя странами подписана серия двусторонних соглашений о сотрудничестве (в том числе меморандумы о взаимопонимании и всестороннем сотрудничестве в сфере энергетики, строительства и другие). Разумеется, подобные соглашения призваны еще больше углубить сирийско-иранское взаимодействие, так как очевидно, что на реализацию этих проектов потребуется не один год. Например, планируется синхронизировать работу электросетей двух стран, обеспечив тем самым возможность передачи электроэнергии из Ирана в Сирию. На стадии разработки находится инфраструктурный проект по строительству и вводу в эксплуатацию железнодорожной сети, которая в перспективе соединит порты Бандар Хомейни, на побережье Персидского залива и Латакия, на Средиземном море. Проект также предполагает восстановление за счет ИРИ уже имеющейся на территории Сирии и Ирака железнодорожной сети [16].

На долгосрочность экономических планов Тегерана указывает и то, что с 2012 г. значительно повысился спрос на сирийскую жилую и коммерческую недвижимость и земельные участки среди иранских частных лиц. Заключены межправительственные соглашения о строительстве иранской стороной нескольких сотен зданий в крупных городах: в одном только Дамаске 200 тыс. единиц как квартир, так и частных домовладений [17, р. 4].

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Военное присутствие иранских сил и союзных им группировок сконцентрировано главным образом в центральной и юго-восточной областях Сирии. В то же время оно минимально или отсутствует в таких провинциях, как Алеппо, Латакия, Тартус и Эль-Хасака.

Таблица 1. Распределение иранских сил и союзных им группировок по провинциям САР

	Провинции, зоны влияния		
Наибольшее присутствие	Дейр эз-Зор: Иран	Хомс: Иран, США	
Смешанное присутствие	Идлиб: Турция, силы сирийской оппозиции, Россия, (сохраняются наблюдательные посты) Иран, силы официального правительства САР	Дераа, Ракка, Хама, Алеппо: Силы официального правительства САР, Россия, Иран, Турция	
Наименьшее присутствие	Эль-Хасака: США, курдские силы	Тартус, Латакия: Россия	Дамаск, Риф Дамаск, Эль-Кунейтра, Эс-Сувейда: Силы официального правительства САР

Источник: составлено по данным [18; 19; 20; 21].

По данным на декабрь 2019 г., наибольшее влияние Ирана, обусловленное военным присутствием на местах, распространялось на провинции Дейр эз-Зор и Хомс [18]. В частности, в Дейр эз-Зор и Хомсе представлены силы ливанской и сирийской "Хезболлы", "Аль-Кудс", "Лива Фатимийюн", а также силы некоторых иракских шиитских ополчений. Попытки наращивания лояльных ИРИ сил привели к столкновениям с проправительственными силами Сирии.

Стратегическая важность военного присутствия в данных провинциях объясняется близостью дислокации войск Соединенных Штатов в провинции Эль-Хасака и на юго-востоке Хомса (позиционный район близ военной базы международной коалиции Эт-Танф) [21]. Кроме того, в 2019 г. были зафиксированы столкновения проиранских шиитских ополчений Ирака "Катаиб ансар аль-Хиджа" и "Сорайя Ашура" с осколками ИГИЛ на территориях вдоль западной границы Сирии близ контрольно-пропускного пункта Тель Сафук и приграничном районе Акашат с участием шиитских ополчений "Харакят аль-Абдал", "Харакат Ансар Алла аль-Авфия", "Сорайя аль-Джихад" и др. [10]

В меньшей степени влияние Ирана распространяется на провинции Дераа, Хама, Алеппо и Эр-Ракка. Данные территории представляют собой зону смешанного влияния сил сирийского официального правительства, Турции и Ирана [19].

В Дераа, на юге Сирии, в 2018 г. силы КСИР и таких шиитских проиранских ополчений, как “Лива Фатемийюн”, “Лива аль-Имам аль-Хусейн”, а также силы ливанской “Хезболлы” вместе с проправительственными силами САР и сирийскими шиитскими группировками приняли участие в наступлении против вооруженной оппозиции, продолжавшемся до июля 2018 г. [10] Проиранские силы (главным образом “Хезболла”) присутствуют в провинции до сих пор, имеет место конкуренция за влияние между ними и 5-м Штурмовым корпусом сирийской правительственной армии – элитным подразделением, состоящим исключительно из добровольцев, поддерживаемым РФ и Ираном [20].

Поселения Эль-Фуа и Кефрая в районе Идлиба были одними из немногих с преимущественно шиитским населением и во время осады 2015–2018 гг. защищались бойцами ливанской и сирийской “Хезболлы” [10]. На декабрь 2019 г. Идлиб оставался последней провинцией, на территории которой находились многочисленные силы вооруженных сторонников сирийской оппозиции. Несмотря на то, что наибольшим влиянием в провинции пользуются протурецкие группировки исламистского толка и силы бывшей “Ан-Нусры”, в соседних провинциях Хама, Алеппо и Эр-Ракка сосредоточено значительное число наблюдательных постов ИРИ.

Кроме того, по сообщениям многих западных источников [5; 10; 22], с 2015 г. регулярные силы КСИР и специального подразделения “Аль-Кудс”, а также отряды ливанской “Хезболлы”, силы иракских шиитских ополчений, “Лива Фатемийюн” и местные группировки, контролируемые ливанской “Хезболлой”, стремятся открыть новый фронт в районе Голан с целью начала прямого противостояния с Израилем. Также потенциально интересной для ИРИ и проиранских сил считается зона племенных территорий на востоке Сирии, ввиду наличия там лояльного им племени *баггара* и неоднократных случаев вербовки представителей местных племен в шиитские организации.

* * *

Политика, реализуемая правительством ИРИ в САР, претерпевала изменения на протяжении всего сирийского конфликта. Степень вовлеченности ИРИ в сирийский кризис прошла к настоящему моменту несколько стадий – от минимального участия до постоянного, санкционированного правительством Б. Асада военного присутствия в стране.

Текущая стадия конфликта не расценивается Тегераном как окончательная. В отличие от внерегиональных игроков, безопасность ИРИ связана с ситуацией в Сирии гораздо теснее. Единственной местной силой, способной обеспечить соблюдение интересов Ирана в сфере безопасности, является правительство Б. Асада. Правительству САР и его союзникам еще только предстоит вернуть под свой контроль ряд территорий. Соответственно, в интересах Тегерана и близких к нему шиитских группировок укрепить в Сирии собственные позиции, не потеряв при этом связь с дружественными им сирийскими силами, а также ни в коем случае не допустить фрагментации страны.

Тегеран предпринимает попытки закрепиться на местах и заручиться поддержкой сирийских племен. Союзные ИРИ шиитские группировки также вряд ли покинут САР или будут расформированы в ближайшее время. Вероятнее всего, они сохраняют влияние и продолжают действовать в качестве проводников политики Тегерана.

Таким образом, приоритеты и перспективы Ирана в Сирии в ближайшем будущем будут зависеть от региональной обстановки. При этом определяющим фактором становятся уже устоявшиеся представления о врагах и потенциальных союзниках.

Однако в перспективе помимо традиционных врагов у ИРИ могут появиться новые, интересы Тегерана уже отчасти расходятся с задачами Анкары и Москвы, которые также стремятся к усилению своего влияния в САР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ganji B. *Politics of Confrontation: The Foreign Policy of the USA and Revolutionary Iran*. London, I.B. Tauris, 2012. 320 p.
2. Goodarzi J.M. Syria and Iran: Alliance Cooperation in a Changing Regional Environment. *Ortadoğu Ettleri*, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 31-54.
3. Ахмедов В.М. *Сирия на рубеже столетий. Власть и политика*. Москва, Асти-издат, 2003. 172 с. [Akhmedov V.M. *Siriya na rubezhe stoletii. Vlast' i politika* [Syria at the Turn of the Century. Power and Politics]. Moscow, Asti-izdat, 2003. 172 p.]
4. Uzun Ö.S., Ekşi M. Continuities and Changes in Iran's Foreign Policy: Analysis of Syrian Case. *Journal of Regional Studies*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 205-228.
5. Risseuw R. *The Syrian-Iranian Nexus: A Historical Overview of Strategic Cooperation*. Brussels, Brussels International Center for Research and Human Rights, 2018. 16 p.
6. Solomon A.B. Report: Yemen Houthis Fighting for Assad in Syria. *The Jerusalem Post*, 31.05.2013. Available at: <https://www.jpost.com/Middle-East/Report-Yemen-Houthis-fighting-for-Assad-in-Syria-315005> (accessed 17.10.2019).
7. Азизи Х. Иран в Сирии: лица, принимающие решения, интересы и приоритеты. *Материалы дискуссии по итогам семинара "Новая динамика безопасности и политическое урегулирование в Сирии"*. Сиракузы, Женевский центр политики и безопасности – GCSP, 2018. 6 с. [Azizi H. Iran v Sirii: lica, primajushhie reshenija, interesy i priority [Iran in Syria: Decision-Making Actors, Interests and Priorities]. *Materialy diskussii po itogam seminar "Novaja dinamika bezopasnosti i politicheskoe uregulirovanie v Sirii"* [Discussion Paper for the Workshop on: "The Emerging Security Dynamics and the Political Settlement in Syria"]. Syracuse, Geneva Centre for Security Policy – GCSP, 2018. 6 p.] Available at: <https://dam.gcsp.ch/files/2y10pMuQcLqNZAvPWKgo8aoT7rS247JPKRjVH3TY8mcHygwdX9PG8C> (accessed 28.02.2019).
8. Ahmadian H., Mohseni P. Iran's Syria Strategy: the Evolution of Deterrence. *International Affairs*, 2019, vol. 95, no. 2, pp. 341-364. DOI: 10.1093/ia/iyy271
9. Al-Moussawi A.H. Iran and the Syrian Crisis. *Journal of US-China Public Administration*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 136-144. DOI: 10.17265/1548-6591/2017.03.002
10. *The Shia Militia Mapping Project*. Available at: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1KanwykNx7VvKQUN52zNSmj6qxNL7IYwsr&ll=33.479132280439664%2C36.32195224195232&z=14> (accessed 17.10.2019).
11. Katzman K. *Iran's Foreign and Defense Policies*. Washington, Congressional Research Service, 2019. 68 p.
12. Игнатенко А.А. Новый раскол на Ближнем Востоке. *Независимая газета*, 10.10.2017. [Ignatenko A.A. Novyi raskol na Blizhnem Vostoke [The New Split in the Middle East]. *Nezavisimaya gazeta*, 10.10.2017]. Available at: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-10-10/3_7091_kartblansh.html (accessed: 10.10.2019).
13. Juneau T. *Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory*. Abingdon, Mediterranean Politics, 2018. 20 p. DOI: 10.1080/13629395.2018.1479362
14. Hatahet S. *Russia and Iran. Economic Influence in Syria*. London, Chatham House, 2019. 24 p.
15. Matin K. *Iran to Suffer Most in Syria*. People's Mojahedin Organization of Iran, 04.14.2018. Available at: <https://english.mojahedin.org/newsen/63978/Iran-To-Suffer-Most-In-Syria> (accessed 17.10.2019).
16. Субботин И.А. Альянс Ирана и Сирии встает на новые рельсы. *Независимая газета*, 05.11.2019. [Subbotin I.A. Al'yans Irana i Sirii vstaet na novye rel'sy [The Alliance between Iran and Syria Rises to a New Track]. *Nezavisimaya gazeta*, 05.11.2019.] Available at: http://www.ng.ru/world/2019-11-05/1_7718_alliance.html (accessed: 20.11.2019).
17. Ansari A., Bassiri-Tabrizi A. The View from Tehran. *Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict*. London, Royal United Services Institute, 2016. pp. 3-11.
18. *Map of Syrian Civil War*. Available at: <https://syria.liveuamap.com/en/2019/28-december-syrian-opposition-forces-are-launching-a-counterattack> (accessed 20.12.2019).
19. *Map of Military Influence in Syria*. 01.01.2020. Available at: <http://jusoor.co/details/Map%20of%20military%20influence%20in%20Syria%2001-01-2020/532/en> (accessed 08.01.2020).
20. Saban N. *Control and Influence Changes after Operation "Peace Spring"*. Omran Center for Strategic Studies, 18.12.2019. Available at: <https://omranstudies.org/publications/reports/control-and-influence-changes-after-operation-peace-spring.html> (accessed 08.01.2020).
21. *Al-Tanf, Syria*. International Crisis Group, 02.01.2020. Available at: <https://www.crisisgroup.org/trigger-list/iran-us-trigger-list/flashpoints/al-tanf-syria> (accessed 08.01.2020).
22. Spyer J. Iran Opens a Second Front along Israel's Border. *The Wall Street Journal*, 02.10.2020. Available at: <https://www.wsj.com/articles/iran-opens-a-second-front-along-israels-border-11570056375> (accessed 18.12.2019).

IRAN'S POLICY IN SYRIA**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 74-80)****Received 24.01.2020.**

Anastasia S. BOGACHEVA (anastasia.s.bogacheva@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0556-6719, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Diplomatic relations between Iran and Syria were established in 1946, but their close rapprochement started only at the beginning of the XXI century, due to the growing pressure on both countries from the United States. Since that time their ties had been significantly strengthened, and with the onset of the Syrian crisis, the relations became strategic. Syria and Iran as closest partners adhere to the "axis of resistance". The policy implemented by the Iranian government in Syria since 2011 went through several patterns, on each stage it was adjusted to the changing regional situation. The article discusses the evolution of Iranian intervention in the Syrian crisis, its military-political, economic and territorial interests. So there is an Iranian entry into civilian structures, political and security apparatus and into the army; Iranians are actively purchasing land and real estate in Syria in order to improve their positions on the ground. In addition, Iran is expanding its economic presence through annual financial assistance to the Syrian government and investment as well as provides support to local businesses. At the local level, Iran's positions in late 2019 were the strongest in the provinces of Deir az-Zor and Homs. At the same time, there are both types of forces in Syria: those interested in reducing Iranian influence as well as forces, preferring to strengthen the impact of Iranian factor. Therefore, to guarantee Iranian influence in post-conflict Syria the Iranian and pro-Iranian forces are pursuing cooperation with official Syrian Government and at the same time trying to increase their presence in the country and enhance local ties.

Keywords: Iran, Syria, Iranian politics in Syria, Hezbollah, Axis of resistance.

About author:

Anastasia S. BOGACHEVA, Research Assistant, Regional Relations Research Group, Laboratory "Center of the Middle East Studies".

DOI: 10.20542/afj-2020-1-74-80

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ В УСЛОВИЯХ АМЕРИКАНСКИХ САНКЦИЙ

© ЛАЗОВСКИЙ С.О., 2020

ЛАЗОВСКИЙ Станислав Олегович, лаборант-исследователь Группы изучения общих проблем региона Лаборатории "Центр ближневосточных исследований".
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23
(stas-jesin@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-1249-3634.

Лазовский С.О. Экономическая ситуация в Иране в условиях американских санкций.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 81-93. DOI: 10.20542/afj-2020-1-81-93

DOI: 10.20542/afj-2020-1-81-93

УДК: 338.1(55)+339.986

Статья поступила в редакцию 27.01.2020.

История антииранских санкций насчитывает уже более полувека. С конца 1970-х годов на Иран несколько раз были наложены экономические санкции со стороны различных стран и даже международных организаций. Самые серьезные ограничения многократно вводили США, начиная с 1979 г., после Исламской революции. В 2010 г. санкции вводили Европейский союз, а также Канада, Австралия, Южная Корея и Япония. Совет Безопасности ООН неоднократно принимал антииранские резолюции, в частности, в 2006 и 2010 гг. За это время страна приобрела уникальный опыт многолетнего существования в условиях внешних ограничений. Этот опыт, предполагающий снижение внешней зависимости при одновременном развитии собственных ресурсов и возможностей, может в определенной степени оказаться востребованным в современном мире, страдающем в условиях пандемии и кризиса нефтяного рынка.

Ключевые слова: Иран, экономические санкции, экономическая политика Ирана, экономическая ситуация в Иране, "экономика сопротивления", Совместный всеобъемлющий план действий.

Антииранские санкции имеют долгую историю. Еще в 1950-х годах Великобритания объявила бойкот иранским нефтепродуктам в ответ на национализацию Англо-иранской нефтяной компании. В 1979 г. санкции были введены Вашингтоном после захвата радикально настроенными иранскими студентами американского посольства в Тегеране. В 1980-е годы в ходе ирано-иракской войны США усилили давление. В 1996 г. Конгресс США утвердил закон, в соответствии с которым любая компания, инвестировавшая в иранский нефтяной комплекс более 20 млн долл., рисковала оказаться под санкциями. Выбор такого метода давления не удивителен, он эффективнее военной агрессии, так как требует меньше человеческих и финансовых затрат.

Иранская экономика сильно зависима от экспорта нефти и внешнего мира – это важный фактор. На мировой арене Иран позиционирует себя в качестве самостоятельного игрока, однако объективная включенность страны в общемировые политические, социальные, экономические и культурные процессы не оставляет ему возможности игнорировать интересы глобальных акторов международных отношений. Посредством изоляции можно сильно ослабить экономику и снизить уровень жизни в этой стране. В то же время иранский рынок заметно уступает американскому и европейскому по своим возможностям и емкости. Ради него иностранные компании не станут рисковать и скорее предпочтут другие экономические пространства. Это прекрасно понимают в США.

На современном этапе усиление санкций в отношении Исламской Республики Иран (ИРИ) связывают с ее ракетной и ядерной программой, а также попытками Соединенных Штатов ослабить экономику этой страны и повлиять на смену режима в ней. Так называемая ядерная сделка (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД), заключенная при президенте США Б. Обаме, принесла кратковременное смягчение санкционного режима, однако при нынешнем президенте Д. Трампе прессинг возобновился. Итогом стало введение санкций против Центрального банка Ирана и предприятий нефтегазового комплекса, который является одним из ключевых в экономике ИРИ, также санкции были наложены на экспорт фармацевтической продукции.

В последние несколько месяцев Иран, как и другие государства во всем мире, испытывает негативные последствия острейшего кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией и падением нефтяного рынка. “Экономика сопротивления” как опыт выживания Ирана в условиях санкций может в известной мере оказаться полезной в плане мобилизации внутренних ресурсов и сдерживания роста социально-экономической напряженности.

ДОКРИЗИСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ ИРАНА

ВВП Ирана в текущих ценах в 2017 г. составлял 439.5 млрд долл. США, а население – 80.6 млн человек (рис. 1). Для сравнения: в 2017 г. ВВП в текущих ценах Саудовской Аравии (32.9 млн человек) равнялся 683.8 млрд долл., Израиля (8.7 млн человек) – 350.9 млрд долл., Турции (80.8 млн человек) – 851.1 млрд долл.

В структуре экономики Исламской Республики преобладают топливно-энергетический комплекс, сельское хозяйство и сфера услуг. Имеет место заметное государственное присутствие в экономической жизни страны. Согласно ст. 44 Конституции Ирана 1979 г. к государственному сектору относятся: тяжелое машиностроение, внешняя торговля, нефтехимическая промышленность, банковские услуги, страхование, энергетика, информационные коммуникации, транспортные коммуникации, почта, телефон, телеграф. Однако в последнее время проводилась постепенная приватизация государственных предприятий.

Следует отметить, что данный процесс не являлся хаотичным, он плановый и осуществлялся под жестким контролем со стороны высшего иранского руководства и лично верховного лидера А. Хаменеи. Несложно догадаться, что главным инструментом и двигателем данного процесса Тегеран избрал поэтапную приватизацию государственных компаний и предприятий и передачу их активов в частные руки [1].

Важное место в экономике ИРИ занимают Корпус стражей исламской революции (КСИР) и Штаб по исполнению приказов имама (*Setad*) – одна из крупнейших благотворительных религиозных организаций в стране. *Setad* и КСИР подчиняются верховному лидеру Ирана. Обе структуры имеют активы в секторах экономики ИРИ, бюджет *Setad* оценивается в 95 млрд долл. США [2], что сопоставимо с объемом всего государственного бюджета Ирана за 2018 г. (рис. 2).

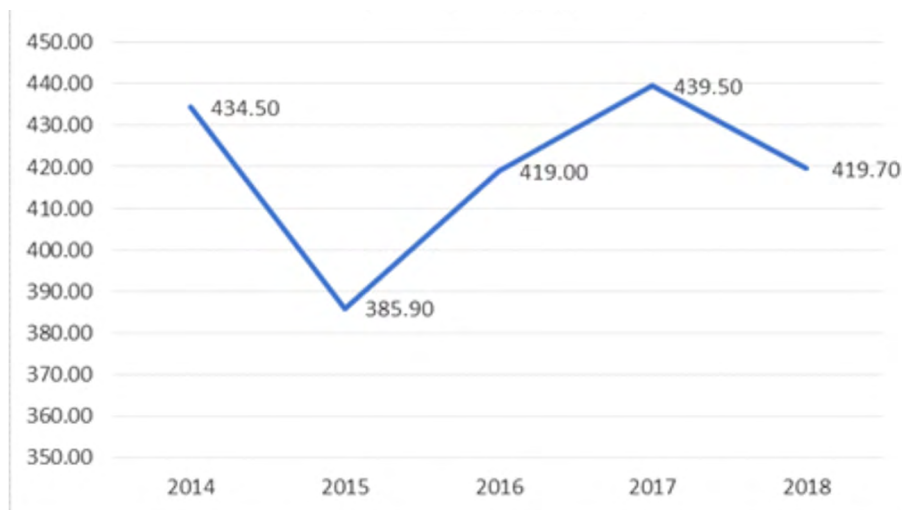
Иран занимает первое место в мире по запасам природного газа и четвертое по доказанным запасам сырой нефти [3]. Экономическая активность и государственные налоговые и неналоговые, а также экспортные доходы по-прежнему в значительной степени зависят от экспорта нефти и нефтепродуктов и поэтому остаются нестабильными из-за колебаний цен на мировом рынке нефти, а также неблагоприятной политической конъюнктуры.

Темпы роста ВВП Ирана в 2017–2018 гг. снизились до 4.5%. Резкий спад уровня ВВП в 2015 г. объясняется также сильным падением мировых цен на нефть с 96.29 до 49.99 долл. за баррель.

Топливо-энергетический комплекс, сельское хозяйство и сфера услуг вернулись к темпам роста, существовавшим до введения санкций в 2012–2013 гг. В 2017–2018 гг. не наблюдалось сильных изменений в темпах роста в таких секторах, как строительство и торговля, ресторанное и гостиничное обслуживание. После стагнации в период санкций и проблем банковского

сектора (например, введения ограничений доступа к международным рынкам кредитования и сложности приобретения американских долларов) положение данных отраслей все же стало выравниваться. Самые высокие темпы роста показали ненефтяные сектора, более половины можно отнести на рост сферы услуг на 4.4% в 2017 г.

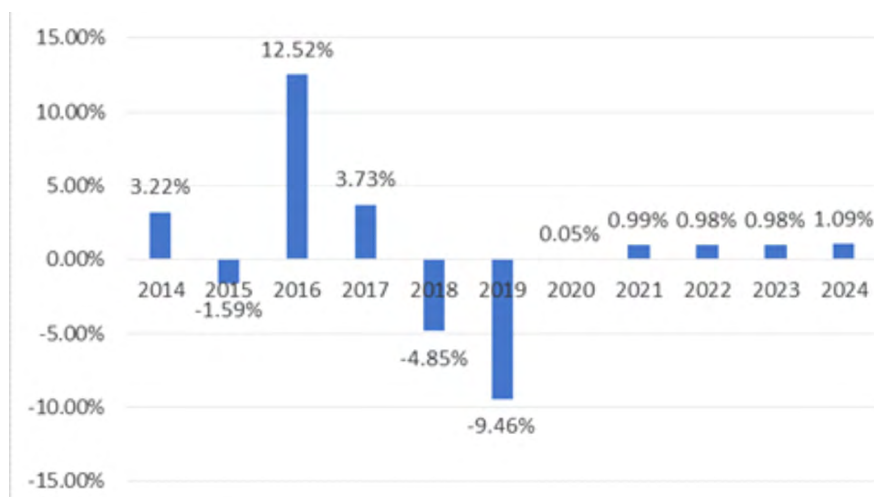
Рисунок 1. ВВП Ирана (млрд долл.)

Источник: составлено по данным источников [4; 5].

Экономика Ирана укреплялась в 2016 и 2017 гг. благодаря разумной экономической и финансовой политике, масштабным реформам, проведенным по линии консультации и содействия с МВФ, успешной реализации СВПД, а также восстановлению добычи нефти и повышению мировых цен на энергоносители. Заключение "ядерной сделки" породило оптимизм в Иране, однако эффект был непродолжительным. Для исследования развития роста экономики Ирана рассмотрим темпы роста реального ВВП с 2014 по 2018 гг. на рис. 2.

Рисунок 2. Темпы роста реального ВВП

Источник: [6].

Различие в данных с номинальным ВВП (рис. 1) объясняется тем, что реальный ВВП рассчитывается с учетом дефлятора ВВП. Инфляция в Иране остается одной из существенных проблем экономики, она достигает размеров 40% (данные 2019 г.) [7]. С 2019 по 2024 гг. даны прогнозные значения. Из данных диаграммы видно, что 2018 и 2019 гг. отмечены резким спадом темпов роста ВВП. Прогнозные значения положительны потому, что Иран проводит антисанкционную экономическую политику и, возможно, из-за ожиданий, что США и ИРИ смогут договориться. Прогнозы, судя по всему, будут серьезно скорректированы с учетом "двойного" кризиса (нефть и COVID-19).

По данным, представленным на графике рис. 3, можно видеть, что расходы государственного бюджета превышают доходы. Однако нужно отметить, что с каждым годом как доходы, так и расходы показывали устойчивый рост. Доля доходов бюджета в структуре ВВП Ирана на 2018 г. составляла 22.58%. К примеру, в Саудовской Аравии это значение значительно выше и равняется 62.67%.

Рисунок 3. Государственный бюджет Ирана (млрд долл.)

Примечание: данные за 2019 г. являются проектными.
Источник: [4].

Превышение расходами доходов можно объяснить тем, что в условиях “экономики сопротивления” необходим большой объем внутренних инвестиций для поддержки главных отраслей экономики и их модернизации (подробнее о деталях этого варианта экономики см. ниже).

Дефицит бюджета в настоящее время напрямую связан с:

- дефицитом иностранной валюты;
- непростой процедурой товарной регистрации для иностранных инвесторов;
- административными сложностями торговли и платежных систем в государственном секторе, которые заключаются в том, что банки Ирана не могут использовать международные платежные системы *Visa* и *Mastercard*;
- неблагоприятным бизнес-климатом.

Рассмотрим платежный баланс ИРИ и его основных торговых партнеров. В табл. 1 представлен платежный баланс Ирана.

Таблица 1. Платежный баланс Ирана

	2015	2016	2017	2018*	2019*
Экспорт, млрд долл.	74.4	94.4	109.5	130.3	127.5
Импорт, млрд долл.	74	79.5	91.5	103.3	103.7
Сальдо	0.4	14.9	18	27	23.8

*Проектные значения.

Источник: составлено по данным [4; 5; 7; 8].

Из табл. 2 видно, что сальдо внешнеторгового баланса положительное. Это говорит о том, что экспортирует Иран больше, чем импортирует. С точки зрения страны, зависимой от иностранной валюты и некоторых жизненно важных товаров, для экономики Ирана это хорошая тенденция, так как экспортные доходы полностью покрывают импортные расходы.

Основными торговыми партнерами Ирана в 2017 г. являлись Китай, Индия, Южная Корея, Япония, Российская Федерация (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые внешнеторговые партнеры Ирана

Страны	Оборот	Экспорт	Импорт
	млрд долл.		
Китай	35.3	16.9	18.4
Индия	12.78	10.2	2.58
Южная Корея	11.24	7.22	4.02
Италия	6.58	3.48	3.1
Япония	7.33	3.23	4.1
Россия	1.8	0.3	1.5

Источник: составлено по данным [8; 9].

Товарооборот между Ираном и странами Европейского союза в течение первых четырех месяцев 2019 г. составил 1.610 млрд евро, зарегистрировав падение на 76.46% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Низкий объем экспорта связан с санкциями и тем, что механизм их обхода – *INSTEX* (Инструмент поддержки торговых обменов – платежная система, позволяющая европейским компаниям торговать с Ираном в обход санкций США) – только начинает действовать. ЕС не поддерживает санкции и даже создал механизм их обхода, однако частные компании из стран ЕС, торгуя с Ираном, теряют для своих товаров американский рынок, так как на них могут быть наложены санкции США.

В социальной сфере Ирана также происходят значительные изменения. Уровень безработицы остается достаточно высоким и составляет 10.4% по состоянию на 2019 г., хотя он представляет умеренное улучшение по сравнению со значением предыдущего года (12.1%). Безработица среди молодежи (в возрасте 15–24 лет) в 2019 г. составила 26.1%, оставаясь высокой по сравнению с более ранними периодами и в среднем по региону Ближнего Востока. Доля трудоспособного населения составила 32.7% в 2019 г., достигнув самого высокого уровня за последние 10 лет [5]. Высокая безработица может грозить повышением уровня бедности, оттоком работоспособного населения из страны, а также политическими волнениями.

После восстановления санкций США в мае 2018 г. экономический рост сменился спадом в Иране (рис. 2). Что касается промышленного производства, то в 2019 г. оно сократилось на 9.6%, сельскохозяйственное производство – на 1.5%.

На Иран серьезно повлияла пандемия *COVID-19*, которая в сочетании с недавним снижением мировых цен на нефть и жесткими экономическими санкциями представляет значительный риск для экономических перспектив страны.

По прогнозам МВФ, ВВП Ирана в 2020 г. снизится на 6%, индекс потребительских цен окажется на уровне 34.2%. По оценкам Всемирного банка, в 2020 г. безработица в Иране будет составлять около 16–17%. Инфляция и безработица останутся высокими по сравнению со средними показателями по региону, а бюджетный дефицит увеличится.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СВПД

Соглашение о Совместном всеобъемлющем плане действий, достигнутое в 2015 г., содержало следующие ключевые пункты:

- МАГАТЭ получало на 20 лет доступ ко всем иранским ядерным объектам;
- большая часть иранского урана подлежала вывозу за границу;
- планировалось осуществление надзора за достижениями Ирана в сфере ядерной энергетики;
- объекты ядерной энергетики ИРИ не подвергались демонтажу;
- отменялись санкции США, ЕС и Совета Безопасности ООН;

- ЕС и США обещали воздержаться от введения новых и повторных санкций, исходя из параграфа 26 СВПД.

Решение Д. Трампа о выходе США из соглашения в 2018 г. подверглось резкой критике всех участников СВПД, включая союзников Вашингтона. Как указывает российский исследователь И. Тимофеев: "Сложившаяся ситуация является индикатором новой логики международных отношений по вопросу иранской ядерной программы и других тем, в которых подходы ключевых участников разошлись существенным образом. По всей видимости, сложившаяся ситуация будет носить долгосрочный характер с учетом того, что США вряд ли пересмотрят свое решение" [10].

Для неиранской "шестерки" участников (США, России, КНР, Великобритании, Франции) СВПД был выгоден из-за возникшей возможности восстановления и укрепления экономических связей с Ираном, а также появившейся гарантии, что ИРИ не будет создавать ядерное оружие. Выгода Ирана заключалась в снятии санкций и открывшихся возможностях для экономического роста.

До подписания СВПД руководство ИРИ при проведении экономической политики, направленной на преодоление кризиса 2013–2014 гг. и ускорение экономического роста, делало ставку на три основные позиции. Во-первых, на увеличение внутренних финансовых резервов для создания высокотехнологичных отраслей. Во-вторых, на развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В-третьих, на расширение экономических связей с Китаем и Россией – странами, не поддерживающими американские санкции.

После начала реализации соглашения, которое было подписано 14 июля 2015 г. в Вене Исламской Республикой Иран и названными международными посредниками, приоритеты экономической политики Тегерана изменились. Иранское руководство ориентируется на создание "ходкефай" – самодостаточной экономики. Принятый в Иране шестой пятилетний план развития (2016–2021) ставит целью достижение к 2021 г. экономического роста в 8%. На сегодняшний день такие темпы роста ВВП не являются реалистичными.

ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ США

В период действия СВПД санкции США против Ирана были заморожены, что давало ИРИ возможность наращивать экспорт нефти и газа, а также заключать инвестиционные соглашения. Это способствовало развитию как иранского бизнеса, так и зарубежного в Исламской Республике. Однако выход США из СВПД, разморозка старых и введение новых санкций породили проблемы как для бизнеса, так и для всей экономики Ирана. Экономическая ситуация в ИРИ не может вернуться к периоду 2014–2015 гг. В дальнейшем может быть существенно затруднен доступ к финансам, вероятно усиление инфляции и появление признаков политической нестабильности.

Внешнеполитическое давление в условиях кризиса делает возможным сценарий, при котором из-за падения уровня жизни населения снизится социальная стабильность. Это доказывают протесты 2017–2018 гг. в Иране, вспыхнувшие из-за экономических проблем, а также выступления осени 2019 г., начавшиеся по причине повышения цен на бензин, и протесты, последовавшие после убийства командующего подразделением "Аль-Кудс" в составе КСИР Касема Сулеймани. Если же инфляция показывает темпы роста выше, чем доходы населения, то это создает дополнительные факторы нестабильности, так как самые многочисленные в общественно-экономической структуре Ирана слои населения беднеют.

Самым доходным сектором экономики Ирана является топливно-энергетический. Для страны он имеет особое значение.

По разведанным запасам природного газа Иран занимает первое место в мире, но экспортируется на сегодняшний день только 5% добычи. Природный газ почти на 90% используется для внутреннего потребления. Увеличение экспорта этого топлива станет возможным по мере увеличения добычи. Одной из основных проблем является отсутствие

объектов по производству сжиженного природного газа (СПГ) и ограниченная пропускная способность газопроводов. Министерство нефти Ирана прогнозировало, что к 2022 г. экспорт газа увеличится примерно до 10% от общего объема добычи. Добыча конденсата составит 650 тыс. баррелей в сутки и, как ожидается, будет увеличиваться на 100 тыс. к 2022 г. (рис. 4).

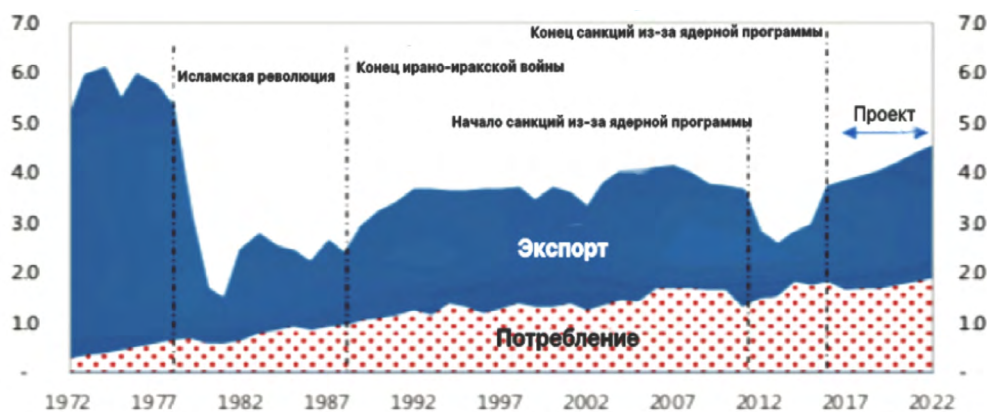
Рисунок 4. Добыча и потребление природного газа (млрд куб. м)

Источник: [4].

На представленном графике можно заметить, что производство и потребление природного газа показывали устойчивый рост с 1992 по 2017 гг., несмотря на санкции. Не исключено, что в будущем газ может постепенно стать альтернативой нефти в мире, а также занять доминирующие позиции в экспорте Ирана.

Рисунок 5. Добыча, потребление и экспорт сырой нефти (млн баррелей в день)

Источник: [4].

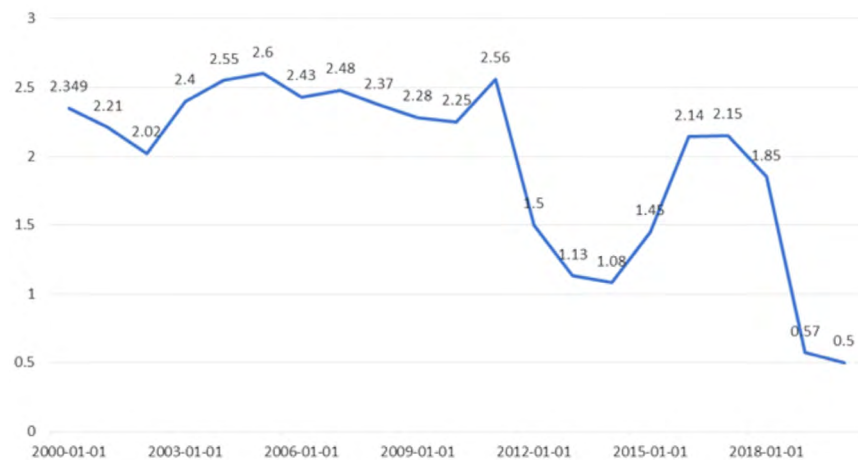
По динамике графика на рис. 5 можно видеть, как санкции сказались на добыче и экспорте сырой нефти из Ирана. Если с 1987 по 2012 г. добыча и экспорт оставались приблизительно на одном уровне, то с начала введения санкций в 2012 г. добыча и экспорт сократились на 1.5 млн баррелей сырой нефти в день, что составляет 37.5% от общей добычи. Однако одновременно росло внутреннее потребление добываемой нефти.

Опираясь на приведенные данные, можно сказать, что экспорт нефти с каждым годом показывал рост, как и средняя цена за баррель нефти. Следовательно, ИРИ удавалось с каждым годом привлекать все больше доходов от экспорта нефти. Отметим, что в структуре государственного бюджета влияние доходов от экспорта нефти и газа на доходы заметно сильно.

Если скоррелировать доходы от экспорта нефти и газа и доходы бюджета, то получается следующее значение: **0.857749947**. Исходя из него можно сказать, что наблюдается тесная

связь доходов бюджета и экспорта нефти и газа, следовательно, доходы бюджета зависят от экспорта нефти и газа сильнее, чем от других отраслей (в данном случае исследовалась связь доходов государственного бюджета и экспорта нефти).

Рисунок 6. Экспорт иранской нефти, баррелей в год

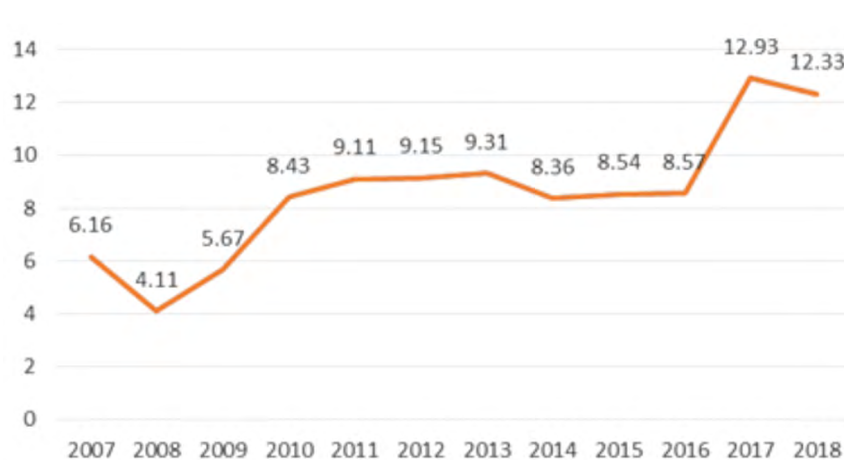
Источник: [11].

Объемы экспорта иранской нефти зависели от двух составляющих: санкции США и квоты ОПЕК. Квоты ОПЕК предполагают закрепление определенного уровня добычи нефти. В результате Иран не может добывать более определенного квотами объема, а значит и наращивать экспорт. Но в данном случае большую роль играют именно санкции, так как рынки сбыта важнее, чем объемы добычи.

Из графика на рис. 6 видно, что во время реализации СВПД с 2014 по 2018 гг. происходил рост экспорта, а значит, и добычи нефти, однако после выхода США из соглашения и возобновления санкций рост сменился резким спадом в 2019 г. Учитывая, что доходы государственного бюджета зависят от доходов от экспорта нефти, закономерен их резкий спад с 2018 г. Общую тенденцию экспорта иллюстрирует приведенный график (рис. 6).

Однако если при составлении бюджета власти Ирана зафиксируют сегодняшний уровень добычи и цен на нефть, увеличат долю остальных секторов в экономике, то им удастся преодолеть существенное снижение доходов государственного бюджета. Экспорт газа из Ирана имеет иную тенденцию, чем экспорт нефти (рис. 7).

Рисунок 7. Экспорт природного газа из Ирана

Источник: [11].

Экспорт газа из Ирана в основном показывал рост, незначительный спад наблюдавшийся в 2014 г., скорее всего, был обусловлен растущим спросом на природное дешевое топливо со стороны европейских стран, Турции и энергетических партнеров Ирана (ОАЭ и Ирак).

Если объединить экспорт нефти и газа, то можно увидеть общие доходы топливно-энергетического комплекса. Снижение экспорта нефти компенсируется ростом экспорта природного газа. Однако экспорт газа, как и экспорт нефти, а следовательно, и общий экспорт показывает снижение объемов, которое будет резко ускорено в условиях падения нефтяного рынка.

По мере старения фонда скважин и истощения действующих нефтяных месторождений прогнозировалось снижение добычи примерно на 240 тыс. баррелей в сутки в год, но это без учета новых негативных факторов.

Особенно остро многие проблемы проявились после выхода США из СВПД. Президент Д. Трамп заявил, что соглашение противоречит интересам Соединенных Штатов.

Ирану пришлось искать пути обхода санкций, так как иностранные компании-инвесторы, опасаясь попадания в американский санкционный список, начали уходить из страны. Оказались приостановлены крупные проекты, например, совместный проект "Анаран" Лукойла и Национальной иранской нефтяной компании. Сотрудничество с ИРИ разорвали французский автомобильный концерн *Peugeot*, французская *Total*, испанские *Repsol* и *Cepsa*, греческая *Hellenic Petroleum*. Опасность для зарубежного бизнеса в данном случае заключается в том, что любое предприятие, сотрудничающее с Ираном, вносится в санкционный список США и теряет возможность осуществлять деятельность на территории Соединенных Штатов.

Некоторые российские компании покинули Иран по тем же причинам. Так поступили, например, Роснефть и Лукойл. Нефтяной рынок ИРИ не является для российского бизнеса самым прибыльным. Потеря более крупных и доходных контрактов в других странах мира в пользу сделок в Иране экономически невыгодна. Однако есть и исключения. В частности, госкорпорация "Росатом" продолжит строить новые блоки АЭС "Бушер", несмотря на санкции.

После объявления Вашингтона о решении не продлевать исключения на покупку иранской нефти для некоторых стран, Китай, Индия, Турция, Южная Корея и Япония полностью прекратили прямые закупки нефти у Ирана.

У иранского правительства был план по борьбе с санкциями и оздоровлению экономики. Оно использовало меры, направленные на развитие бизнеса внутри страны, мобилизацию внутренних ресурсов и поиски обхода торговых ограничений. В числе мероприятий экономической политики, направленной на противостояние санкциям, реализуются, в частности, следующие.

1. Бартерный обмен нефти на товары.
2. Уменьшение налоговых ставок для малого и среднего бизнеса и введение налоговых каникул. Это стимулирует малый и средний бизнес, способствует увеличению его субъектов. Увеличение количества предприятий малого и среднего бизнеса позволит снизить безработицу, и они также внесут свой вклад в ВВП страны.
3. Выпуск долговых облигаций ("сукук") под высокий процент, которые позволят в малые сроки привлечь как внешние, так и внутренние средства на реализацию экономических проектов.
4. Мобилизация всех ресурсов для поддержки предпринимательства и инфраструктуры.
5. Использование посредников для экспорта и импорта товаров.
6. Попытки отказа от американского доллара и осуществления оплаты товаров национальными валютами других стран. Например, в ближайшие годы Армения и Иран планируют отказаться от американского доллара во взаимной торговле и перейти на оплату национальными валютами.
7. Продажа нефти за евро или золото посредством механизма *INSTEX*.
8. Попытки легализации майнинга криптовалют, создание национальной криптовалюты, подкрепленной золотом.

“ЭКОНОМИКА СОПРОТИВЛЕНИЯ”

“Экономика сопротивления” – термин, введенный политическим и научным истеблишментом Ирана, означающий способ борьбы с экономическими санкциями, введенными в отношении одной страны [13]. Смысл такой экономической модели заключается в достижении минимальной зависимости национальной экономики от иностранных государств в сфере обеспечения своих основных потребностей при условиях, когда импорт и экспорт товаров, производимых данной экономикой, сильно ограничен.

“Экономика сопротивления” направлена на создание в ИРИ независимых от внешних поставок отраслей, полном использовании внутренних резервов роста в целях интенсивного развития реального сектора экономики, национального производства. Особое внимание при этом уделяется наукоемким секторам промышленности и отраслям по глубокой переработке углеводородов и другого природного сырья с ориентацией на экспорт [14].

Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи в 2010 г. сформулировал 10 принципов “экономики сопротивления”. Они являются руководством к действию для министерств, правительства и ЦБ Ирана [15].

1. Экономика должна быть динамичной, то есть обеспечивать рост, занятость, повышение производительности труда, сокращение инфляции. Главный критерий – поддержание социальной справедливости.
2. Экономика должна быть способна противостоять любым потрясениям – от санкций и мировых кризисов до природных аномалий.
3. Экономика должна опираться на внутренние возможности: научные, природные, финансовые, географические.
4. Руководить страной нужно так, будто идет джихад, священная война.
5. Необходимо обеспечить широкое участие народа в экономическом развитии – так же, как он участвовал в революции и в войне с Ираком.
6. Необходимо создать резервы продовольствия и стратегических товаров, особенно медикаментов; необходимо достичь самообеспеченности по этим товарам.
7. Необходимо сократить зависимость от нефтяных доходов: “Это одно из главных и важных дел, которое должно быть сделано”.
8. Потребление должно стать рациональным, люди должны отказаться от расточительства: “Мы не призываем людей к аскетизму. Одно дело – употреблять, другое дело – неправильно употреблять. Не должно быть расточительства в потреблении воды, хлеба, продуктов питания, медикаментов, средств жизни”.
9. Борьба с коррупцией: “Главное ее условие – прозрачность. Необходимо, чтобы образовалась конкурентоспособная экономическая атмосфера, потому что только в такой здоровой атмосфере участники экономического процесса будут чувствовать безопасность, и именно в таких условиях исламский строй признает дозволенным накопление богатства”.
10. “Научный джихад” – необходимо взять курс на использование научных достижений, на создание инновационной экономики, устранение всех препятствий, мешающих технологическому прогрессу страны, но в соответствии с исламскими принципами: фетва наложена на клонирование человека, на генетически модифицированные организмы для питания, на применение ядерного оружия.

В целом принципы “экономики сопротивления” больше напоминают политические слоганы, чем реальные методы борьбы с санкциями. Однако они все же акцентируют внимание на таких острых социально-экономических проблемах, как высокий уровень коррупции, инфляция и безработица, зависимость от нефтяных доходов, низкая производительность труда.

Необходимость создания и внедрения “экономики сопротивления” обуславливалась как проблемами, созданными непосредственно санкционным давлением, так и общей сильной зависимостью экономики ИРИ от внешнего мира. Иран не производит многие жизненно важные лекарства, высокоточное оборудование, некоторые товары массового потребления. Одновременно санкции создали ситуацию, когда в условиях ограничения экспорта товаров возник дефицит иностранной валюты. Эти же ограничения создают препятствия для импорта товаров, необходимых для функционирования экономики. В результате общество начало ощущать признаки замедления развития страны, что выразилось в том числе и в снижении

уровня жизни. В этих условиях верховный лидер Ирана увидел выход из ситуации в принятии специфических мер, которые были им разработаны при содействии правительства. Эти меры и получили название “экономики сопротивления”.

Антисанкционные меры в первую очередь нацелены на защиту ключевых секторов экономики. Их эффективность обусловлена тем, что США не удалось довести иранский экспорт нефти и нефтепродуктов до нуля.

Для обхода санкций Иран использовал методы контрабандной торговли. Активно происходило фальсифицирование сопроводительных документов, выдающих иранскую нефть за иностранную, в основном иракскую. Другим способом была перегрузка нефти на иностранные танкеры в нейтральных водах при выключенных навигационных приборах. Особенно активно использовалось привлечение компаний третьих стран для покупки нефти в Иране. Часто второй и третий метод комбинировались.

Одним из главных посредников обхода санкций Ираном являются ОАЭ, а именно Дубай. Эмират отличается либеральный бизнес-климат, географическая близость с Ираном, наличие большого морского порта, а также, что очень важно, – присутствие в Дубае большой иранской диаспоры, имеющей широкую сеть деловых связей.

Легальным и самым популярным способом обхода санкций являются бартерные отношения по типу “нефть–товар”. Посредством этого метода Иран продает нефть России в обмен на продовольственные и сельскохозяйственные товары.

“Экономика сопротивления” базируется на мобилизации внутренних ресурсов, однако по-прежнему формируется под давлением внешних обстоятельств. Мобилизовав все собственные возможности, иранские власти на данный момент не сумели остановить резкий спад и перейти к росту экономики. Сильная зависимость ИРИ от нефти и газа создает трудности для развития экономики страны в целом. Для нее характерна “голландская болезнь”, так как профицит бюджета зависит в большей части от доходов от экспорта нефти.

Вместе с тем до 2017 г. иранская экономика демонстрировала определенный рост. Экспорт нефти не прекращался, некоторые иностранные компании не замораживали и не закрывали свои проекты в Иране, что было связано со снятием санкций после подписания Венского соглашения 15 июля 2015 г.

Страны, заинтересованные в иранской нефти, сами искали пути обхода ограничений. С некоторыми государствами у Ирана наблюдался рост товарооборота, происходил постепенный отказ от американского доллара во внутренних расчетах. Выход США из СВПД обернулся восстановлением санкций, а после отказа Ирана от ядерных обязательств и удара по американской военной базе в Ираке были наложены новые. Их отрицательный эффект не заставил себя ждать: снижение темпов роста ВВП, увеличение безработицы и инфляции, снижение инвестиционной активности, массовые политические забастовки в стране.

На сегодняшний день в связи с распространением коронавирусной инфекции и снижающимися мировыми ценами на нефть экономическая и политическая ситуация в Иране может обостриться. Поскольку экономическая активность и государственные налоговые и экспортные доходы по-прежнему в значительной степени зависят от экспорта нефти и нефтепродуктов, то высокая волатильность цен на нефть, а особенно их резкий спад, вызовет снижение и без того низких нефтяных экспортных доходов иранского бюджета. Учитывая сложившиеся из-за санкций экономические проблемы, новые стрессы приведут к их обострению.

Рост цен на топливо, медикаменты, продовольствие внутри страны неизбежен, и особенно вырастут в цене импортные товары. Фармацевтическая продукция может стать объектом рыночных спекуляций. Система здравоохранения Ирана показала свою неэффективность, ввиду высокой степени заражения и смертности от коронавирусной инфекции. Эту ситуацию обостряют санкции, повлиявшие, в частности, на нехватку систем искусственной вентиляции легких.

Иранский опыт преодоления социально-экономических трудностей не является универсальным, так как возник в особых условиях санкционного давления. В то же время отдельные его компоненты, которые в свое время позволили иранской экономике остаться на плаву, могут пригодиться как самому Ирану, так и другим странам, страдающим от острого глобального кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Вартанян А.М. Приватизация в Иране: успехи и неудачи. Институт Ближнего Востока, 06.10.2010. [Vartanyan A.M. *Privatizatsiya v Irane: uspekhi i neudachi* [Privatization in Iran: Successes and Failures]. Institut Blizhnego Vostoka, 06.10.2010]. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=11452> (accessed 15.02.2020).
2. Reuters обнаружил у аятоллы Хаменеи бизнес-империю стоимостью \$95 млрд [Reuters Discovered Ayatollah Khamenei's \$95 Billion Business Empire (In Russ.)] Available at: <https://www.forbes.ru/news/247148-reuters-obnaruzhil-u-ayatolly-khamenei-biznes-imperiyu-stoimostyu-95-mlrd> (accessed 21.11.2019).
3. Топ-10 стран с самыми большими запасами газа [Top 10 Countries with the Largest Gas Reserves (In Russ.)] Available at: <https://www.vestifinance.ru/articles/60550/print?page=10> (accessed 30.11.2019).
4. Islamic Republic of Iran: 2018 Article IV Consultation – Press Release; Staff Report; and Statement by Executive Director for the Islamic Republic of Iran. Washington, International Monetary Fund, 2018. 70 p. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2018/03/29/Islamic-Republic-of-Iran-2018-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-45767> (accessed 28.02.2020).
5. Iran, Islamic Rep. The World Bank. World Development Indicators (WDI). Available at: <https://data.worldbank.org/country/iran-islamic-rep> (accessed 16.02.2020).
6. Plecher H. Iran – Statistics & Facts. Statista, 06.12.2017. Available at: <https://www.statista.com/topics/2688/iran/> (accessed 03.12.2019).
7. Islamic Republic of Iran. International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Countries/IRN> (accessed 06.12.2019).
8. Iran. The Observatory of Economic Complexity. Available at: <https://oec.world/en/profile/country/irn/> (accessed 03.03.2020).
9. Economic Report and Balance Sheet. Central Bank of the Islamic Republic of Iran (2017–2018). Available at: https://www.cbi.ir/category/EconomicReport_en.aspx (accessed 13.02.2020).
10. Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: Опыт применения и возможности последствия. *Полит. Политические исследования*, 2018, № 4, сс. 56-71. [Timofeev I.N. Sanktsii SShA protiv Irana: Opyt primeneniya i vozmozhnosti posledstviya [US Sanctions Against Iran: Application Experience and Potential Implications.] *Political Studies*, 2018, no. 4, pp. 56-71.]
11. Crude Oil Exports for Iran, Islamic Republic of. Federal Reserve Bank of St. Louis, 28.10.2019. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/IRNNGOCMBD> (accessed 07.12.2019).
12. Iran Natural Gas: Exports. CEIC Data – US. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/iran/natural-gas-exports> (accessed 15.12.2019).
13. *یتمواقم داصتقا زالماک و عماج یفیرعت* [A Comprehensive Definition of a Resistive Economy (In Pers.)] Available at: <https://hawzah.net/fa/Article/View/93717/یتمواقم داصتقا زالماک و عماج یفیرعت> (accessed 19.12.2019).
14. Савинский А.В. Западные санкции и диверсификация: опыт Ирана. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 2018, т. 4(14), вып. 3, сс. 5-13. [Savinskii A.V. Zapadnye sanktsii i diversifikatsiya: opyt Irana [Western Sanctions and Diversification: Iranian Experience]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 2018, vol. 4(14), iss. 3, pp. 5-13.]
15. Мамедова Н.М. Экономика Ирана. Москва, Издательство “МГИМО-Университет”, 2018. 333 с. [Mamedova N.M. *Ekonomika Irana* [Iranian Economy]. Moscow, Izdatel'stvo "MGIMO-Universitet", 2018. 333 p.]

IRAN'S ECONOMIC SITUATION UNDER US SANCTIONS**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 81-93)****Received 27.01.2020.**

Stanislav O. LAZOVSKII (stas-jesin@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-1249-3634,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The history of anti-Iranian sanctions goes back to the late 1970s. Since then economic sanctions have been repeatedly imposed on Iran by various countries and international organizations. The most serious restrictions were introduced by the United States after the Islamic revolution. In 2010 the European Union, as well as Canada, Australia, South Korea and Japan imposed sanctions on Iran. The UN Security Council has adopted several anti-Iranian resolutions, particularly in 2006 and 2010. As a result the country has gained a unique experience of survival under strong foreign pressure.

The Iranian government was trying to introduce reforms in order to cut down dependence on foreign resources and to eliminate structural problems of the economy, i.e. its excessive dependence on oil and gas revenues. The article addresses the economic consequences of the sanctions and the Iranian model of resistance, the 'Economy of Resistance', which is mainly based on self-reliance. It was seen not only as a means to help liberate Iran from the foreign sanctions, but also to propel its own domestic capacities. This experience to a certain extent may turn useful for other countries suffering from the double global crisis – the oil prices meltdown and the spread of the COVID-19.

Keywords: Islamic Republic of Iran, US sanctions, Iranian economic situation, economy of resistance, Joint Comprehensive Plan of Action.

About author:

Stanislav O. LAZOVSKII, Research Assistant, Common Regional Problems Research Group, Laboratory "Center of the Middle East Studies".

DOI: 10.20542/afj-2020-1-81-93

ИЗУЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ИМЭМО РАН

© АРТЕЕВ С.П., 2020

АРТЕЕВ Сергей Павлович, кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора анализа политических изменений и идентичности Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная, 23 (artsp7@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-4335-2850.

Артеев С.П. Изучение европейской интеграции в ИМЭМО РАН.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 94-115. DOI: 10.20542/afj-2020-1-94-115

DOI: 10.20542/afj-2020-1-94-115

УДК: 321.8(4)+339.923(4)

Статья поступила в редакцию 07.04.2020.

В статье рассматривается формирование и развитие научной школы изучения европейской интеграции в ИМЭМО РАН. Источниковая основа работы состоит преимущественно из статей и монографий сотрудников ИМЭМО в данном предметном поле исследований, начиная с момента создания Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1956 г. Теоретико-методологический базис исследования включает проблемно-хронологический и генерационный методы. Помимо этого, была проведена серия экспертных интервью с учеными, в сфере научных интересов которых европейская интеграция занимает важное место. На основе обобщения материалов источников и оценок, полученных в ходе интервью, автор доказывает, что изучение европейской интеграции в ИМЭМО развивалось как систематическое комплексное полидисциплинарное направление исследований.

Ключевые слова: ИМЭМО, региональная интеграция, Европа, европейская интеграция, Общий рынок, Европейский союз, СЭВ.

Во второй половине XX в. региональная интеграция стала феноменом, который во многом определяет облик современного мира. Исследования этого явления стали важным научным трендом. Изучение европейской интеграции в Институте мировой экономики и международных отношений РАН (до 1991 г. – Академии наук СССР) имеет длительную историю и является ровесником самого института [1]. Можно говорить о нескольких поколениях не только исследователей, но и исследований европейской интеграции в ИМЭМО (подробнее см. табл. 1).

Как и большинство наиболее употребительных понятий в международно-политическом научном дискурсе, термин “интеграция” не имеет однозначной трактовки. Один из старейших российских исследователей интеграционных процессов Ю.В. Шишков отмечает, что по своей природе интеграция – это нарастающая взаимосвязанность, взаимозависимость и взаимообусловленность различных стран в экономическом и политическом отношениях [2]. Данная дефиниция носит общий характер, но она точно передает сущность явления.

Как известно, европейская интеграция признается в качестве классической модели интеграции. При этом европейский интеграционный опыт уникален, но не универсален. Хотя большинство интеграционных проектов на других континентах так или иначе ориентировались на европейскую модель, ни одному из них не удалось приблизиться к ней по уровню, глубине

и охвату сфер. При этом можно констатировать, что внимание к европейским интеграционным процессам со стороны международного академического сообщества постоянно возрастает.

В нашей стране научное изучение интеграционных процессов в Западной Европе началось сразу же, как только были анонсированы и стали реализовываться соответствующие проекты – Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, 1951 г.), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом, 1957 г.), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, 1957 г.), Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ, 1960 г.).

В период существования Советского Союза изучение интеграционных процессов в Европе сосредоточилось прежде всего в институтах Академии наук СССР [3]. Можно выделить два основных научных центра по изучению интеграции. В роли флагманов выступали Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР (основан в 1956 г.) и Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР (образован в 1960 г.). В позднесоветский период появился еще один мощный академический центр по изучению интеграционных процессов – созданный в 1987 г. Институт Европы АН СССР, в который из ряда ведущих институтов Академии наук и университетов перешли многие крупные специалисты по европейской истории, политике и экономике. Нельзя не упомянуть и отдельных крупных исследователей, трудившиеся в других организациях и также внесших свой значительный вклад в изучение интеграции. Среди них Ю.А. Борко, работавший в 1970–1980 гг. в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, а до того бывший сотрудником ИМЭМО [4], Л.И. Глухарев из МГУ им. М.В. Ломоносова, Л.М. Энтин [5] и В.Б. Княжинский из МГИМО.

После распада Советского Союза в 1991 г. интеграционные исследования стали активно развиваться не только в академических институтах, но и в вузах. МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН и ВШЭ сформировали свои научные школы по интеграционистике. В 1992 г. была образована Ассоциация европейских исследований (АЕВИС)¹, в фокусе научных разработок которой интеграционные процессы занимают важное место [6]. Ключевую роль в создании АЕВИС сыграл Центр документации ЕЭС в Институте Европы РАН, созданный в сентябре 1991 г.² Начиная с 1990-х годов именно Институт Европы РАН становится ведущим координационным центром по европейским исследованиям в России.

Во времена СССР интеграция как явление разделялась по социально-экономическому и политико-идеологическому принципам. Социалистическая интеграция, в которой ключевую роль играл Советский Союз, противопоставлялась капиталистическим интеграционным процессам, которые развивались прежде всего в Западной Европе.

ИМЭМО АН СССР стал первым научным центром Советского Союза, в котором западноевропейская интеграция стала изучаться на систематической основе. Печатный орган института – журнал “Мировая экономика и международные отношения” (МЭМО) – на протяжении всего советского периода активно публиковал аналитические статьи, рецензии и статистические справки касательно европейских интеграционных инициатив и их реализации (см. табл. 1). Журнал стал, по сути, главной в Советском Союзе площадкой в области изучения региональной интеграции, публикуя результаты исследований не только научных сотрудников ИМЭМО, но и исследователей из других научных и научно-образовательных организаций СССР.

Интересно, что в конце 1950-х годов сам термин “интеграция” в научных публикациях повсеместно брался в кавычки. С одной стороны, это было связано с его новизной – он только вводился в научную речь и не являлся общеупотребительным среди специалистов-международников [2, с. 15]. Однако в этом также отражался и скепсис относительно европейского интеграционного проекта. Тем не менее обращает на себя внимание, что публиковавшиеся статьи отличаются качественной проработкой источников, скрупулезным анализом зарубежной исследовательской литературы и богатой привлекаемой фактологией.

¹ Ассоциация европейских исследований. Available at: <http://aevis.ru/> (accessed 03.11.2019).

² EDC. Центр документации ЕС Института Европы РАН. Available at: <http://www.edc-aes.ru/> (accessed 01.02.2020).

Таблица 1. Тематика европейской интеграции в журнале "Мировая экономика и международные отношения"³

Год	Общее количество публикаций	Аналитические статьи	Другое (рецензии, обзоры, статистика, круглые столы, конференции)
1957	4	3	1
1958	1	1	-
1959	26*	6	22
1960	5	5	-
1961	6	5	1
1962	9	5	4
1963	13	13	-
1964	7	7	-
1965	9	9	-
1966	2	2	-
1967	2	2	-
1968	12	5	7
1969	5	4	1
1970	4	1	3
1971	2	2	-
1972	7	5	2
1973	4	3	1
1974	3	1	2
1975	7	4	3
1976	5	3	2
1977	4	4	-
1978	3	3	-
1979	4	3	1
1980	6	3	3
1981	5	4	1
1982	6	5	1
1983	7	3	4
1984	7	4	3
1985	6	1	5
1986	4	2	2
1987	7	3	4
1988	3	1	2
1989	4	3	1
1990	12	11	1
1991	8	8	-
1992	4	4	-
1993	4	4	-
1994	6	5	1
1995	4	4	-

* В основном короткие сообщения.

³ Подсчет имеет приблизительный характер, так как прежде всего учитывались публикации, которые однозначно относятся к интеграционной проблематике. Рассчитано автором.

1996	7	5	2
1997	5	3	2
1998	3	21	1
1999	8	7	1
2000	3	3	-
2001	4	3	1
2002	12	11	1
2003	8	7	1
2004	7	6	1
2005	16	14	2
2006	11	11	-
2007	16	15	1
2008	8	8	-
2009	8	8	-
2010	14	14	-
2011	10	8	2
2012	17	15	2
2013	8	8	-
2014	26	23	3
2015	23	19	4
2016	7	6	1
2017	16	13	3
2018	21	18	3
2019	14	11	3

Следует отметить, что в советских общественных науках (в том числе и в работах по региональной интеграции) считалось само собой разумеющимся соблюдать идеологические императивы марксизма-ленинизма, следовать принципу партийности (то есть учитывать официальную позицию КПСС) и ориентироваться на проводимую страной внешнюю политику. У некоторых исследователей эта сторона дела была превалирующей. Но серьезные ученые стремились компенсировать ее высоким уровнем научного анализа как такового. В советском научном дискурсе профессиональный анализ иногда просто «оборачивался» в идеологический антураж. Кроме того, при знакомстве с публикациями ученых заинтересованная публика умела отделять идеологию от науки, что предопределило значимость исследований по интеграционным процессам на долгие годы вперед. Новые поколения научных сотрудников ИМЭМО АН СССР, пришедшие в институт в 1970–1980-е годы, вообще старались свести принцип партийности к минимуму, были менее подвержены идеологической индоктринации и стремились руководствоваться установкой: «Писать, что происходило на самом деле»⁴.

Всего можно выделить три периода в изучении интеграции в ИМЭМО АН СССР в 1950–1980-е годы:

- 1) капиталистическая интеграция между отрицанием и признанием (1957 – начало 1960-х годов);
- 2) интеграция в контексте соревнования двух систем (1960-е – середина 1980-х годов);
- 3) европейская интеграция и реформирование Советского Союза (1985–1991 гг.)

⁴ Интервью с д.и.н., профессором, академиком РАН В.Г. Барановским, руководителем научного направления, членом Дирекции ИМЭМО РАН. 26.12.2019.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МЕЖДУ ОТРИЦАНИЕМ И ПРИЗНАНИЕМ (1957 – НАЧАЛО 1960-Х ГОДОВ)

Интерпретация международных процессов учеными во многом зависела от официальной позиции партии и правительства⁵, которая в свою очередь опиралась на труды классиков марксизма-ленинизма. В 1915 г. В.И. Ленин написал статью, где обосновал тезис, по которому европейская интеграция при капитализме может иметь или реакционный характер, или ее не может быть вовсе [7]. В том числе и поэтому западноевропейские интеграционные проекты 1950-х годов изначально получили резко негативную реакцию советского руководства. Свежая память о чудовищных потерях сторон в ходе Второй мировой войны также способствовала настороженному отношению советской партийной элиты к объединительным усилиям со стороны ведущих европейских капиталистических государств – бывших военных союзников и противников.

Тем не менее руководящие партийные и советские органы нуждались в профессиональном анализе новой ситуации в Западной Европе, что побудило их одобрить развертывание интеграционных исследований, прежде всего в только что созданном ИМЭМО АН СССР [6]⁶. При этом важно, что советское руководство испытывало потребность в получении научных данных о западноевропейской интеграции не как о самостоятельном явлении, а в качестве одного из аспектов эволюции капитализма, частью которого она являлась. Высшее политическое руководство Советского Союза стремилось понять, “как идет развитие капитализма?”⁷.

Естественно, что в “ранний период” исследователи, среди которых были и “отцы-основатели” ИМЭМО, пытались осмыслить причины появления интеграционных объединений в Европе [8; 9; 10; 11; 12]. Общим знаменателем большинства публикаций конца 1950-х – начала 1960-х годов был скепсис [13]. В этот период европейская интеграция интерпретировалась преимущественно как новый виток развития империализма [14; 15]. Негативные оценки во многом были обусловлены господствующей идеологией и необходимостью учитывать в выводах “генеральную линию партии”, зафиксированную в ряде документов КПСС.

При этом четко прослеживается, насколько ИМЭМО быстро реагировал на происходящие в мире изменения. Римский договор об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) стал предметом обсуждения в ИМЭМО уже в апреле 1957 г. – то есть когда с момента его подписания не прошло и месяца [16]. Оценки, прозвучавшие на этом обсуждении, носили преимущественно негативный характер: проект Вашингтона, антисоветская направленность ЕЭС, “сговор монополий”, отсутствие перспектив [16]. Единственный, кто занял иную позицию, был академик Е.С. Варга, возглавлявший в 1927–1947 гг. Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР⁸ – предтечу ИМЭМО. Он полагал, что западноевропейская интеграция – это объективный экономический процесс [16]. Вероятно, авторитет Варги способствовал тому, чтобы была проведена серия совещаний с учеными из других социалистических стран.

Позднее регулярные консультации с учеными из стран соцлагеря станут традицией. Помимо этого, особую значимость приобретут и дискуссионные встречи с исследователями интеграции из капиталистических стран – США, Великобритании, ФРГ, Франции [6, сс. 327, 331]. В 1959 г. на базе ИМЭМО была проведена научная конференция «*Общий рынок*» и его роль в экономике и политике современного империализма» [16]. Материалы конференции

⁵ В Советском Союзе широко была распространена практика, когда аналитические материалы по запросу органов государственной власти получали гриф “Для служебного пользования” (ДСП). С одной стороны, это исключало их свободное распространение и нанесение рядовому читателю “идеологического вреда”, с другой, позволяло руководящим лицам сформировать более полную картину происходящего, чтобы иметь возможность принимать взвешенные решения.

⁶ Интервью с д.полит.н., зав. Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН Н.К. Арбатовой. 27.12.2019.

⁷ Интервью с академиком В.Г. Барановским. 26.12.2019.

⁸ Институт Варги был расформирован после того, как наметились серьезные идеологические расхождения между И.В. Сталиным и Е.С. Варгой по вопросу о положении и перспективах капитализма после окончания Второй мировой войны. Следует отметить, что прогноз Варги о стабилизации и дальнейшем поступательном развитии экономики капиталистических стран оказался верным.

опубликованы в журнале “Мировая экономика и международные отношения”. В результате уже в конце 1950-х годов в ИМЭМО АН СССР на уровне руководства во главе с директором института академиком А.А. Арзуманяном был признан *объективный* характер европейских интеграционных процессов [9; 17].

Благодаря стараниям академиков Варги и Арзуманяна удалось “легитимизировать” интеграционные исследования как важную составляющую экономических и социогуманитарных исследований в СССР. Это видно на примере тезисов ИМЭМО АН СССР 1957 и 1962 гг., опубликованных в журнале “Мировая экономика и международные отношения” и главном печатном органе ЦК КПСС газете “Правда”. Идеологическая составляющая, преобладавшая в тезисах 1957 г. [18], уступила место более взвешенному научному подходу в тезисах 1962 г. [19] Более того, **западноевропейская интеграция не только была “принята”, но и стала одной из ведущих научных тем в ИМЭМО** [20; 21; 22; 23].

Следует отметить, что изменения международной обстановки также поспособствовали “легитимации” изучения европейской интеграции. Дело в том, что вслед за Европой межгосударственные объединения интеграционного типа стали появляться в Латинской Америке, Азии и Африке. Некоторые из государств Третьего мира тесно взаимодействовали с СССР. Таким образом, жесткая критика интеграции в качестве империалистического, милитаристского феномена могла создать сложности для советской внешней политики [24].

Советские интеграционные исследования еще на этапе становления в ИМЭМО отличались междисциплинарностью. Например, политические аспекты западноевропейской интеграции стали изучаться параллельно экономическим практически сразу же [25]. В силу изначально экономического характера протекавших интеграционных процессов основной упор делался на экономику, и именно экономисты-международники составили костяк экспертов по интеграции в советской науке 1950–1970-х годов.

Таким образом, на рубеже 1950–1960-х годов в ИМЭМО АН СССР стало формироваться новое направление научных исследований, связанное с изучением западноевропейской интеграции. Идеологические ограничения оказывали негативное влияние на эти исследования, но осознаваемая в высших политических кругах необходимость иметь ясную и полную картину происходящего в мире и в Европе позволила ученым из ИМЭМО начать разработку своих подходов к пониманию интеграционных процессов. При этом изучение интеграции не имело прочной институциональной основы в виде специализированных подразделений.

Важно подчеркнуть тенденцию к международному сотрудничеству по проблематике интеграции с исследователями из стран социалистического содружества. Первое поколение интеграционных исследований – время признания объективного характера этих процессов и легитимация интеграции в качестве перспективного направления деятельности ИМЭМО.

ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОРЕВНОВАНИЯ ДВУХ СИСТЕМ (1960-Е – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГОДОВ)

Активизация деятельности Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в 1960-е годы привела к формированию в советской науке научно-исследовательской дихотомии. Теперь реализация европейских интеграционных проектов сравнивалась с социалистической интеграцией, которая, согласно официальной позиции, являлась новым этапом развития социализма во всемирном масштабе⁹. Интеграция стала одной из сфер в соревновании двух систем¹⁰. В связи с этим можно говорить о

⁹ Брежнев Л.И. Из речи на торжественной сессии Государственного Собрания Венгерской Народной Республики, посвященной 25-летию освобождения Венгрии Советской армией от фашистского ига. 3 апреля 1970 г. *Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе. Речи и доклады*. Москва, Политиздат, 1975. Т.1. 384 с.; СЭВ. *Основные документы Совета экономической взаимопомощи*. Москва, б.и., 1970. 48 с.

¹⁰ В журнале “Мировая экономика и международные отношения” появилась даже специальная рубрика “Страны социализма и соревнование двух систем”.

делении предметного поля советских интеграционных исследований на две части: социалистическая интеграция (которую специально изучал Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР) и интеграция капиталистическая (на которой сфокусировался ИМЭМО). Благодаря этому сравнительный анализ стал характерной чертой советских интеграционных исследований 1960–1980-х годов [26; 27; 28], а журнал “Мировая экономика и международные отношения” выступил в качестве площадки-агрегатора результатов исследований для обоих институтов.

Наряду с этим продолжалась дифференциация западноевропейских интеграционных исследований. Сформировалось несколько направлений в изучении западноевропейской интеграции, перечень которых в последующие периоды будет только расширяться:

- страноведческое;
- общетеоретическое [29; 30; 31; 32];
- экономическое по отдельным аспектам [33; 34; 35];
- социальные и политические аспекты европейской экономической интеграции [36; 37; 38];
- внешнеполитическое измерение европейской интеграции, в том числе и за пределами Европы [39; 40; 41].

Каждое из этих направлений, которые зачастую переплетались между собой, было сформировано плеядой талантливых исследователей. Особо следует выделить страноведческий аспект, который отмечен именами Д.Е. Меламида [42]¹¹, Д. Маклэйна¹² [43], Е.С. Хесина [44; 45], Р.А. Новикова [46]. Дело в том, что кадровый состав научных сотрудников ИМЭМО в 1950–1970-е годы преимущественно состоял из специалистов-страновиков. Функциональное деление появилось позже. Общетеоретическое осмысление интеграции осуществлялось усилиями таких ученых, как М.М. Максимова [47; 48], И. Соколов [49], Ю.И. Юданов [50; 51; 52], В.Б. Княжинский [53]. Экономическая составляющая интеграции составляла сферу интересов таких известных экономистов, как Ю.В. Шишков [31; 54; 55]. Роль западноевропейской интеграции для других стран изучалась Э.В. Кириченко [41]. Как впоследствии отмечал Ю.В. Шишков, отечественная теория интеграции с самого начала отличалась от западной тем, что ключевое внимание обращалось не на формальную (нормативно-правовую), а содержательную сторону процесса [24]. В полной мере это проявилось и в трудах сотрудников ИМЭМО.

К 1970-м годам объем проведенных исследований по интеграции позволил выйти на крупные обобщающие работы (список основных трудов ИМЭМО по теме европейской интеграции помещен в Приложении). В это время советские ученые стали регулярно выпускать индивидуальные и коллективные монографии по интеграционным исследованиям, и ИМЭМО принял в этом самое активное участие [56; 57; 58; 59]. М.М. Максимова, Ю.В. Шишков и В.Г. Барановский стали признанными экспертами в этой сфере. Ученым-экономистам ИМЭМО удалось предложить систему критериев (факторов) для оценки эффективности региональных интеграционных объединений [60]. При этом количество книг, посвященных западноевропейской интеграции, по сравнению с трудами по интеграции социалистической, было значительно меньше. Помимо прочего это было связано еще и с пропагандистской составляющей, которой западноевропейская интеграция, по понятным причинам, не обладала.

Характерно, что исследования политических аспектов европейской интеграции активно развивались в ИМЭМО еще задолго до того, как ЕЭС превратился в ЕС как объединение с мощной наднациональной политической надстройкой, то есть в определенном смысле институт работал на опережение.

¹¹ Меламид Даниил Ефимович (1916–1993) – один из ведущих советских экспертов по истории и политике Германии. Публиковался под псевдонимом Д.Е. Мельников.

¹² Маклэйн Дональд (1913–1983) – британский дипломат. С 1934 г. сотрудничал с советской разведкой (член так называемой Кэмбриджской пятерки). С 1951 г. проживал в СССР. В 1961–1983 гг. работал в ИМЭМО. Публиковался под псевдонимом С. Мадзоевский.

Итоги исследования западноевропейской интеграции второго поколения, то есть периода 1960-х – первой половины 1980-х годов, характеризуются выраженным сопоставлением (в форме противопоставления) с социалистической интеграцией, происходит дифференциация на множество направлений, появляется ряд знаковых обобщающих работ. И именно в этот период в ИМЭМО **происходит формирование междисциплинарной школы** по изучению интеграции.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1985–1991 ГГ.)

Перестройка, провозглашенная М.С. Горбачевым, оказала сильное влияние на советскую науку, особенно на социогуманитарные дисциплины. “Новое политическое мышление” как платформа для реализации советского внешнеполитического курса ослабила необходимость обязательной “ритуальной” критики западноевропейской интеграции. Более того, реализм и либерализм как основные парадигмы теории международных отношений к концу 1980-х годов фактически проникли и в интеграционные исследования советских ученых. М.М. Максимова прямо указывает, что на становление отечественной теории интеграции еще в 1960–1970-е годы сильное воздействие оказали труды западных ученых, особенно экономистов, придерживающихся неолиберальных и неокейнсианских взглядов [60]. Как известно, теория европейской интеграции базируется на концепциях федерализма, классического функционализма и неофункционализма¹³. Важное значение имело и установление прямых отношений между СССР и ЕЭС в 1989 г.¹⁴ В финальный период перестройки, в 1989–1991 гг., незадолго до краха Советского Союза, опыт западноевропейской интеграции актуализировался в качестве возможной основы по вопросам взаимодействия между республиками обновленного СССР, хотя исследователи и указывали на принципиальные различия¹⁵.

В результате тональность публикаций постепенно становилась более нейтральной [61; 62], а идеологический компонент исчезал. Европейские исследования в Советском Союзе в 1980-е годы постепенно институционализировались в отдельное направление, кульминацией этих процессов стало появление Института Европы АН СССР. В немалой степени институционализации европейских исследований в советской науке способствовал Хельсинкский заключительный акт 1975 г., гуманитарный раздел которого актуализировался на фоне перестройки.

Направления изучения европейской интеграции в целом сохранились те же, что и в 1970-е годы. Больше внимания стало уделяться вопросам возможного включения в Сообщество новых стран-участниц. Расширение ЕЭС, происходящее волнами с начала 1970-х годов, является серьезным испытанием на прочность для наднациональных европейских институтов. И ученые ИМЭМО по-прежнему внимательно отслеживали эти процессы [62]. Экономическое направление исследования европейской интеграции оставалось доминирующим. Вышло несколько значимых трудов [63; 64; 65]. Как и в 1950-е годы ИМЭМО продолжал сотрудничество с учеными из стран соцлагеря [62]. Тезисы ИМЭМО АН СССР 1989 г. можно считать одновременно и развитием, и концептуальным пересмотром позиции института, сформированной тремя десятилетиями ранее [66].

В то же время во второй половине 1980-х годов в интеграционных исследованиях явно усилился политологический компонент [67; 68]. При этом политологи и экономисты стремились к совместной публикации результатов своих научных исследований [59]. Важно отметить, что до 1990-х годов политические аспекты западноевропейской интеграции были весьма тесно

¹³ Интервью с Н.К. Арбатовой. 27.12.2019.

¹⁴ *Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве от 18 декабря 1989 года.* Справочная правовая система “КонсультантПлюс”. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5433&dst=100009#043548768601856647> (accessed 21.12.2019).

¹⁵ Интервью с академиком В.Г. Барановским. 26.12.2019.

сопряжены с военно-политической проблематикой¹⁶. Зачастую исследователи политической компоненты ЕЭС являлись специалистами в сфере международной безопасности, и для них западноевропейская интеграция выступала в качестве парной темы к военной проблематике. В качестве примеров можно привести деятельность сотрудников ИМЭМО В.Г. Барановского и Н.С. Кишилова. Немаловажно и то, что к середине 1980-х годов ЕЭС стал восприниматься в ИМЭМО как международно-политический актор [69].

Третье поколение интеграционных исследований в ИМЭМО отмечено существенными теоретико-методологическими изменениями, связанными с процессами деидеологизации под влиянием переломных международно-политических событий и прекращением конфронтации между Западом и СССР.

В целом, в 1950–1980-е годы в ИМЭМО АН СССР **интеграционные исследования** развивались поступательным образом, несмотря на идеологический прессинг, и **приобрели стратегическую направленность**. Междисциплинарность проявила себя уже в первом-втором поколении исследований и усилилась в третьем. Наконец, школа интеграционных исследований ИМЭМО укрепила свое влияние внутри института и научном сообществе в целом.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПОСЛЕ 1991 Г. И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИМЭМО РАН

Распад Советского Союза и прекращение существования биполярной системы международных отношений оказали глубокое воздействие на российское общество. Иначе стали осуществляться и научные исследования.

В новых условиях проблематика интеграционных исследований стала весьма востребованной в связи со стремлением к налаживанию широкого взаимодействия России с Западом, в том числе со странами, входящими в ЕЭС/ЕС. Не стоит забывать и о многочисленных проектах реинтеграции на пространстве бывшего СССР. Изучение интеграции стало гораздо активнее проводиться в высшей школе, особенно преуспели в этом МГИМО, НИУ ВШЭ, РУДН, СПбГУ. Среди региональных вузов можно особо выделить Пермский государственный университет¹⁷. Университеты стремились выйти на ранее слабо исследованные аспекты [70] и активнее развивать сотрудничество с западными университетами, научными центрами и фондами. В каком-то смысле после распада Советского Союза вузы сумели перехватить инициативу в интеграционных исследованиях по ряду направлений у академической науки¹⁸. Это было связано в том числе с программами взаимодействия с вузовской наукой, которые реализовывал ЕС, в частности, такие известные программы как TACIS¹⁹ и “Жан Моне” (как часть программы Эразмус+)²⁰. Впрочем, институты РАН, в том числе ИМЭМО, также участвовали в программе “Жан Моне”, хотя и на вторых ролях²¹. Среди академических учреждений лидером интеграционных исследований стал Институт Европы РАН. Во-первых, вследствие своего профиля. Во-вторых, органы власти и управления ЕЭС/ЕС активно сотрудничали с Институтом Европы РАН, прагматично пытаясь усилить свое влияние в постсоветской России.

¹⁶ Во второй половине 2010-х годов на фоне кризисных явлений в НАТО и ЕС произойдет ренессанс изучения роли военно-политической составляющей в жизни объединенной Европы.

¹⁷ Научно-образовательный центр по европейской интеграции при Пермском государственном национальном исследовательском университете. Available at: <http://www.polit.psu.ru/integration.htm> (accessed 30.12.2019).

¹⁸ Интервью с Ю.Д. Квашниным, к.и.н., руководителем Центра европейских исследований (ЦЕИ) ИМЭМО РАН и А.М. Волковым, к.э.н., зав. Сектором экономики европейских стран ЦЕИ ИМЭМО РАН. 22.01.2020.

¹⁹ The European Commission's Tacis Programme. Official website of the European Union. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/tacis_success_story_final_en.pdf (accessed 05.04.2020).

²⁰ Программа Jean Monnet. Национальный офис Erasmus+ в России. Available at: <http://erasmusplusinrussia.ru/index.php/ru/jean-monnet> (accessed 05.04.2020).

²¹ Татьяна Андреева приняла участие в международном семинаре. ИМЭМО РАН. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3003 (accessed 05.04.2020).

Несмотря на споры о том, насколько давно появилась политическая наука в России, вплоть до конца 1980-х годов в Советском Союзе отсутствовала реальная возможность для развития политологии в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины. Во времена СССР политологические исследования были, а политологии не было. Естественно, что в новых условиях российские политологи обратились к зарубежному, прежде всего западному опыту реализации политологических исследований. Конечно, это означало и использование теорий и методов политической науки в том виде, в каком они сформировались на Западе. Заимствованная теоретико-методологическая база применялась на российском и зарубежном эмпирическом материале. Такая ситуация повлияла и на интеграционные исследования.

В связи с тем, что после заключения и вступления в силу Маастрихтского договора и преобразования ЕЭС в ЕС в 1992–1993 гг. европейская интеграция приобрела еще и более выраженное институализированное политическое измерение, российские политологи, в отличие от советского периода, также стали гораздо активнее вовлекаться в изучение этих процессов. Все более усиливающиеся наднациональные органы власти и управления ЕС создавали совершенно новую конфигурацию на политическом пространстве Европейского союза, что требовало научного осмысления.

Можно говорить о коренной смене исследовательской парадигмы в общественных науках в 1990-е годы. В результате идейный и теоретико-методологический плюрализм стал нормой для постсоветских поколений интеграционных исследований. Как и в советский период, после 1991 г. и вплоть до наших дней исследования европейской интеграции в ИМЭМО РАН проводятся силами нескольких независимых друг от друга подразделений. Особо следует отметить Отдел европейских политических исследований (ОЕПИ)²², Центр европейских исследований (ЦЕИ)²³ и Отдел международно-политических проблем (ОМПП)²⁴, хотя и другие подразделения также изучают отдельные аспекты европейской интеграции. ЦЕИ в большей степени сосредоточен на социальных и экономических аспектах интеграции в Европе, ОЕПИ занимается в первую очередь международно-политической проблематикой, а ОМПП вносит значительный вклад в разработку институциональной проблематики, в том числе через призму интеграционной теории. Такая внутриорганизационная конкуренция позволяет охватить больше аспектов и предложить разные ракурсы при изучении феномена ЕС²⁵.

Как и в случае с советской эпохой, изучение европейской интеграции в ИМЭМО после распада СССР можно разделить на несколько периодов, каждому из которых соответствует свое поколение исследований:

- 1) западная методологическая экспансия: ЕС и “новая” Россия (1990-е годы);
- 2) европейская интеграция и евразийская интеграция: в поисках своей модели (2000-е годы – настоящее время).

ЗАПАДНАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ: ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И “НОВАЯ” РОССИЯ (1990-Е ГОДЫ)

Наука о международных отношениях в России как междисциплинарная исследовательская область оказалась в сложном положении в 1990-е годы. Возможность вести научный поиск без необходимости втискивать полученные результаты в прокрустово ложе официальной идеологии осложнялась тотальным недофинансированием со стороны государства. В этих условиях сотрудничество с западными научно-исследовательскими

²² Отдел европейских политических исследований. ИМЭМО РАН. Available at: <https://www.imemo.ru/about/structure/european-political-studies> (accessed 05.04.2020).

²³ Центр европейских исследований. ИМЭМО РАН. Available at: <https://www.imemo.ru/about/structure/european-studies> (accessed 05.04.2020).

²⁴ Отдел международно-политических проблем. ИМЭМО РАН. Available at: <https://www.imemo.ru/about/structure/international-political-problems> (accessed 05.04.2020).

²⁵ Интервью с Ю.Д. Квашиным и А.М. Волковым. 22.01.2020.

центрами приобрело особую значимость. Однако потока западных грантов в ИМЭМО РАН в 1990-е годы не наблюдалось. Превалировали личные международные контакты, что в какой-то мере компенсировало недостаток сотрудничества на уровне организаций.

По мнению Н.К. Арбатовой, наибольший интерес для российских исследователей интеграционной тематики представляли научные контакты с такими учреждениями, как Институт Европейского союза по изучению вопросов безопасности, Фонд Робера Шумана и Институт Жака Делора в Париже, Центр европейских политических исследований и Королевский институт международных отношений "Эгмонт" в Брюсселе, Центр европейских реформ в Лондоне, другие головные научно-исследовательские центры стран – членов ЕС²⁶. Ученые-европеисты ИМЭМО взаимодействуют со своими зарубежными коллегами из обозначенных организаций, чтобы "преодолевать пещерные антиевропейские и антизападные рецидивы прошлого"²⁷. Активное налаживание связей с зарубежными коллегами стало важной стороной развития российской науки в 1990-е годы.

В то же время российские политологи и экономисты встали перед необходимостью освоения нового теоретико-методологического инструментария. Конечно, прежде всего речь шла о применении западных теорий и методов. В то же время школа ИМЭМО уже обладала достаточной устойчивостью и зрелостью [23; 57], чтобы не идти по пути механического копирования зарубежных подходов. Еще в советский период в ИМЭМО были сформированы собственные подходы к европейской интеграции, опирающиеся на широкое применение междисциплинарности и критическом анализе наблюдаемых тенденций.

В 1990-е годы асимметрия между изучением экономических и политических аспектов европейской интеграции, характерная для периода 1950–1980-х годов, выровнялась. Продолжала изучаться и международно-политическая субъектность ЕС [71]. Более того, новые рубежи междисциплинарности были связаны уже не только с комплексным анализом экономических и политических процессов, но и переходом к рассмотрению социокультурных аспектов европейской интеграции [72].

Четвертое, первое постсоветское, поколение интеграционных исследований в ИМЭМО отмечено инкорпорацией западных теоретико-методологических инструментов в исследовательскую парадигму, усилением международных научных связей и необходимостью работать в трудных социально-экономических условиях.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: В ПОИСКАХ СВОЕЙ МОДЕЛИ (2000-Е ГОДЫ – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

Изменившиеся экономические реалии и ротация высших политических элит в России на рубеже веков привели к тому, что в первое десятилетие XXI в. при новом руководстве во главе с президентом В.В. Путиным произошла корректировка внешнеполитического курса. РФ стала позиционировать себя в качестве одного из центров формирующегося полицентричного мира. При этом различные интеграционные проекты на постсоветском пространстве стали рассматриваться как важнейшие источники увеличения ресурсного потенциала России и роста ее влияния на международной арене.

К тому времени Евросоюз уже включил в свой состав бывшие государств соцлагеря из Центральной и Юго-Восточной Европы. Хотя это и привело к дополнительным сложностям, но в то же время продемонстрировало высокий адаптивный потенциал "старой Европы", институтов и органов ЕС. В результате произошел своеобразный возврат к интеграционному компаративизму 1960-1980-х годов, но теперь в работах российских экспертов сравниваются не ЕЭС и СЭВ, а ЕС и различные проекты интеграции на постсоветском пространстве, оцениваются их перспективы. В первую очередь, Союзное государство России и Беларуси и, особенно, евразийские интеграционные структуры: ЕврАзЭС (2001–2014 гг.), Таможенный

²⁶ Интервью с Н.К. Арбатовой. 27.12.2019.

²⁷ Там же.

союз (2010–2014 гг.), ЕАЭС (2015 – настоящее время). Впрочем, популярная в 1990-х годах идея о том, что СЭВ являлся квазиинтеграционным объединением и его опыт не может быть полезным, сегодня не воспринимается как однозначно верная. Некоторые исследователи выступают за комбинированный подход. По их мнению, опыт СЭВ, наряду с опытом ЕЭС/ЕС, являются взаимодополняемыми и могут быть успешно применены при осуществлении евразийских интеграционных инициатив²⁸. По сути здесь речь идет о теории конвергенции П. Сорокина, но не на уровне систем государств, а на уровне систем интеграционных объединений.

Взаимодействие власти и научного сообщества по вопросам европейской интеграции претерпело существенные изменения по сравнению с советским периодом. Помимо традиционной экспертно-аналитической поддержки, в стране была создана система научных фондов, которые выделяют гранты, в том числе и на исследования европейской интеграции.

Новый, грантовый способ финансирования позволил ИМЭМО осуществить множество исследовательских проектов в начале XXI в. Обращает на себя внимание дальнейшее расширение спектра изучаемых тем в рамках проблематики европейской интеграции. Помимо традиционных страновой и субрегиональной тематики [73; 74; 75; 76; 77], гораздо активнее начинают изучаться институциональные основы самого мощного наднационального объединения в мире [78; 79; 80]. Большое внимание уделяется и новым вызовам ЕС – сепаратизму и усилению общественных настроений за выход некоторых стран из ЕС, формированию общей экономической, оборонной и внешней политики в условиях нестабильности, украинскому кризису [81; 82; 83; 84; 85; 86]. Особое внимание в последние годы уделялось миграционному кризису и перспективам его регулирования, политике интеграции мигрантов [87; 88]. Экономические и социальные аспекты интеграционных процессов рассматриваются как в страновом, так и в проблемном ключе [89; 90; 91; 92], важным направлением исследований стала динамика государства благосостояния, его распространение с национального на общеевропейский уровень²⁹. Традиционно уделяется внимание истории, текущему состоянию и возможным перспективам взаимодействия России и ЕС [93; 94; 95].

В изучении интеграционных процессов в XXI в. выделилось направление по исследованию их неинституциональных аспектов, динамики общественного сознания. Особое место в исследованиях последних лет занимает проблематика идентичности [96; 97]. Рост популизма и евроскептических настроений, подъем национализма и динамика настроений элитных и массовых групп вносит коррективы в повестку дня европейского строительства: эти сдвиги находятся в центре внимания, поскольку они во многом определяют перспективы интеграционного проекта [98; 99; 100].

Ведущие специалисты ИМЭМО, так или иначе вовлеченные в исследования процессов, происходящих в Европе, участвуют и в подготовке традиционных прогнозов ИМЭМО РАН [101; 102], в которых интеграционная тематика занимает видное место. Прогнозные исследования – отличительная особенность ИМЭМО. Статус одного из ведущих академических институтов, активно участвующего в осуществлении экспертно-аналитической поддержки при принятии внешнеполитических решений органами власти, делает прогностическую компоненту обязательной составляющей при реализации исследований.

Ученые из ИМЭМО демонстрируют интерес к компаративным исследованиям европейской и евразийской интеграций [103; 104; 105; 106]. Фактически сегодня ни одно исследование по проблематике интеграции, независимо от региона мира, не может обойтись без сопоставления и отсылок к европейскому опыту. Поэтому важен такой проект ИМЭМО, как дискуссионный форум “Европейские диалоги”, который реализуется с 2009 г. с целью сближения России и ЕС³⁰.

²⁸ Липкин М.А. “Неудачи начались, когда свернули со своего пути”. Член-корреспондент РАН Михаил Липкин – о том, чем был хорош СЭВ. *Огонек*, 25.11.2019, № 46. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4163267> (accessed 30.12.2019).

²⁹ Интервью с к.э.н., ведущим научным сотрудником ЦЕИ ИМЭМО РАН А.В. Авиловой. 22.01.2020.

³⁰ Дискуссионный Форум “Европейские диалоги”. Available at: <https://www.imemo.ru/activities/european-dialogues> (accessed 26.02.2020).

Так или иначе, сопоставление европейской и евразийской интеграции обладает серьезным потенциалом для дальнейших научных исследований³¹. Именно поэтому под эгидой ИМЭМО РАН в 2008 г. появился новый научный журнал «Россия и новые государства Евразии»³². В то же время исследователи ИМЭМО на основе анализа европейской интеграции указывают и на фундаментальные причины сложностей интеграции евразийской. Особенно интересен тезис Ю.В. Шишкова о роли экономической и политической зрелости государств – участников интеграционных процессов, чего не наблюдается на постсоветском пространстве [2; 24]. Впрочем, он же указывает, что интеграции XXI в. отличаются от интеграций XX в. возможностью успешно преодолевать факторы, ранее считавшиеся фатальными для успеха интеграционного объединения, в том числе разноразмерность потенциалов [24]. Подобно европейской, евразийская интеграция системно изучается в ИМЭМО силами разных подразделений, но ведущую роль играет Центр постсоветских исследований³³.

В то же время исследователи отмечают, что органы власти в целом пока не стремятся к системному взаимодействию с экспертно-аналитическим сообществом. По крайней мере, по вопросам европейской интеграции. Запросы на подготовку аналитических материалов для экспертной поддержки носят «в основном ситуативный, конъюнктурный характер»³⁴. Особенно это характерно для сложных кризисных ситуаций наподобие миграционного кризиса в ЕС 2015–2016 гг. Превалирование «событийных запросов» по линии экспертной поддержки принятия внешнеполитических решений означает, что российские власти скорее реагируют на происходящее в Европе, а не стремятся выстраивать свою линию взаимодействия с ЕС в инициативном порядке. Впрочем, сегодня ситуация в отношениях Россия–ЕС действительно может быть охарактеризована как кризис. Перспективы налаживания отношений между Россией и Евросоюзом есть, но в большей степени это будет зависеть не столько от собственно двустороннего взаимодействия, сколько от неких внешних по отношению к России и ЕС факторов. Например, «сейчас очень сильны противоречия между Европейским союзом и Соединенными Штатами. И непереизбрание Трампа может изменить подходы ЕС в отношениях с российской стороной... «Черные лебеди» прилетают с разных сторон»³⁵. Вообще российское академическое сообщество видит серьезные позитивные возможности в случае нормализации отношений России и объединенной Европы. Однако в вопросе о перспективах такого сотрудничества ученые ИМЭМО занимают умеренную позицию. Особенно это относится к возможности «интеграции интеграций» – ЕС и ЕАЭС. Выяснилось, что «эта идея не находит поддержки не только со стороны Европейской комиссии, но и со стороны научного, экспертного сообщества. Хотя определенные попытки предпринимаются»³⁶. В целом проблема взаимосвязи интеграции с другими феноменами международной жизни является одной из наиболее сложных в теоретико-методологическом отношении. Одним из таких новых феноменов являются «новые политические пространства».

Понятие «новые политические пространства», как и многие другие термины в политологии, не имеет общепризнанной трактовки. Однако его понятийное поле подразумевает анализ процессов и явлений на транснациональном уровне. Интеграционные процессы сопрягаются и с процессами формирования новых политических пространств, в основе которых лежат этноконфессиональные и культуральные факторы, а, помимо государств и наднациональных структур, задействовано гораздо больше разномасштабных негосударственных акторов – диаспор, внутригосударственных регионов и т.п. На вопрос о том, способствует или препятствует этим новым явлениям международной жизни европейская интеграция и если да, то каким образом, пока нет однозначного ответа. Формирование новых политических пространств, не имеющих прочной институционально оформленной основы, еще только становится частью предметного поля политологии

³¹ Интервью с Ю.Д. Квашниным и А.М. Волковым. 22.01.2020.

³² *Россия и новые государства Евразии*. Available at: <https://www.imemo.ru/jour/RNE> (accessed 10.01.2020).

³³ *Центр постсоветских исследований*. ИМЭМО РАН. Available at: <https://www.imemo.ru/about/structure/post-soviet-studies> (accessed 05.04.2020).

³⁴ Интервью с Ю.Д. Квашниным и А.М. Волковым. 22.01.2020.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

и науки о международных отношениях, и ученые ИМЭМО также активно участвуют в оформлении этого исследовательского поля [107; 108]. Сегодня протекает трудный процесс операционализации и концептуализации новых понятий, сопряженных с интеграцией.

Пятое поколение интеграционных исследований в ИМЭМО характеризуется ренессансом компаративизма, наиболее широким за всю историю охватом различных аспектов проблематики и разнообразием теоретико-методологических подходов. Во многом этому способствует институционально-организационная диверсификация изучения европейской интеграции в ИМЭМО, сохранившаяся с советских времен и доказавшая свою полезность.

* * *

Изучение европейской интеграции в ИМЭМО РАН, начиная с 1957 г., отмечено поэтапной эволюцией. Основные этапы эволюции могут быть уместены в рамках пяти поколений интеграционных исследований. При этом поколения не столько сменяют друг друга, сколько сосуществуют друг с другом на основе взаимодополнения и взаимопроникновения. В роли основных маркеров, определяющих генерационные различия, выступают фокус, сфера и парадигма (см. табл. 2). Можно уверенно констатировать, что в ИМЭМО сформировался собственный подход к интеграционным исследованиям. Его главными чертами являются комплексность, систематичность и сбалансированность (нет стремления к драматизации ситуации в сложные периоды наподобие миграционного кризиса 2015 г. или Брекзита 2017–2020 гг., как нет и идеализации реалий объединенной Европы), что позволяет получать не только фундаментальные научные результаты, но и успешно осуществлять экспертно-аналитическую поддержку в интересах органов государственной власти. Интересно, что интеграционные исследования выступают своеобразным интегратором для всех основных направлений исследований ИМЭМО, начиная с проблематики глобального развития и заканчивая эволюцией международных отношений³⁷.

Таблица 2. Интеграционные исследования в ИМЭМО РАН: генерационный профиль

Поколение и период	Фокус	Сфера	Парадигма	Степень организационной институализации
Первое (конец 1950-х – начало 1960-х годов)	мотивы, причины, механизмы интеграции, признание объективности интеграционных процессов	экономика	марксизм-ленинизм	низкая (отсутствуют специализированные подразделения и нет выделения в качестве “большой” самостоятельной темы НИР)
Второе (1960-е – первая половина 1980-х годов)	сопоставление с социалистической интеграцией, доминирование экономической компоненты, активизация изучения политических аспектов	экономика, политика	марксизм-ленинизм	низкая
Третье (1985–1991 гг.)	постепенный отказ от преимущественно негативных идеологизированных характеристик западноевропейской интеграции	экономика, политика	марксизм-ленинизм, реализм	низкая

³⁷ Об основных научных исследовательских направлениях подробнее см.: ИМЭМО РАН. Available at: <https://www.imemo.ru/about> (accessed 20.10.2019).

Четвертое (1990-е годы)	сопоставление европейской интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве и пространстве государств бывшего соцлагеря	экономика, политика, социальная сфера	плюрализм подходов, сильное влияние западных теоретико-методологических концепций	средняя (появляется в качестве самостоятельной тематики НИР, но в тесном сопряжении с другими темами)
Пятое (2000-е годы – настоящее время)	сопоставление европейской и евразийской интеграций; изучение интеграции в категориях политического пространства как фактора формирования новой модели и системы международного взаимодействия	экономика, политика, социальная сфера, массовые настроения и идентичность	плюрализм подходов, обращение к российскому наследию	средняя (самостоятельная тема в деятельности отделов; взаимодействие взаимонезависимых равностатусных подразделений ИМЭМО РАН)

Приложение. Избранные труды ИМЭМО РАН по европейской интеграции

Арбатова Н.К., Гутник В.П., Хесин Е.С., Юданов Ю.И., отв. ред. *Расширение ЕС на восток: предпосылки, проблемы, последствия*. Москва, Наука, 2003. 344 с.

Барановский В.Г. *Европейское сообщество в системе международных отношений*. Москва, Наука, 1986. 319 с.

Барановский В.Г. *Политическая интеграция в Западной Европе: некоторые вопросы теории и практики*. Москва, Наука, 1983. 264 с.

Гутник В.П., отв. ред. *Западноевропейские страны: особенности социально-экономических моделей*. Москва, Наука, 2002. 271 с.

Гутник В.П., отв. ред. *Финансовая политика стран ЕС*. Москва, Наука, 2004. 267 с.

Кишилов Н.С., отв. ред. *Западноевропейская интеграция: политические аспекты*. Москва, Наука, 1985. 336 с.

Кузнецов А.В., отв. ред. *Региональная политика стран ЕС*. Москва, ИМЭМО РАН, 2009. 230 с.

Кузнецов А.В., Хесин Е.С., ред. *Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013. 250 с.

Максимова М.М. К вопросу об отечественной теории интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 6, сс. 104-113.

Максимова М.М. *Основные проблемы империалистической интеграции: экономический аспект*. Москва, Мысль, 1971. 357 с.

Новиков Р.А., Шишков Ю.В. *Международная кооперация капиталистических фирм*. Москва, Мысль, 1972. 286 с.

Последствия формирования единого рынка Европейского сообщества. *Мировая экономика и международные отношения*, 1989, № 4, сс. 38-44.

Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. *Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013. 155 с.

Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. *Европейский союз: архитектура внешней политики*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 135 с.

Шишков Ю.В. *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ?* Москва, НП "III тысячелетие", 2001. 480 с.

Шишков Ю.В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее. *Мировая экономика и международные отношения*, 2006, № 4, сс. 54-63.

Шишков Ю.В. *Формирование интеграционного комплекса в Западной Европе: тенденции и противоречия*. Москва, Наука, 1979. 343 с.

Юданов Ю.И., отв. ред. *Расширение ЕС на восток: позиции стран Евросоюза*. Москва, ИМЭМО РАН, 2002. 120 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Автономов В.С. Экономическая теория в ИМЭМО: советский период. *Вопросы экономики*, 2016, № 11, сс. 117-134. [Avtonomov V.S. Ekonomicheskaya teoriya v IMEMO: sovetskii period [Economic Theory in IMEMO (The Soviet Period)]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 11, pp. 117-134.]. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-11-117-134
2. Шишков Ю.В. *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ?* Москва, НП "III тысячелетие", 2001. 480 с. [Shishkov Yu.V. *Integratsionnye protsessy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG?* [Integration Processes on the Threshold of the XXI Century. Why are the CIS Countries not Integrating?]. Moscow, NP "III tysyacheletie", 2001. 480 p.]
3. Авдонин В.С. *Российские исследования политики Европейского союза в контексте становления отечественной политической науки*. Дисс. докт. полит. наук. Краснодар, 2006. 356 с. [Avdonin V.S. *Rossiiskie issledovaniya politiki Evropeiskogo soyuza v kontekste stanovleniya otechestvennoi politicheskoi nauki*. Diss. dokt. polit. nauk [Russian Studies of European Union Politics in the Context of the Formation of Russian Political Science. Dr. Diss. (Pol.)]. Krasnodar, 2006. 356 p.]
4. Борко Ю.А. *Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции*. Москва, Наука, 1975. 302 с. [Borko Yu.A. *Zapadnaya Evropa: sotsial'nye posledstviya kapitalisticheskoi integratsii* [Western Europe: Social Consequences of Capitalist Integration]. Moscow, Nauka, 1975, 302 p.]
5. Энтин Л.М. *Крушение империи*. Москва, Международные отношения, 1965. 199 с. [Entin L.M. *Krushenie imperii* [The collapse of the Empire]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1965. 199 p.]
6. Буторина О.В., ред. *Европейские исследования в России (1992–2017)*. Томск, Издательство Томского университета, 2017. 464 с. [Butorina O.V., ed. *Evropeiskie issledovaniya v Rossii (1992–2017)* [European Studies in Russia (1992–2017)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2017. 464 p.]
7. Ленин В.И. О лозунге Соединенные Штаты Европы. *Полное собрание сочинений*. Москва, Издательство политической литературы, 1969. Изд. 5, т. 26, сс. 351-355. [Lenin V.I. O lozunge Soedinennye Shtaty Evropy [About the Slogan United States of Europe]. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. Iss. 5, vol. 26, pp. 351-355.]
8. Варга Е.С. "Общий рынок" и мировой капиталистический рынок. *Мировая экономика и международные отношения*, 1959, № 7, сс. 110-112. [Varga E.S. "Obshchii rynek" i mirovoi kapitalisticheskii rynek [The "Common Market" and the World Capitalist Market]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1959, no. 7, pp. 110-112.]
9. Арзуманян А.А. Социально-экономические и политические причины "интеграции" в Западной Европе. *Мировая экономика и международные отношения*, 1959, № 10, сс. 36-48. [Arzumanyan A.A. Sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie prichiny "integratsii" v Zapadnoi Evrope [Social, Economic and Political Reasons for "Integration" in the Western Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1959, no. 10, pp. 36-48.]
10. Блищенко И. О буржуазных теориях "объединенной Европы". *Мировая экономика и международные отношения*, 1959, № 8, сс. 107-109. [Blishchenko I. O burzhuznykh teoriyakh "ob'edinennoi Evropy" [On the Bourgeois Theories of "United Europe"]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1959, no. 8, pp. 107-109.]
11. Селезнева Е. Евroatом: цели и деятельность. *Мировая экономика и международные отношения*, 1959, № 11, сс. 120-123. [Selezneva E. Evroatom: tseli i deyatel'nost' [Euratom: the Objectives and Activities]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1959, no. 11, pp. 120-123.]
12. Солодкин Р. Почему создана Европейская ассоциация свободной торговли. *Мировая экономика и международные отношения*, 1960, № 4, сс. 132-135. [Solodkin R. Pochemu sozdana Evropeiskaya assotsiatsiya svobodnoi trgovli [Why the European Free Trade Association Was Created]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1960, no. 4, pp. 132-135.]
13. Попов К. Новое "сообщество" – старые противоречия. *Мировая экономика и международные отношения*, 1961, № 9, сс. 130-134. [Popov K. Novoe "soobshchestvo" – starye protivorechiya [A New "Community" – an Old Controversy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1961, no. 9, pp. 130-134.]
14. Княжинский В.Б. *Провал планов "объединения Европы": очерк истории империалистических попыток антисоветского "Объединения Европы" между первой и второй мировыми войнами*. Москва, Госполитиздат, 1958. 212 с. [Knyazhinskii V.B. *Proval planov "ob'edineniya Evropy": ocherk istorii imperialisticheskikh popytok antisovetskogo "Ob'edineniya Evropy" mezhdu pervoi i vtoroi mirovymi voynami* [Failure of the Plans to "Unite Europe": an Essay on the History of Imperialist Attempts to Create Anti-Soviet "United Europe" between the First and the Second World Wars]. Moscow, Gospolitizdat, 1958. 212 p.]
15. Суслин П. Экономическая подоплека империалистической борьбы вокруг "европейской интеграции". *Мировая экономика и международные отношения*, 1959, № 8, сс. 104-107. [Suslin P. Ekonomicheskaya podopleka imperialisticheskoi bor'by vokrug "evropeiskoi integratsii" [Economic Background of the Imperialist Struggle around "European Integration"]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1959, no. 8, pp. 104-107.]
16. Черкасов П.П. *ИМЭМО. Очерк истории*. Москва, Весь Мир, 2016. 872 с. [Cherkasov P.P. *IMEMO. Ocherk istorii* [Essay on IMEMO History]. Moscow, Ves' Mir, 2016. 872 p.]
17. Румянцев А.В., ред. *"Общий рынок" и рабочий класс: Материалы обмена мнениями, состоявшегося в редакции журнала "Проблемы мира и социализма" между марксистами ряда стран по теоретическим вопросам, связанным с "интеграцией" Западной Европы*. Прага, июль 1959 г. Москва, 1960. 228 с. [Rumyantsev A.M., ed. *"Obshchii rynek" i rabochii klass: Materialy obmena mneniyami, sostoyavshegosya v redaktsii zhurnala "Problemy mira i sotsializma", mezhdu marksistami ryada stran po teoreticheskim voprosam, svyazannym s "integratsiei" Zapadnoi Evropy*. Praga, iyul' 1959 g. [The "Common Market" and the Working Class: Materials of an Exchange of Views Held in the Editorial Office of the Journal "Problems of Peace and Socialism" between Marxists of a Number of Countries on Theoretical Issues Related to the "Integration" of the Western Europe. Prague, July 1959]. Moscow, 1960. 228 p.]

18. Тезисы ИМЭМО АН СССР «О создании "Общего рынка" и Евроатома». *Мировая экономика и международные отношения*, 1957, № 1, сс. 83-96. [Tezisy IMEMO AN SSSR «O sozdanii "Obshchego rynka" i Evroatoma» [Theses of IMEMO of the USSR Academy of Sciences "On the Creation of a 'Common Market' and Euroatom"]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1957, no. 1, pp. 83-96.]
19. Об империалистической интеграции в Западной Европе. («Общий рынок»). Тезисы. Подготовлены ИМЭМО АН СССР. *Мировая экономика и международные отношения*, 1962, № 9. [Ob imperialisticheskoi integratsii v Zapadnoi Evrope. ("Obshchii rynek"). Tezisy. Podgotovleny IMEMO AN SSSR [On Imperialist Integration in Western Europe. ("Common Market"). Theses. Prepared by IMEMO of the USSR Academy of Sciences]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1962, no. 9.]
20. Селезнева Е.И. Европейское экономическое сообщество. *Международный политико-экономический ежегодник 1958 г.* Москва, Государственное издательство политической литературы, 1958, сс. 624-621. [Seleznova E.I. Evropeiskoe ekonomicheskoe soobshchestvo. [European Economic Community]. *Mezhdunarodnyi politiko-ekonomicheskii ezhegodnik 1958 g.* [International Political and Economic Yearbook 1958]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1958, pp. 624-621.]
21. Всеволодов В.С. Европейское сообщество по атомной энергии. *Международный политико-экономический ежегодник 1958 г.* Москва, Государственное издательство политической литературы, 1958, сс. 622-627. [Vsevolodov V.S. Evropeiskoe soobshchestvo po atomnoi energii [European Atomic Energy Community]. *Mezhdunarodnyi politiko-ekonomicheskii ezhegodnik 1958 g.* [International Political and Economic Yearbook 1958]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1958, pp. 622-627.]
22. Всеволодов В.С. Европейское объединение угля и стали. *Международный политико-экономический ежегодник 1958 г.* Москва, Государственное издательство политической литературы, 1958, сс. 628-634. [Vsevolodov V.S. Evropeiskoe ob'edinenie uglya i stali [European Coal and Steel Community]. *Mezhdunarodnyi politiko-ekonomicheskii ezhegodnik 1958 g.* [International Political and Economic Yearbook 1958]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1958, pp. 628-634.]
23. Фитуни Л.А. Европейское экономическое сообщество. *Международный политико-экономический ежегодник 1959 г.* Москва, Государственное издательство политической литературы, 1959, сс. 507-512. [Fituni L.A. Evropeiskoe ekonomicheskoe soobshchestvo [European Economic Community]. *Mezhdunarodnyi politiko-ekonomicheskii ezhegodnik 1959 g.* [International Political and Economic Yearbook 1959]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959, pp. 507-512.]
24. Шишков Ю.В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее. *Мировая экономика и международные отношения*, 2006, № 4, сс. 54-63. [Shishkov Yu.V. Otechestvennaya teoriya regional'noi integratsii: opyt proshlogo i vzglyad v budushchee [Russian Theory of Regional Integration: Past Experience and a View to the Future]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2006, no. 4, pp. 54-63.]
25. Гантман В.И. О планах создания "Европейского политического сообщества". *Мировая экономика и международные отношения*, 1959, № 8, сс. 110-114. [Gantman V.I. O planakh sozdaniya "Evropeiskogo politicheskogo soobshchestva" [About Plans to Create a "European Political Community"]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1959, no. 8, pp. 110-114.]
26. Богомолов О. Два типа международной экономической интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 1974, № 11, сс. 26-35. [Bogomolov O. Dva tipa mezhdunarodnoi ekonomicheskoi integratsii [Two Types of International Economic Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1974, no. 11, pp. 26-35.]
27. Иванов И. "Общий рынок" и соревнование двух мировых систем. *Мировая экономика и международные отношения*, 1963, № 7, сс. 3-14. [Ivanov I. "Obshchii rynek" i sorevnovanie dvukh mirovykh sistem ["Common Market" and Competition between Two World Systems]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1963, no. 7, pp. 3-14.]
28. Кудров В. Экономическое соревнование социализма и капитализма на современном этапе. *Мировая экономика и международные отношения*, 1976, № 12, сс. 25-37. [Kudrov V. Ekonomicheskoe sorevnovanie sotsializma i kapitalizma na sovremennom etape [Economic Competition between Socialism and Capitalism at the Present Stage]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1976, no. 12, pp. 25-37.]
29. Максимова М.М., Певзнер Я. Проблемы западноевропейской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 1966, № 1, сс. 105-110. [Maksimova M.M., Pevzner Ya. Problemy zapadnoevropeiskoi integratsii [Problems of Integration in the Western Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1966, no. 1, pp. 105-110.]
30. Коркунов И., Любимова В.В. Проблемы региональной интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 1966, № 4, сс. 106-113. [Korkunov I., Lyubimova V.V. Problemy regional'noi integratsii [Problems of Regional Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1966, no. 4, pp. 106-113.]
31. Шишков Ю. Последствия и противоречия капиталистической интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 1971, № 12, сс. 13-24. [Shishkov Yu. Posledstviya i protivorechiya kapitalisticheskoi integratsii [Consequences and Contradictions of Capitalist Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1971, no. 12, pp. 13-24.]
32. Максимова М.М. Капиталистическая интеграция и мировое развитие. *Мировая экономика и международные отношения*, 1978, № 3, сс. 12-23. [Maksimova M.M. Kapitalisticheskaya integratsiya i mirovye razvitiye [Capitalist Integration and Global Development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1978, no. 3, pp. 12-23.]
33. Чернявина В. Энергетическая политика Общего рынка. *Мировая экономика и международные отношения*, 1967, № 4, сс. 128-133. [Chernyavina V. Energeticheskaya politika Obshchego rynka [Energy Policy of the Common Market]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1967, no. 4, pp. 128-133.]

34. Борисова К. Монополии химической промышленности ЕЭС. *Мировая экономика и международные отношения*, 1978, № 2, сс. 125-130. [Borisova K. Monopolii khimicheskoi promyshlennosti EES [The Monopoly of the Chemical Industry of the EEC]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1978, no. 2, pp. 125-130.]
35. Борисова К. Монополии автомобильной промышленности ЕЭС. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 12, сс. 109-115. [Borisova K. Monopolii avtomobil'noi promyshlennosti EES [The Monopoly of the Automotive Industry of the EEC]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1979, no. 12, pp. 109-115.]
36. Любимова В. Социальная политика ЕЭС: декларации и результаты. *Мировая экономика и международные отношения*, 1976, № 4, сс. 62-79. [Lyubimova V. Sotsial'naya politika EES: deklaratsii i rezul'taty [Social Policy of the EEC: Declaration and Results]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1976, no. 4, pp. 62-79.]
37. Барановский В.Г. В политических лабиринтах Общего рынка. *Мировая экономика и международные отношения*, 1975, № 11, сс. 77-81. [Baranovskii V.G. V politicheskikh labirintakh Obshchego rynka [In the Political Mazes of the Common Market]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1975, no. 11, pp. 77-81.]
38. Барановский В.Г. ЕЭС: реальности "политического сотрудничества". *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 8, сс. 96-105. [Baranovskii V.G. EES: real'nosti "politicheskogo sotrudnichestva" [EEC: the Reality of "Political Cooperation"]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1979, no. 8, pp. 96-105.]
39. Ливенцев И. "Раунд Кеннеди" – схватка монополий США и ЕЭС. *Мировая экономика и международные отношения*, 1967, № 3, сс. 108-111. [Liventsev I. "Raund Kennedi" – skhvatka monopolii SShA i EES ["Kennedy Round" – the Battle of Monopolies of the United States and the EEC]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1967, no. 3, pp. 108-111.]
40. Федоровская Э. Товары США на Общем рынке. *Мировая экономика и международные отношения*, 1967, № 8, сс. 41-53. [Fedorovskaya E. Tovary SShA na Obshchem rynke [US Products in the Common Market]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1967, no. 8, pp. 41-53.]
41. Кириченко Э.В. США и Общий рынок. Аспекты внешнеторговых отношений. *Мировая экономика и международные отношения*, 1973, № 5, сс. 31-43. [Kirichenko E.V. SShA i Obshchii rynek. Aspekty vneshnetorgovykh otnoshenii [The United States and the Common Market. Issues of Foreign Trade Relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1973, no. 5, pp. 31-43.]
42. Мельников Д.Е., отв. ред. *Международные отношения в Западной Европе*. Москва, Международные отношения, 1974. 303 с. [Mel'nikov D.E., ed. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Zapadnoi Evrope* [International Relations in the Western Europe]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 303 p.]
43. Мадзоевский С.П., Хесин Е.С., отв. ред. *Великобритания*. Москва, Мысль, 1981. 429 с. [Madzoevskii S.P., Khesin E.S., eds. *Velikobritaniya* [Great Britain]. Moscow, Mysl', 1981. 429 p.]
44. Хесин Е.С. Англия на пути в Общий рынок. Ставка крупного бизнеса. *Мировая экономика и международные отношения*, 1972, № 2, сс. 88-91. [Khesin E.S. Angliya na puti v Obshchii rynek. Stavka krupnogo biznesa [England is on its Way to the Common Market. Big Business Bid]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1972, no. 2, pp. 88-91.]
45. Хесин Е.С. Механизм Общего рынка и Англия. *Мировая экономика и международные отношения*, 1974, № 1, сс. 45-55. [Khesin E.S. Mekhanizm Obshchego rynka i Angliya [The Mechanism of the Common Market and England]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1974, no. 1, pp. 45-55.]
46. Новиков Р.А. ЕОУС: Бельгийский опыт. *Мировая экономика и международные отношения*, 1959, № 1, сс. 103-106. [Novikov R.A. EOUS: Bel'giiskii opyt [The ECSC: the Belgian Experience]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1959, no. 1, pp. 103-106.]
47. Максимова М.М. Изменения в производительных силах капитализма и интернационализация хозяйственной жизни. *Мировая экономика и международные отношения*, 1970, № 9, сс. 63-76. [Maksimova M.M. Izmeneniya v proizvoditel'nykh silakh kapitalizma i internatsionalizatsiya khozyaistvennoi zhizni [Changes in the Productive Forces of Capitalism and the Internationalization of Economic Life]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1970, no. 9, pp. 63-76.]
48. Максимова М.М. Буржуазное государство и империалистическая интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*, 1971, № 6, сс. 39-49. [Maksimova M.M. Burzhuznoe gosudarstvo i imperialisticheskaya integratsiya [The Bourgeois State and Imperialist Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1971, no. 6, pp. 39-49.]
49. Соколов И. Интеграция и дезинтеграция в экономике современного капитализма. *Мировая экономика и международные отношения*, 1971, № 1, сс. 3-16. [Sokolov I. Integratsiya i dezintegratsiya v ekonomike sovremennogo kapitalizma [Integration and Disintegration in the Economy of Modern Capitalism]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1971, no. 1, pp. 3-16.]
50. Предмет обсуждения – капиталистическая интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*, 1972, № 4, сс. 99-112. [Predmet obsuzhdeniya - kapitalisticheskaya integratsiya [The Subject of Discussion is Capitalist Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1972, no. 4, pp. 99-112.]
51. Международный симпозиум по проблемам интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 1972, № 3, сс. 133-134. [Mezhdunarodnyi simpozium po problemam integratsii [International Symposium on Integration Issues]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1972, no. 3, pp. 133-134.]
52. Юданов Ю.И. Предпосылки общеевропейского хозяйственного сотрудничества. *Мировая экономика и международные отношения*, 1974, № 8, сс. 71-82. [Yudanov Yu.I. Predposylki obshcheevropeiskogo khozyaistvennogo sotrudnichestva [Prerequisites for Pan-European Economic Cooperation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1974, no. 8, pp. 71-82.]

53. Княжинский В.Б. *Политическая стратегия антикоммунизма: очерк истории империалистической политики "европейской интеграции"*. Москва, Международные отношения, 1969. 311 с. [Knyazhinskii V.B. *Politicheskaya strategiya antikommunizma: ocherk istorii imperialisticheskoi politiki "evropeiskoi integratsii"* [Political Strategy of Anti-Communism: an Essay on the History of the Imperialist Policy of "European integration"]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1969. 311 p.]
54. Шишков Ю.В. Противоречия и перспективы капиталистической интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 1973, № 1, сс. 41-56. [Shishkov Yu.V. Protivorechiya i perspektivy kapitalisticheskoi integratsii [Contradictions and Prospects of Capitalist Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1973, № 1, pp. 41-56.]
55. Шишков Ю.В. ЕЭС: трудная дилемма. *Мировая экономика и международные отношения*, 1975, № 10, сс. 56-69. [Shishkov Yu.V. EES: trudnaya dilemma [EEC: a Difficult Dilemma]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1975, № 10, pp. 56-69.]
56. Максимова М.М. Основные проблемы империалистической интеграции: Экономический аспект. Москва, Мысль, 1971. 357 с. [Maksimova M.M. *Osnovnye problemy imperialisticheskoi integratsii: Ekonomicheskii aspekt* [The Main Problems of Imperialist Integration: the Economic Dimension]. Moscow, Mysl', 1971. 357 p.]
57. Новиков Р.А., Шишков Ю.В. *Международная кооперация капиталистических фирм*. Москва, Мысль, 1972. 286 с. [Novikov R.A., Shishkov Yu.V. *Mezhdunarodnaya kooperatsiya kapitalisticheskikh firm* [International Cooperation of Capitalist Firms]. Moscow, Mysl', 1972. 286 p.]
58. Барановский В.Г. *Политическая интеграция в Западной Европе: некоторые вопросы теории и практики*. Москва, Наука, 1983. 264 с. [Baranovskii V.G. *Politicheskaya integratsiya v Zapadnoi Evrope: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Political Integration in the Western Europe: Some Questions of Theory and Practice]. Moscow, Nauka, 1983. 264 p.]
59. Кишилов Н.С., отв. ред. *Западно-европейская интеграция: политические аспекты*. Москва, Наука, 1985. 336 с. [Kishilov N.S., ed. *Zapadno-evropeiskaya integratsiya: politicheskie aspekty* [Western European Integration: Political Aspects]. Moscow, Nauka, 1985. 336 p.]
60. Максимова М.М. К вопросу об отечественной теории интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 6, сс. 104-113. [Maksimova M.M. K voprosu ob otechestvennoi teorii integratsii [On the Question of the Russian Integration Theory]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2007, no. 6, pp. 104-113.]
61. Филимонова Т. Расширение состава ЕЭС. *Мировая экономика и международные отношения*, 1985, № 4, сс. 98-104. [Filimonova T. Rasshirenie sostava EES [The Enlargement of the EEC]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1985, no. 4, pp. 98-104.]
62. Шишков Ю.В. Европейское сообщество на переломном рубеже. *Мировая экономика и международные отношения*, 1986, № 6, сс. 40-53. [Shishkov Yu.V. Evropeiskoe soobshchestvo na perelomnom rubezhe [The European Community Is at a Turning Point]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1986, no. 6, pp. 40-53.]
63. Шишков Ю.В., отв. ред. *Процессы интернационализации хозяйственной жизни и региональной интеграции в условиях структурных изменений в капиталистической экономике*. Москва, ИМЭМО, 1987. 388 с. [Shishkov Yu.V., ed. *Protsessy internatsionalizatsii khozyaistvennoi zhizni i regional'noi integratsii v usloviyakh strukturnykh izmenenii v kapitalisticheskoi ekonomike* [Processes of Internationalization of Economic Life and Regional Integration in the Context of Structural Changes in the Capitalist Economy]. Moscow, IMEMO, 1987. 388 p.]
64. Нерушенко И.Б. ЕС на пути к экономическому и валютному союзу. Москва, ИМЭМО, 1989. 55 с. [Nerushenko I.B. *ES na puti k ekonomicheskomu i valyutnomu soyuzu* [European Communities towards an Economic and Monetary Union]. Moscow, IMEMO, 1989. 55 p.]
65. Шишков Ю.В., отв. ред. *Процессы региональной интеграции в капиталистическом мире (Материалы международного симпозиума): Сб. научных трудов*. Москва, ИМЭМО, 1986. 231 с. [Shishkov Yu.V., ed. *Protsessy regional'noi integratsii v kapitalisticheskom mire (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma): Sb. nauchnykh trudov* [Processes of Regional Integration in the Capitalist World (Proceedings of the International Symposium): Collection of Scientific Papers]. Moscow, IMEMO, 1986. 231 p.]
66. Последствия формирования единого рынка Европейского сообщества. *Мировая экономика и международные отношения*, 1989, № 4, сс. 38-44. [Posledstviya formirovaniya edinogo rynka Evropeiskogo soobshchestva [Consequences of the Formation of the European Community Single Market]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1989, no. 4, pp. 38-44.]
67. Рубинский Ю.И. Западноевропейская интеграция на новом этапе: институциональный аспект. *Мировая экономика и международные отношения*, 1987, № 12, сс. 85-90. [Rubinskii Yu.I. Zapadnoevropeiskaya integratsiya na novom etape: institutsional'nyi aspekt [Western European Integration at a New Stage: Institutional Aspect]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1987, no. 12, pp. 85-90.]
68. Барановский В.Г. Европа: формирование новой международно-политической системы. *Мировая экономика и международные отношения*, 1990, № 9, сс. 5-18. [Baranovskii V.G. Evropa: formirovanie novoi mezhdunarodno-politicheskoi sistemy [Europe: The Formation of a New International Political System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1990, no. 9, pp. 5-18.]
69. Барановский В.Г. *Европейское сообщество в системе международных отношений*. Москва, Наука, 1986. 319 с. [Baranovskii V.G. *Evropeiskoe soobshchestvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [The European Community in the System of International Relations]. Moscow, Nauka, 1986. 319 p.]
70. Романова Т.А. *Становление Европейского союза как международного актора (на примере инвестиционного сотрудничества ЕС с Россией в энергетической сфере, 1994–2001 гг.)*. Санкт-Петербург, Издательство СПбГУ, 2003. 162 с. [Romanova T.A. *Stanovlenie Evropeiskogo soyuza kak mezhdunarodnogo aktora (na primere investitsionnogo sotrudnichestva ES s Rossiei v energeticheskoi sfere, 1994–2001 gg.)* [The Formation of the European Union as an International Actor (on the Example of the EU's Investment Cooperation with Russia in the Energy Sector, 1994–2001)]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, 2003. 162 p.]

71. Арбатова Н.К. Маастрихт II: быть ли общей внешней политике? *Мировая экономика и международные отношения*, 1996, № 10, сс. 50-56. [Arbatova N.K. Maastricht II: byt' li obshchei vneshnei politike? [Maastricht II: Should There be a Common Foreign Policy?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1996, no. 10, pp. 50-56.]
72. Стрежнева М.В. Социокультурные аспекты европейской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 1996, № 12, сс. 65-75. [Strezhneva M.V. Sotsiokul'turnye aspekty evropeiskoi integratsii. [Socio-Cultural Aspects of European Integration] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1996, no. 12, pp. 65-75.]
73. Квашнин Ю.Д., отв. ред. *Современная Греция в мировой экономике и политике*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013. 184 с. [Kvashnin Yu.D., ed. *Sovremennaya Gretsiiya v mirovoi ekonomike i politike* [Modern Greece in the Global Economy and Politics]. Moscow, IMEMO RAN, 2013. 184 p.]
74. Квашнин Ю.Д. Социальное государство в Греции: становление, развитие, реформирование. *Международная экономика*, 2014, № 8, сс. 45-53. [Kvashnin Yu.D. Sotsial'noe gosudarstvo v Gretsii: stanovlenie, razvitie, reformirovanie [Social State in Greece: Formation, Development, Reform]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, 2014, no. 8, pp. 45-53.]
75. Волков А.М. Северная Европа: разнонаправленные тенденции. *Выборы в Европарламент-2019. Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции*. Квашнин Ю.Д., Кудрявцев А.К., Плевако Н.С., Швейцер В.Я., ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2019. сс. 115-119. [Volkov A.M. Severnaya Evropa: Raznopravlennye Tendentsii [Northern Europe: Multidirectional Trends]. *Vybory v Evroparlament-2019. Natsional'nye otvety na dilemmy evropeiskoi integratsii* [European Parliament Elections-2019. National Responses to the Dilemmas of European Integration]. Moscow, IMEMO RAN, 2019. pp. 115-119.]
76. Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. Москва, ИМЭМО РАН, 2011. 122 с. [Trofimova O.E. *Evolutsiya sredizemnomorskoi politiki Evrosoyuza: put' ot sotrudnichestva k integratsii* [Evolution of the EU Mediterranean Policy: from Cooperation to Integration]. Moscow, IMEMO RAN, 2011. 122 p.]
77. Андреева Т.Н. В свете Брексита. Военно-техническое сотрудничество Великобритании–ЕС. *Свободная мысль*, 2018, № 5. сс. 87-100. [Andreeva T.N. V svete Breksita. Voenno-tekhicheskoe sotrudnichestvo Velikobritaniya–ES [In Light of Brexit. UK–EU Military-Technical Cooperation]. *Svobodnaya mysl'*, 2018, no. 5, pp. 87-100.]
78. Стрежнева М.В., ред. *Транснациональные политические пространства: явление и практика*. Москва, Весь Мир, 2011. 376 с. [Strezhneva M. V., ed. *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational Political Spaces: Phenomenon and Practice]. Moscow, Ves' Mir, 2011. 376 p.]
79. Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. *Управление экономикой в Европейском союзе: Институциональные и политические аспекты*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013. 155 с. [Strezhneva M.V., Prokhorenko I.L. *Upravlenie ekonomikoi v Evropeiskom soyuze: Institutsional'nye i politicheskie aspekty* [Economic Governance in the European Union: Institutional and Political Issues]. Moscow, IMEMO RAN, 2013. 155 p.]
80. Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. *Европейский союз: архитектура внешней политики*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 135 с. [Strezhneva M.V., Rudenkova D.E. *Evropeiskii soyuz: arkhitektura vneshnei politiki* [European Union: the Architecture of Foreign Policy]. Moscow, IMEMO RAN, 2016. 135 p.]
81. Прохоренко И.Л. *Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 93 с. [Prokhorenko I.L. *Evropeiskaya integratsiya i problema separativizma v gosudarstvakh-chlenakh Evropeiskogo soyuza* [European Integration and a Problem of Separatism in the European Union Member States]. Moscow, IMEMO RAN, 2018. 93 p.]
82. Арбатова Н.К., Кокеев А.М., отв. ред. *Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты)*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013. 204 с. [Arbatova N.K., Kokeyev A.M., eds. *Krizis ES i perspektivy evropeiskoi integratsii (politicheskie aspekty)* [EU Crisis and Prospects of the European Integration (Political Aspects)]. Moscow, IMEMO RAN, 2013. 204 p.]
83. Арбатова Н.К., Кокеев А.М., ред. *Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты)*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 234 с. [Arbatova N.K., Kokeyev A.M., eds. *Evropeiskii Soyuz na pereput'e: nereshennye problemy i novye vyzovy (politicheskie aspekty)* [European Union at the Crossroads: Unresolved Problems and New Challenges]. Moscow, IMEMO RAN, 2016. 234 p.]
84. Арбатова Н.К., Кокеев А.М., ред. *Подходы ЕС и его стран-членов к созданию автономного оборонного потенциала. Аналитический доклад*. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 33 с. [Arbatova N.K., Kokeyev A.M., eds. *Podkhody ES i ego stran-chlenov k sozdaniyu avtonomnogo oboronnogo potentsiala. Analiticheskii doklad* [Positions of the EU and its Member States on Europe's Strategic Autonomy]. Moscow, IMEMO RAN, 2017. 33 p.]
85. Арбатова Н.К., отв. ред. *Отношения Евросоюз–Россия и Украинский кризис*. Москва, ИМЭМО РАН, 2014. 183 с. [Arbatova N.K., ed. *Otnosheniya Evrosoyuz–Rossiya i Ukrainskii krizis* [EU–Russia Relations and the Ukrainian Crisis]. Moscow, IMEMO RAN, 2014. 183 p.]
86. Арбатова Н.К., Кокеев А.М., ред. *ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 52 с. [Arbatova N.K., Kokeyev A.M., eds. *ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran* [The EU in the Face of Migration Crisis. Positions of European countries]. Moscow, IMEMO RAN, 2016. 52 p.]
87. Цапенко И.П., Гришин И.П., отв. ред. *Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 233 с. [Tsapenko I.P., Grishin I.V., eds. *Integratsiya inokul'turnykh migrantov: perspektivy interkul'turalizma* [Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism]. Moscow, IMEMO RAN, 2018. 233 p.]
88. Авилова А.В. Италия на пороге ЕС: выйти или остаться? *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, № 11, сс. 132-149. [Avilova A.V. Italiya na poroge ES: vyiti ili ostat'sya? [Italy at the Threshold of the EU: Get out or Stay?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, no. 11, pp. 132-149.]

89. Юданов Ю.И., отв. ред. *Расширение ЕС на восток: позиции стран Евросоюза*. Москва, ИМЭМО РАН, 2002. 120 с. [Yudanov Yu. I., ed. *Rasshirenie ES na vostok: pozitsii stran Evrosoyuza* [Eastward Expansion of the EU: Positions of the EU Countries]. Moscow, IMEMO RAN, 2002. 120 p.]
90. Гутник В.П., отв. ред. *Финансовая политика стран ЕС*. Москва, Наука, 2004. 267 с. [Gutnik V.P., ed. *Finansovaya politika stran ES* [Financial Policy of the EU Countries]. Moscow, Nauka, 2004. 267 p.]
91. Кузнецов А.В., отв. ред. *Региональная политика стран ЕС*. Москва, ИМЭМО РАН, 2009. 230 с. [Kuznetsov A.V., ed. *Regional' naya politika stran ES* [Regional Policy of the EU Countries]. Moscow, IMEMO RAN, 2009. 230 p.]
92. Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека “малой” интеграции. *Современная Европа*, 2008, № 2, сс. 48-59. [Kuznetsov A.V. Evroregiony: polveka “maloi” integratsii [Euroregions: Half a Century of “Small” Integration]. *Contemporary Europe*, 2008, no. 2, pp. 48-59.]
93. Уткин С.В. *Россия и Европейский союз в меняющейся архитектуре безопасности: перспективы взаимодействия*. Москва, ИМЭМО РАН, 2010. 107 с. [Utkin S.V. *Rossiya i Evropeiskii soyuz v menayushchetsya arkhitekture bezopasnosti: perspektivy vzaimodeistviya* [Russia and the European Union in the Changing Security Architecture: Prospects for Interaction]. Moscow, IMEMO RAN, 2010. 107 p.]
94. Невская А.А. *Корпоративные связи России и Европейского союза*. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. 118 с. [Nevskaya A.A. *Korporativnye svyazi Rossii i Evropeiskogo soyuza* [Corporate Ties between the European Union and Russia]. Moscow, IMEMO RAN, 2017. 118 p.]
95. Арбатова Н.К., отв. ред. *Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства*. Москва, ИМЭМО РАН, 2009. 129 с. [Arbatova N.K., ed. *Rol' obraza Rossii v formirovanii obshcheevropeiskogo politicheskogo prostranstva* [The Role of the Image of Russia in Shaping the Pan-European Political Space]. Moscow, IMEMO RAN, 2009. 129 p.]
96. Семененко И.С. *Метаморфозы европейской идентичности. Полис. Политические исследования*, 2008, № 3, сс. 80-96. [Semenenko I.S. *Metamorfozy evropeiskoi identichnosti* [Metamorphoses of European Identity]. *Polis. Political Studies*, 2008, no. 3, pp. 80-96.]
97. Васильев В.И. Австрийская идентичность и европейская интеграция. *Обозреватель-Observer*, 2013, № 12, сс. 98-115. [Vasil'ev V.I. *Avstriiskaya identichnost' i evropeiskaya integratsiya* [Austrian Identity and European Integration]. *Obozrevatel'-Observer*, 2013, no. 12, pp. 98-115.]
98. Вайнштейн Г.И. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 8, сс. 40-48. [Vainshtein G.I. *Evroskeptitsizm: novyi faktor evropeiskoi politiki* [Euroscepticism: New Factor of European Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 8, pp. 40-48.]
99. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 4, сс. 69-89. [Vainshtein G.I. *Sovremennyy populizm kak ob'ekt politologicheskogo analiza* [Modern Populism as a Subject of Political Science]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 4, pp. 69-89.] DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06
100. Семененко И.С., Прохоренко И.Л. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 7, сс. 29-40. [Semenenko I.S., Prokhorenko I.L. *Ot proekta elit k massovoi politike: vyzovy politizatsii evropeiskoi integratsii* [From the Elitist Project to Mass Politics: Challenges of Politicization to the European Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 7, pp. 29-40.]
101. Дынкин А.А., ред. *Стратегический глобальный прогноз 2030*. Москва, Магистр, 2011. 480 с. [Dynkin A.A., ed. *Strategicheskii global'nyi prognoz 2030* [Strategic Global Forecast 2030]. Moscow, Magistr, 2011. 480 p.]
102. Дынкин А.А., ред. *Мир 2035. Глобальный прогноз*. Москва, Магистр, 2017. 352 с. [Dynkin A.A., ed. *Mir 2035. Global'nyi prognoz* [The world of 2035. Global Forecast]. Moscow, Magistr, 2017. 352 p.]
103. Стрежнева М.В. *Евразийская интеграция в контексте партнерства Россия-ЕС*. РСМД, 15.03.2013. [Strezhneva M.V. *Evraziiskaya integratsiya v kontekste partnerstva Rossiya-ES* [Eurasian Integration in the Context of the EU-Russia Partnership]. RSMD, 15.03.2013]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evraziyskaya-integratsiya-v-kontekste-partnerstva-rossiya-es/> (accessed 12.01.2020).
104. Квашнин Ю.Д. ЕАЭС в восприятии западного научно-экспертного сообщества (библиографический очерк). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2019, № 12, с. 212-227. [Kvashnin Yu.D. *EAES v vospriyatii zapadnogo nauchno-ekspertnogo soobshchestva* (bibliograficheskii ocherk) [The EAEU in the Perception of the Western Scientific and Expert Community (Bibliographic Essay)]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2019, no. 12, pp. 212-227.] DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-212-227
105. Чуфрин Г.И. *Очерки евразийской интеграции*. Москва, Весь Мир, 2013. 128 с. [Chufrin G.I. *Ocherki evraziiskoi integratsii* [Essays on Eurasian integration]. Moscow, Ves' Mir, 2013. 128 p.]
106. Борисов С.М. *Валютно-финансовые проблемы евразийской интеграции*. Москва, ИМЭМО РАН, 2014. 92 с. [Borisov S.M. *Valyutno-finansovye problemy evraziiskoi integratsii* [Financial and Monetary Problems of Eurasian Integration]. Moscow, IMEMO RAN, 2014. 92 p.]
107. Прохоренко И.Л. Проект Европейского союза “Восточное партнерство”: к проблеме конкуренции на постсоветском пространстве. *Россия и новые государства Евразии*, 2017, № 4, сс. 48-60. [Prokhorenko I.L. *Proekt Evropeiskogo soyuza “Vostochnoe partnerstvo”: k probleme konkurentsii na postsovetskom prostranstve* [The EU Eastern Partnership Project: on the Issue of Competition in the Post-Soviet Space]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, 2017, no. 4, pp. 48-60.]
108. Прохоренко И.Л. *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. Москва, ИМЭМО РАН, 2015. 111 с. [Prokhorenko I.L. *Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Spatial Approach in International Relations Studies]. Moscow, IMEMO RAN, 2015. 111 p.]

STUDIES OF EUROPEAN INTEGRATION AT IMEMO

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 1, pp. 94-115)

Received 07.04.2020.

Sergey P. ARTEEV (artsp7@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-4335-2850,
Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23,
Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The paper is devoted to the formation and development of the European integration studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. The chronological framework of the article covers the period from 1957 to 2019. Also in addition to IMEMO, the role of other national research centers in the study of integration processes is considered, and the contribution of the Soviet / Russian researchers is noted. The author uses the problem-chronological method and generational methods of research. The key markers that define generational differences are the focus, area and research paradigm. In total, the author identifies five generations of the European integration research at IMEMO. The first one, which dated from the late 1950s to the early 1960s, focused on the motives, causes, ways of integration, recognition of the objectivity of integration processes in Europe, the role of the Director of the Institute academician A.A. Arzumanyan and the outstanding scientist academician E.S. Varga in the "legitimation" of the study of European integration in Soviet science. The second one, dating from the 1960s to the first half of the 1980s, distinguished itself by the dominance of the economic component, the intensification of the study of political issues, the comparison of capitalist and socialist integration. Rejection of negative ideologized assessments of integration in Western Europe became one of characteristics of the generation of 1985-1991s. Thanks to the fourth generation of the 1990s, progress was made in active introduction of Western theories and methods into Russian research, comparison of European integration and disintegration in the post-Soviet space and in the former Eastern bloc. From the 2000s the IMEMO researchers have concentrated on comparison of European and Eurasian integration projects, study of integration in the context of new political spaces as a factor in the formation of a new model and system of international interaction. At the same time, the identified generations do not fully replace each other but rather coexist on the basis of complementarity and interpenetration. The author comes to the conclusion that IMEMO has developed its own scientific approach to integration studies. Its main features are complex, systematic and balanced. The article contains two tables and an Appendix with a list of the most significant IMEMO works on European integration.

Keywords: IMEMO, regional integration, Europe, European integration, Common Market, European Union, COMECON.

About author:

Sergey P. ARTEEV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector of Analysis of Political Change and Identity, Department of Comparative Political Studies, Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-94-115

